

**неприкосновенный
запас** ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

4

156 ²⁰²⁴

- * теология и современность
- * проблемы исторической репрезентации
- * псевдоморфозы федерации

неприкосновенный запас 4 [156] 2024

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ФЕДЕРАЦИЯ И ЕЕ ПСЕВДОМОРФОЗЫ	003	КЕННЕТ УЭЙР. Что такое федеральное правление. Федеральные конституции и федеральное правление
	026	АНДРЕЙ ЗАХАРОВ. Принуждение к союзу: федеративное поглощение Эритреи в исторической перспективе
	048	ЛЕОНИД ИСАЕВ, АНТОН МАРДАСОВ. Республика Чад: предчувствие федерализации
АРХИВ «НЗ»	059	СЕРГЕЙ КОРФ. Международное общение государств и федерализм
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	079	Страшный праздник <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
ТЕОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: КАТЕХОН, ОДЕРЖИМОСТЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДУХОВНОСТЬ	083	СЕРГЕЙ КОРЕТКО. <i>Катехон</i> и мерцающий презентизм XX века: Шмитт, Беньямин, Козеллек
	105	ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ. Одержимость бессознательным. Демонология и психоанализ, или К критике радикальной теологии
	124	АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ. Кислотный социализм, или Утопия возможности пересборки
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	141	МАРИЯ РАХМАНИНОВА. Приторный скрипт и машинный холод: языковые коктейли эпохи искусственного интеллекта
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	161	АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ. Историческая репрезентация <i>revisited</i> – кейсы
	166	АЛЕКСЕЙ МАСАЛОВ. Революционные онтологии и историческая репрезентация: «Ладомир» Велимира Хлебникова и «О понятии истории» Вальтера Беньямина
	175	НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА. Болшевская коммуна: эго-документ в контексте исторической репрезентации
	184	ИВАН САВУШКИН. «Не та Россия»: апофатическая стратегия репрезентации в эго-документах русского зарубежья
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	195	Венесуэльская беда <i>Страницы</i> ТАТЬЯНЫ ВОРОЖЕЙКИНОЙ

АРХИВ «НЗ»	209	АВРААМ КАГАН. Путешествие по Палестине в 1925 году
AD MEMORIAM	228	АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН. Мика Членов
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	233	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	244	ОЛЕГ ЛАРИОНОВ. Роберт Дарнтон в поисках истоков Французской революции
SUMMARY	261	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2024

Что такое федеральное правление Федеральные конституции и федеральное правление¹

КЕННЕТ
УЭЙР

1

В предыдущей главе² федеральный принцип был определен весьма четко. Кому-то может показаться, что избранный нами подход к исследованию федерального правления слишком академичен. Но это не отменяет очевидного факта: этот принцип, характеризующий способ управления Соединенными Штатами Америки и закрепленный в их Конституции, предстает особенным и специфичным – и потому заслуживает особенного и специфичного названия. Пригодно ли для этих целей обозначение «федеральный», которым его маркирую я, остается открытым вопросом. Но хотелось бы надеяться, что все приведенные выше причины достаточны для

- ¹ Перевод осуществлен по: WHEARE К.С. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. Ch. 2. P. 16–34. Для удобства читателя редакция привела в порядок научный аппарат, который в исходной версии книги страдает неполнотой.
- ² Ранее в «НЗ» публиковалась первая глава этой работы; именно на нее автор здесь ссылается: Уэйр К. *Что такое федеральное правление. Федеральный принцип* // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 5(139). С. 84–101.

ФЕДЕРАЦИЯ И ЕЕ ПСЕВДОМОРФОЗЫ

003

Кеннет Уэйр (1907–1979) – австралийский ученый, классик федералистской мысли XX века, профессор Оксфордского университета.

того, чтобы убедить интересующихся в пригодности и практичности моего определения.

Если «федеральный принцип» можно определить в том смысле, какое было намечено в предшествующем изложении, то что же тогда мы будем иметь в виду под «федеральной конституцией» и «федеральным правлением»? Обязаны ли мы ограничивать применение этих терминов только теми случаями, в которых федеральный принцип проявляет себя полностью и однозначно? Подобный подход был бы не слишком разумным. В конце концов, сама Конституция США, как уже говорилось, в изначальном своем виде содержала по меньшей мере одно изъятие из федерального принципа, заключавшееся в том, что учреждаемый ею Сенат состоял из представителей, избираемых legislатурами штатов. Иначе говоря, одна из составляющих общенациональной власти США в какой-то степени зависела от одной из составляющих региональных правительств. Это отступление от федерального принципа сохранялось в законодательстве до 1913 года. Но, несмотря на это, Конституция США называлась (и должна была называться) «федеральной» и в период с 1787-го по 1913-й³. Объясняется это тем, что федеральный принцип оставался в ней доминирующим: именно таков главный критерий. Когда федеральный принцип преобладает в какой-то конституции, ее можно назвать «федеральной конституцией». В то же время, если применение федерального принципа сопровождается многочисленными модификациями, его обесценивающими, то такую конституцию нельзя называть «федеральной». Именно это правило стоит иметь в виду, характеризуя тот или иной конституционный текст. Определять федеральный принцип следует жестко, а вот применять термин «федеральная конституция» нужно гораздо мягче.

2

Какие же конституции, опираясь на этот метод, можно считать федеральными? Самым очевидным примером, вероятно, здесь выступает Конституция Австралийского Союза, вступившая в силу в 1900 году – по крайней мере в первоначальном виде,

3 Этим же методом пользуется и Фримэн в своей «Истории федерального правления в Греции и Италии». С его точки зрения, «федеральным идеалом» является «полное разделение суверенитета», при котором «правительства федерации и правительства ее составных частей координируют обладание властью друг с другом, в равной мере настаивая на нерушимом обладании полномочиями в пределах собственной компетенции» (FREEMAN E. *History of Federal Government in Greece and Italy*. New York: Macmillan and Company, 1893. P. 12). Это очень похоже на мой «федеральный принцип», причем применяют его точно так же. Вместе с тем термином «федеральное правительство» Фримэн пользуется реже, чем я. Более того, с моей точки зрения – слишком редко, даже с учетом того факта, что его подход является историческим и, следовательно, более широким, чем у специалистов-политологов.

до принятия модифицировавших ее поправок⁴. Эта Конституция учредила правительство для всей Австралии, которое в сфере своей компетенции было способно исполнять полномочия независимо от правительств отдельных штатов; последние, в свою очередь, в отведенной им компетенции могли действовать независимо от правительства всего Союза⁵. Ни региональные, ни общенациональные правительства не в праве самовольно изменить конституционно зафиксированный круг прерогатив друг друга. Федеральный парламент и парламенты штатов автономны друг от друга как в плане персонального состава, так и в плане полномочий. Каждая легислатура избирается населением напрямую, а соответствующие кабинеты подотчетны своим легислатурам. Компетенции федерального парламента и региональных парламента регламентированы, но эти органы не могут ограничивать своих контрагентов; будучи обязанными координировать свои действия, они остаются в отношении субординации относительно Конституции, подчиняясь ее установлениям. Наконец, в отличие от Конституции США, обошедшей этот вопрос стороной, Конституционный акт Австралии недвусмысленно провозглашал, что народу ассоциирующихся колоний предстоит сформировать «федеральный Союз». Австралийская Конституция 1900 года – явный пример федеральной конституции.

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ...

3

Два других примера – Швейцария и Канада – не столь бесспорны. Швейцарская Конституция 1848 года⁶ во многих отношениях следует за Конституцией США. Но при этом в двух аспектах она модифицирует строгое применение федерального принципа. Во-первых, она устанавливает, что верхняя палата общенациональной легислатуры, Совет кантонов, включает в себя по два представителя от каждого кантона, а также что эти представители оплачиваются своими кантонами, определяющими метод их избрания и продолжительность работы. Предположительно это ставит членов Совета кантонов в зависимое положение, особенно в тех случаях, когда кантональные делегаты избираются самими кантональными советами. Но при этом необходимо признать, что такая зависимость отнюдь не мешает

4 См. первоначальный текст Конституции Австралийского Союза: NEWTON A.P. (Ed.). *Federal and Unified Constitutions: A Collection of Constitutional Documents for the Use of Students*. London: Longman, 1923; EGERTON H.E. *Federations and Unions within the British Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1911; JENNINGS W.I. *Constitutional Laws of the British Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1938.

5 Разумеется, на практике детали этого распределения более сложны.

6 См. текст этой Конституции на французском языке в: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.*; см. также английский перевод: RAPPARD W.E., ET AL. *Source Book on European Governments*. New York: D. Van Nostrand Company, 1937.

нам характеризовать Конституцию Швейцарии как федеральную, поскольку она меньше аналогичной зависимости, обнаруживаемой в Конституции США до 1913 года. Кроме того, по своему влиянию на федеральное правительство швейцарский Совет кантонов не может сравниться с американским Сенатом – и, более того, лишь меньшинство кантонов избирают делегируемых в него представителей посредством голосования кантональных советов⁷.

Второе отступление от строгого применения федерального принципа, содержащееся в швейцарской Конституции, связано не с контролем регионов над общенациональным правительством, а с унитаризмом. Швейцарским судам конституционно предписывается рассматривать любые законы, принимаемые Федеральным собранием, в качестве правомочных; это касается и тех случаев, когда в них объявляются недействительными кантональные законы – скажем, на том основании, что последние выходят за рамки компетенций, установленных для кантонов в Конституции Швейцарии. В результате общенациональная легислатура теоретически может принимать законы, входящие в кантональную сферу регулирования; вступая в силу, они меняют распределение власти между общенациональным и кантональными правительствами, заложенное в конституционном тексте. В Соединенных Штатах и в Австралии предпринята попытка предотвратить подобное: здешние суды могут объявлять юридически ничтожными законы, которые нарушают компетенции федеральной или региональной власти. Но можно ли на основании этого отличия сказать о том, что Конституция Швейцарии не является федеральной? Я так не думаю. Да, необходимо признать, что в ней содержится упущение, касающееся самой механики приложения федерального принципа. Но отсюда вовсе не следует, что создатели этого Основного закона намеренно добивались того, чтобы общенациональная легислатура получила право принимать законы в любой сфере, в какой ей заблагорассудится. Напротив, права федерального парламента тщательно прописаны, причем в правовом смысле ему не принадлежит последнее слово. Конституцией Швейцарии предусмотрена система референдума, согласно которой по требованию либо 30 тысяч избирателей, либо восьми кантонов любой закон, принятый общенациональной легислатурой, можно передать на всенародное одобрение (статья 89). В конечном счете, именно народ решает, вступит ли закон, принятый федеральным парламентом, в силу. Возможно, подобный

7 Этот метод используют четыре кантона – Берн, Фрибур, Санкт-Галлен и Невшатель. Все они, за исключением Фрибура, устанавливают для своих делегатов в Совете кантонов годичный срок службы. Для кантонов, где делегаты в верхнюю палату избираются народом, такая продолжительность является типичной, хотя в некоторых случаях речь идет о трех годах.

метод гарантирования того, что общенациональные власти будут придерживаться исключительно собственной компетенции, не до конца эффективен. Но при этом не вызывает сомнений, что базовый принцип, на котором покоится Конституция Швейцарии, предполагает наличие собственных сфер компетенции как у общенационального, так и у региональных правительств. Причем от них ожидается строгое соблюдение установленных границ, и ни один из уровней власти не обладает последним словом в их пересмотре.

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ...

4

Случай Канады следует признать более сложным. Канадская Конституция – Акт о Британской Северной Америке 1867 года⁸ и некоторые уточняющие его акты, принятые позднее, – распределяет власть между провинциальными парламентами и парламентом доминиона таким образом, что провинции обладают исключительным законодательным контролем над перечнем перечисленных в Акте сфер, в то время как доминион законодательствует во всех остальных областях, которые – «для большей ясности» – так же документально перечисляются, хотя и не исчерпывающим образом⁹. Законодательные собрания доминиона и провинций обособлены в плане кадрового состава; ни одно из них не способно изменить Конституцию в том, что касается распределения полномочий – подобная власть есть только у парламента Соединенного Королевства в Вестминстере. Судам может быть предложено объявить законы доминиона или провинций ничтожными на том основании, что они нарушают границы компетенций, конституционно установленных для соответствующих legislatures. Иными словами, федеральный принцип соблюдается весьма четко. Но есть, однако, важные изъятия. Исполнительная власть доминиона имеет право отменить любой акт, одобренный провинциальным парламентом, независимо от того, выходит или не выходит он за пределы исключительной провинциальной компетенции. Далее, исполнительная власть доминиона назначает лейтенант-губернаторов провинций, которые формально возглавляют провинциальные правительства. Она также способна поручить любому лейтенант-губернатору не давать согласия на принятие того или иного провинциального закона и санкционировать его передачу на рассмотрение общенациональной исполнительной власти. Более того, исполнительная власть доминиона

8 См. текст Акта о Британской Северной Америке 1867 года: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.*; JENNINGS W.I. *Op. cit.*

9 Есть также небольшая область совместной компетенции – в нее входят сельское хозяйство и иммиграция, – в которой могут законодательствовать legislatures как доминиона, так и провинций.

имеет право отклонять переданные ей на рассмотрение законы, если это представляется ей целесообразным. Наконец, назначения на все значимые юридические посты в провинциях также производятся исполнительной властью доминиона. Все перечисленное – элементы унитаризма, внедренные в федеральную форму конституции. В упомянутых примерах речь идет не о координации между властями разных уровней, а о субординации одних относительно других.

Таковы существенные модификации федерального принципа, обнаруживаемые в Канаде. В том же контексте, кстати, можно рассмотреть и полномочия, касающиеся отклонения и вотирования законодательных актов. Они предполагают, что исполнительная власть доминиона имеет право помешать провинциальной легислатуре принять тот или иной закон в сфере ее предметов ведения, если доминиону не нравится политика, воплощенная в этом законе. Полномочия отклонения и вотирования в канадском праве практически не ограничиваются¹⁰. Среди прочего они распространяются и на финансовое законодательство. Если исполнительную власть доминиона не устраивает региональное финансовое законодательство, то она способна помешать провинции взимать сборы и расходовать средства. Можно ли представить себе более могучий инструмент централизации и унификации, чем этот? Да, парламент доминиона лишен права законодательствовать в областях, закрепленных за канадскими регионами, зато он властен мешать провинциальным легислатурам самим заниматься этим. Но в указанном отношении канадская Конституция отличается, например, от южноафриканской, согласно которой не только исполнительная власть Союза может накладывать вето на провинциальные ордонансы, но и союзный парламент имеет право законодательствовать в закрепленных за провинциями сферах. Следовательно, федеральный принцип все-таки не до конца вытеснен из канадской Конституции. Ему отведено в этом документе свое место, и оно весьма важное. Тем не менее если размышлять сугубо в конституционных категориях, то будет весьма затруднительно решить, с чем же мы имеем дело: с федеральной конституцией, претерпевшей значительные унитарные модификации, или же с унитарной конституцией, подвергшейся столь же заметным федеральным модификациям? В такой ситуации простого указания на наличие в канадской Конституции федерального принципа явно недостаточно: этот момент, безусловно, требует уточнений. По указанной причине я предпочитаю говорить, что Конституция Канады является квазифедеральной конституцией.

10 Этот вопрос был урегулирован Верховным судом Канады в 1938 году в решении «In re Disallowance and Reservation»: S.C.R. (1938). 71.

Но ограничиться лишь этой констатацией нельзя. Закон одно, а практика другое. Во что же эти унитарные элементы воплощаются на практике? Полномочие отклонения нельзя признать мертвой нормой, но в то же время применяется оно чрезвычайно редко¹¹. Чаще всего власти доминиона исходят из того, что не стоит прибегать к отклонению до тех пор, пока провинциальные акты не влекут за собой очевидного превышения полномочий – то есть пока не возникает бесспорная ситуация *ultra vires*. Применяемое таким образом указанное полномочие становится частью механизма, призванного гарантировать конституционное соблюдение федерального принципа. При этом, поскольку работу этого механизма курирует судебная власть доминиона, которая менее предвзята, чем его исполнительная власть, вопросы *ultra vires* разумно резервируются именно за ней. Причем полномочие отклонения не ограничивается только теми случаями, где провинциальные акты превышают региональные полномочия – его применяют также и для нуллификации того законодательства, которое не одобряется доминионом. Для блокирования провинциальных законопроектов используется и право вето. Не далее, как в 1937 году, отклонение и вето были применены доминионом, чтобы воспрепятствовать законотворчеству провинции Альберта, где у власти находилось правительство Партии социального кредита, отстаивавшее весьма неортодоксальные экономические взгляды.

Таким образом, нормы, касающиеся отклонения и вето, не являются мертвыми, но при этом столь же ясно, что исполнительная власть доминиона использует их с осторожностью. Частое обращение к подобным инструментам не было бы принято канадским обществом, которое не хочет, чтобы в реализацию провинциями своих полномочий вмешивался кто бы то ни было. Иначе говоря, те законодательные рычаги, которые, теоретически, могут превратить Канаду в унитарное государство, на практике подчинены федеральному принципу.

Конституционный обычай идет еще дальше. Нормы конституции позволяют исполнительной власти доминиона назначать в провинцию лейтенант-губернатора, который по закону назначает провинциальных министров. Тем не менее, согласно устоявшему обычаю, как на уровне доминиона в целом, так и в отдельных провинциях преобладает кабинетная систе-

11 Обзор того, каким образом могут использоваться эти полномочия, см. в: KENNEDY W.P.M. *The Constitution of Canada: An Introduction to Its Development and Law*. London; Toronto: Oxford University Press, 1922. Ch. XXIII; FORSEY E. *Disallowance of Provincial Acts, Reservation of Provincial Bills, and Refusal of Assent by Lieutenant-Governors since 1867* // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1938. Vol. IV. № 1. P. 47 ff.; HENEMAN H. *Dominion Disallowance of Provincial Legislation in Canada* // American Political Science Review. 1937. Vol. XXXI. № 1; *Report of the Royal Commission on Dominion-Provincial Relations*. Ottawa: [King's Printer], 1940. Book I. P. 49, 253–254.

ма, опирающаяся на парламентское большинство. Лейтенант-губернаторы связаны неписаной конвенцией, в рамках которой они должны назначать министрами только деятелей, опирающихся на поддержку провинциальной легислатуры. Именно провинциальная легислатура и ее электорат решают, какой будет исполнительная власть в провинции, а исполнительной власти доминиона остается только соглашаться с их выбором. Аналогичным образом, хотя исполнительная власть доминиона и назначает главных провинциальных судей, она пользуется этой прерогативой деликатно, не пытаясь укомплектовать суды людьми, оппозиционно настроенными к провинциальным властям. Тот факт, что Канада остается политически федеральной и что ни одно общефедеральное правительство не старается выделять унитарные элементы канадской Конституции за счет федеральных элементов, сохранится и впредь.

Из всего выше сказанного вполне можно сделать следующий вывод: хотя канадская Конституция остается квазифедеральной в правовом смысле, она является в основном федеральной на практике. Или, выражая ту же мысль иначе, хотя Канада не имеет федеральной конституции, в ней практикуется федеральное правление.

5

Это различие весьма существенно, ибо уместно еще раз подчеркнуть: когда мы ищем примеры федерального правления, недостаточно обзирать только конституционные тексты. Практическая сторона правления имеет не меньшую значимость. Страна вполне может обладать федеральной конституцией, но в жизни эта конституция порой работает так, что ее правление ничуть не похоже на федеральное. Или, наоборот: страна с конституцией, не являющейся федеральной, может функционировать как образец федерального правления. Опыт Канады хорошо иллюстрирует этот пункт. В правовом смысле ее Конституцию трудно назвать федеральной – это квазифедеральный акт. Но в конституционной управленческой практике страна ведет себя как по преимуществу федеративное государство. Для любого специалиста, изучающего функционирование федеративной системы, вполне очевидно, что применение конституции может быть важнее ее буквы. Исследование федерального правления принято начинать с законов, поскольку именно они выступают фундаментом для классификаций. Но прежде, чем зачислить страну, обладающую федеральной конституцией, в примеры федерального правления, необходимо присмотреться к практическому использованию ее основного

закона. Именно по этой причине настоящая глава названа не просто «Федеральные конституции», но «Федеральные конституции и федеральное правление». В связи с тем, что меня интересует именно функциональная сторона вопроса, в дальнейшем будут рассматриваться по большей части те страны, которые умеют практиковать федеральное правление, а не те, которые просто пользуются федеративными конституциями.

Это рассуждение о законе и практике позволяет мне сослаться на Канаду как на пример федерального правления, хотя ее Конституция остается всего лишь квазифедеральной. При этом я рассматриваю Соединенные Штаты, Швейцарию и Австралию как примеры стран, обладающих и федеральными конституциями, и федеральным правлением, хотя в случае Австралии проявляют себя тенденции, которые, возможно, скоро заставят объявить ее Конституцию и ее правление квазифедеральными.

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ...

Страна вполне может обладать федеральной конституцией, но в жизни эта конституция порой работает так, что ее правление ничуть не похоже на федеральное. Или, наоборот: страна с конституцией, не являющейся федеральной, может функционировать как образец федерального правления.

Но на этом, как может показаться, список и заканчивается. Оставшиеся примеры, которые приходят на ум, описывают страны, у которых либо есть федеральные конституции, но отсутствует федеральное правление, либо квазифедеральное правление дополняется квазифедеральной конституцией, либо же ни конституция, ни правление вообще не имеют отношения к федерализму. Вместе с тем, чтобы оправдать только что приведенную мной классификацию, нам нужно бегло коснуться подобных кейсов.

6

Некоторые латиноамериканские страны предлагают нам образчики федеральных конституций. Есть, например, Конституция Бразилии 1891 года¹², в которой федеральный принцип

12 Она оставалась в силе до революции 1930 года. Полный текст Конституции Бразилии 1891 года см. в: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.*; лучшим англоязычным анализом этой Конституции остается работа: JAMES H.G. *The Constitutional System of Brazil*. Washington: Carnegie Institute, 1923. В 1934-м и 1937 годах в стране

представлен вполне выраженным образом. Власть в ней разделена между федеральной легислатурой и легислатурами штатов. Некоторые вопросы закреплены исключительно за федеральным парламентом, часть относится к сфере совместной компетенции федерации и регионов, а прочие оставлены сугубо за штатами. Федеральная легислатура состоит из двух палат, каждая из которых избирается непосредственно населением; в бразильском Сенате, как и в Сенате США, равное число представителей от каждого штата, в то время как в Палате депутатов квоты штатов распределены в соответствии с численностью их населения. Но наряду с положениями, которые воплощают федеральный принцип, Конституция содержит одну статью, которая, на мой взгляд, разрушает ее федеральную природу едва ли не полностью: речь идет о статье 90. Прежде всего я говорю о прописанной в ней процедуре внесения поправок в конституционный текст. В ней предусматривается, что поправки вносятся федеральным парламентом при соблюдении условия, что в течение двух лет они будут одобрены двумя третями членов каждой из палат. Такое положение вещей полностью вверяет региональные правительства воле федерального депутатского корпуса. В Конституции, впрочем, имеется предохранительный механизм: положение, согласно которому «законопроекты, направленные на упразднение федеральной и республиканской формы правления или же равного представительства штатов в Сенате, не могут выноситься на рассмотрение федерального Конгресса» (статья 46). Более того, может показаться, что эта оговорка способна уравновесить унитаристский элемент, встроенный в процедуру внесения конституционных поправок. Но независимо от того, будем ли мы называть Конституцию Бразилии 1891 года федеральной или нет, стоит констатировать единодушие исследователей по поводу того, что на практике ее федералистские аспекты обычно остаются в небрежении¹³. Как правило, в бразильской истории централизация всегда преобладала над федерализмом¹⁴ и штаты были задавлены столицей или же, наоборот, в периоды, когда центр слабел, штаты затевали гражданские смуты. Бразилия явно не может служить работающим примером федерального правления.

принимались новые Конституции: Конституция 1934 года была менее федеральной, чем Конституция 1891-го, а следующая (1937) – еще менее федеральной, чем ее предшественница. Детально оба документа рассматриваются в: LOEWENSTEIN K. *Brazil under Vargas*. New York: The Macmillan Company, 1942.

13 Такая позиция высказывается, в частности, в работах: MARTIN P.A. *Federalism in Brazil* // READ C. (Ed.). *The Constitution Reconsidered*. New York: Harpers Torchbooks, 1938; TANNENBAUM F. *A Note on Latin American Politics* // *Political Science Quarterly*. 1943. Vol. 58. № 3. P. 415–421.

14 Об этом говорит, в частности, Эрнест Хэмблос; несмотря на допущенные им преувеличения, его позиция сегодня стала общепризнанной: HAMBLOCH E. *His Majesty the President: A Study of Constitutional Brazil*. London: Methuen & Co, 1935.

Конституцию Аргентины 1853 года, которая по сей день остается практически неизменной, с уверенностью можно причислить к федеральным конституциям¹⁵. Несмотря на то, что, согласно ее положениям, верхняя палата федеральной легислатуры избирается законодательными собраниями провинций, в основном федеральный принцип укоренен в ней достаточно прочно. Поправки к Конституции, пусть даже инициированные федеральной легислатурой, выносятся на рассмотрение Конституционного собрания, специально созываемого для их одобрения и принятия (статья 30). Тем не менее и в этом случае федеральный принцип почти не обнаруживает себя на деле. Вмешательство центральной власти в дела региональных правительств наблюдается сплошь и рядом; его принято считать одним из бесспорных дефектов аргентинской политической практики. В целом же Аргентина являет собой пример децентрализованного, но не федерального правления¹⁶.

В той же мере воплощает федеральный принцип и Конституция Мексики, принятая в 1857 году и обновленная в 1917-м. Основой для нее послужила Конституция США. И все же в нашем исследовании от Мексики тоже мало пользы. По словам современного специалиста, на деле федерализма в Мексике никогда не было: «Бесспорным фактом остается то, что мексиканское государство оставалось федеральным только в теории, а на практике оно всегда было централистским»¹⁷. Наконец, в заметной степени федеральный принцип воплощен и в Конституции Венесуэлы 1939 года. Тем не менее Венесуэла никак не подтверждает наличия в ней работающего федерального правления¹⁸.

Таким образом, на деле все упомянутые латиноамериканские республики на протяжении своей истории колебались между периодами централизации, когда доминировала сильная исполнительная власть, и периодами региональной независимости, когда притязания федерального правительства по большей части игнорировались. У федеральной системы не было возможности прочно укорениться в Латинской Америке¹⁹.

Конституция Австрии 1920 года была федеральной. Она предложила довольно любопытную вариацию разделения компетен-

15 Подробнее см.: AMADEO S.P. *Argentine Constitutional Law: The Judicial Function in the Maintenance of the Federal System and the Preservation of Individual Rights*. New York: Columbia University Press, 1943.

16 HARING C.H. *Federalism in Latin America* // READ C. (Ed.). *Op. cit.* P. 341–350; см. также: KIRKPATRICK A. *History of the Argentine Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 1938.

17 MESHAM LLOYD J. *The Origins of Federalism in Mexico* // READ C. (Ed.). *Op. cit.*

18 HARING C.H. *Op. cit.*

19 См., например: TANNENBAUM F. *Op. cit.*; BRYCE J. *Modern Democracies*. New York: The Macmillan Company, 1921; JAMES H.G., MARTIN P.A. *The Republics of Latin America: Their History, Governments and Economic Conditions*. New York; London: Harper & Brothers Publishers, 1923. Причины их неудач, однако, не описаны в достаточно четкой манере.

ций между общенациональным и региональными правительствами. Распределение производилось по нескольким уровням сразу (статьи 10–15). В некоторых областях законодательные и исполнительные прерогативы закреплялись исключительно за национальным правительством; в других областях центр получил только законодательную власть, в то время как исполнительная власть резервировалась за регионами; наконец, в третьих областях законодательная власть в плане определения общих принципов отходила к центральному правительству, а реализация исполнительных декретов оставалась за регионами. Во всех оставшихся сферах, не перечисленных в Конституции конкретно, законодательная и исполнительная власть принадлежала регионам. Но, если обобщить результаты всего этого распределения, без труда можно обнаружить, что для осуществления независимого контроля провинциям почти ничего и не досталось: в большинстве вопросов они остаются проводниками воли центрального правительства и его подчиненными. Центр обладает приоритетом и в распределении финансовой власти. Справедливости ради надо сказать, что кое-где федеральный принцип все же напоминал о себе, и в этом плане Австрия обладала федеральной конституцией. Но эта сфера была столь узкой, а после внесения конституционных поправок 1929 года и столь малозначительной, что по части действительно функционального федерального правления Австрия не может предложить нам почти ничего²⁰.

7

Гораздо сложнее с однозначностью охарактеризовать еще два Основных закона: Конституцию Германской (Веймарской) Республики 1919–1933 годов и Конституцию СССР 1936 года.

В веймарской Конституции федеральный принцип был воплощен лишь до определенной степени²¹. В ней было произведено разграничение полномочий общенациональной легислатуры и региональных легислатур, причем остаточные полномочия отошли к землям. Некоторые сферы, включая внешнеполитическую, оборонную и таможенную, регулировались исключительно общенациональной легислатурой; другие сферы попали в конкурентное ведение, но с оговоркой, согласно которой в случае конфликта приоритет остается за региональным законодательством. Был также предусмотрен Верховный суд, призванный урегулировать конфликты между законодательными

20 Текст Конституции Австрии 1920 года см. в: *Selected Constitutions of the World*. Dublin: The Irish Provisional Government, 1922.

21 Полный текст Конституции Германской Республики 1919 года см. в: NEWTON A. P. (Ed.). *Op. cit.*

органами разных уровней. Но имелись и нестандартные модификации. Согласно одному из конституционных положений, федеральные земли вроде бы обретали право контроля над федеральным парламентом: Основной закон предусматривал, что верхняя палата, Рейхсрат, комплектовалась из представителей земель, назначаемых их правительствами. Эта норма напоминала положение имперской Конституции 1871 года, однако на деле контроль оказывался минимальным, ибо в веймарской Конституции, в отличие от ее предшественницы, Рейхсрат играл неизмеримо меньшую роль. Основные рычаги власти находились в руках Рейхстага – нижней палаты, избираемой всенародным голосованием. Более того, представители земель имели право свободного волеизъявления, поскольку от них не требовалось, как это было в Конституции Германской империи 1871 года, голосовать в качестве единой делегации. Вместе с тем сама по себе указанная модификация федерального принципа не мешает нам называть веймарскую Конституцию федеральной.

То же самое можно сказать и о другой модификации, которая передавала полномочия по внесению поправок в Конституцию исключительно общенациональной легислатуре. Приняв во внимание то обстоятельство, что Рейхсрат состоял из представителей региональных правительств, а также тот факт, что, исходя из конституционных установлений, Рейхсрат, будучи несогласным с Рейхстагом относительно предлагаемых конституционных поправок, мог настоять на вынесении их на всенародный референдум, мы убеждаемся: федеральные земли все же имели кое-какие рычаги, позволявшие влиять на процесс изменения Конституции.

Тем не менее еще в двух отношениях модификации федерального принципа, производимые веймарской Конституцией, были гораздо серьезнее. Во-первых, это статьи, регулирующие финансовые связи между центром и регионами (статьи 8 и 11). Знакомство с ними говорит о том, что в правовом плане общенациональная легислатура имеет возможность самостоятельно определять, какими будут финансовые ресурсы, находящиеся в распоряжении земель, и фактически держать под контролем все потенциальные источники их существования. Вот это – по-настоящему серьезная модификация федерального принципа. Во-вторых, круг полномочий, закрепляемых за федеральной легислатурой, до такой степени широк, что трудно понять, чем же вообще свободно могут заниматься региональные власти – особенно в тех случаях, когда центральная власть использует свои полномочия в полнейшей мере. Ведь всякий раз, когда последняя принимает закон в пределах своей компетенции, он будет перекрывать земельный закон в случае конкуренции между ними (статья 13).

Трудно сказать, к какому типу правильнее отнести веймарский Основной закон: к квазифедеральным конституциям, подобным канадской, или к вообще не федеральным, а просто высоко централизованным, как южноафриканская. Но если предположить, что Конституция Германской Республики была квазифедеральной, то каким же был ее образ правления? Здесь ответ представляется более очевидным. Практика общенационального немецкого правительства в веймарские годы становилась все более унитаристской. Показательной была ситуация в плане финансовых полномочий, которые использовались прежде всего для того, чтобы держать государственный кошелек под неусыпным контролем центральной власти. Земли очень скоро оказались в ситуации полнейшей зависимости²². Иначе говоря, Веймарская Республика не может претендовать на пример федерального правления²³.

Конституция СССР 1936 года²⁴ заслуживает, по-видимому, аналогичной оценки. Она является квазифедеральной. В ней есть положения о разделении полномочий между всесоюзным правительством и правительствами союзных республик. Но прерогатива вносить поправки в Конституцию зарезервирована за общенациональной легислатурой – Верховным Советом СССР, обе палаты которого избираются населением, хотя в верхней его палате представлены союзные республики, а в нижней палате граждане страны в целом. Возможно, этой модификации уже было бы достаточно для того, чтобы поместить советскую Конституцию в разряд квазифедеральных. Но в статье 14 обнаруживается норма, которая делает такую оценку несомненной²⁵. В ней устанавливается, что полномочия всесоюзных властей включают в себя «утверждение единого Государственного бюджета СССР и отчета о его исполнении, установление налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных». Иначе говоря, Основной закон СССР утверждает, что в плане финансов региональные правительства состоят с федеральным правительством в отношениях не координации, а субординации.

И наконец, та же статья 14 предоставляет всесоюзной легислатуре настолько внушительные полномочия во всех сферах

22 Подробнее см.: NEWCOMER M. *Fiscal Relations of Central and Local Governments in Germany under the Weimar Constitution* // *Political Science Quarterly*. 1936. Vol. 51. № 2. P. 185–214.

23 См.: ROGERS L., FOERSTER F., SCHWARTZ S. *Aspects of German Political Institutions* // *Political Science Quarterly*. 1932. Vol. 47. № 3. P. 321–351; ROGERS L., SCHWARTZ S., KALTCHAS N. *German Political Institutions* // *Political Science Quarterly*. 1932. Vol. 47. № 4. P. 576–601; OGG F.A. *The Governments of Europe*. New York: Macmillan Company, 1919; SHOTWELL J. (Ed.). *The Governments of Continental Europe*. New York: Macmillan Company, 1945.

24 Англоязычный перевод Конституции СССР 1936 года см. в: WEBB B., WEBB S. *Soviet Communism: A New Civilization?* 2 vols. New York: Charles Scribner's Sons, 1936.

25 Автор цитирует пункт «л» указанной статьи. – *Примеч. перев.*

жизни, что будь они реализованы в полном объеме, на долю союзных республик вообще ничего не осталось бы. Правовое положение республик не изменилось и после внесения в Конституцию СССР поправок 1944 года, затронувших военные и дипломатические полномочия. Хотя в нынешнем виде Основной закон устанавливает, что «каждая союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования» (статья 186), а верховный совет каждой республики обладает правом «устанавливать порядок образования республиканских войсковых формирований» (статья 60, пункт «е»), одновременно он постулирует и исключительную юрисдикцию Верховного Совета СССР в «организации обороны СССР, руководстве всеми Вооруженными Силами СССР, установлении руководящих основ организации войсковых формирований союзных республик» (статья 14, пункт «ж»). Таким образом, передача власти регионам сопровождалась одновременным подтверждением превосходящей и направляющей власти центрального правительства. Аналогичным образом и в сфере международных отношений положение, согласно которому «каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями» (статья 18а), дополнялось положением, в соответствии с которым всесоюзному правительству передавалось «представительство СССР в международных сношениях, заключение, ратификация и денонсация договоров СССР с другими государствами, установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами» (статья 14, пункт «а»). Сказанное не оставляет никаких сомнений в том, что поправки 1944 года действительно передавали некоторые дополнительные полномочия советским республикам, но эта передача осуществлялась в рамках децентрализаторского, а не федерального принципа – посредством делегирования власти самим центром и по его воле. В результате центральное советское правительство сохраняет за собой приоритет и в военной, и в дипломатической сфере.

Наилучший способ примирить описанные выше централистские черты с признанием того факта, что федеральный принцип все же нашел некоторое отражение в Конституции СССР, – маркировать Основной закон Советского государства как квазифедеральный.

Но если, как и в случае с Веймарской Республикой, здесь мы имеем дело с еще одним примером квазифедеральной конституции, то можно ли найти в Советском Союзе признаки федерального правления? Точный ответ на этот вопрос дать нелегко. Стороннему наблюдателю весьма трудно понять, как

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ...

работает русское правительство. В частности, сколько-нибудь удовлетворительная информация о том, как Конституция СССР 1936 года функционирует в *федеральных* своих аспектах, остается практически недоступной. Есть, однако, довольно много специалистов, которые подходят к изучению советской модели правления с таким энтузиазмом, что они напрочь отказываются верить в то, будто дух Конституции 1936 года может расходиться с ее буквой. По их логике, раз сам этот документ называет себя федеральным, он должен предусматривать и наличие федерального правления. Следовательно, отрицать или хотя бы сомневаться в том, что правление в советской России является федеральным на деле, в глазах таких энтузиастов равнозначно брендированию себя в качестве русофоба. Тем не менее весьма высокой остается вероятность того, что мы найдем в лице СССР пример не федерального, а лишь децентрализованного правления. Если представить себе, что все полномочия, перечисленные в статье 14 Конституции СССР, реализуются в полном объеме – а сделать это нетрудно, – то тогда в правлении, практикуемом в Советском Союзе, от федерального принципа не останется практически ничего. Кроме того, у Конституции 1936 года очень мало шансов функционировать в нормальных условиях. Подготовка к войне и обстановка военного времени сделали главенствующую роль всесоюзного правительства неизбежной. По перечисленным причинам я не склонен рассматривать СССР в качестве примера эффективного федерального правления.

8

Представляется уместным упомянуть и о Конституции, разработанной для Индии в рамках Акта об управлении Индией 1935 года²⁶. Этим документом учреждается то, что можно назвать индийской федерацией, в состав которой входят, с одной стороны, индийские государства, управляемые наследственными властителями-раджами, а с другой стороны, провинции Британской Индии, управляемые индийскими министрами и практикующие систему ответственного правительства – весьма похожую на систему, при которой живут канадские провинции. Однако, подобно тому, как в Канаде федеральный принцип был модифицирован унитарными элементами в виде контроля, реализуемого общенациональной исполнительной властью в отношении региональной исполнительной и зако-

26 Акт об управлении Индией 1935 года подробно растолкован в: COUPLAND R. *The Indian Problem: Report on the Constitutional Problem in India*. Oxford: Oxford University Press, 1944; см. также аннотированный текст Акта: BOSE S.M. *The Working Constitution in India*. Oxford: Oxford University Press, 1940.

нодательной власти, в индийской Конституции предусматривается – причем даже в большей степени, – что генерал-губернатор Индии имеет право вмешиваться в дела провинциальных правительств, чем федеральный принцип также заметно искажается²⁷. Вместе с тем федеральный принцип был внедрен в Акт 1935 года в столь ощутимой степени, что его вполне можно провозгласить выдающейся особенностью индийской Конституции. Именно в силу сказанного, как мне представляется, Конституцию Индии можно характеризовать как квазифедеральную. Но, поскольку эта квазифедеральная Конституция к моменту написания моей книги еще не вступила в силу в полном объеме, Индия пока тоже не может предоставить нам пример федерального правления.

КЕННЕТ УЭЙР

ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ...

9

Целесообразно добавить несколько слов и о прочих конституциях, описывающих себя или характеризующихся другими в качестве федеральных. Из предшествующей главы²⁸ вполне очевидно, что в целом ряде конституционных документов федеральный принцип не присутствует в степени, достаточной для того, чтобы их можно было именовать федеральными: в этот разряд, например, попадают Статьи Конфедерации Соединенных Штатов Америки 1777 года, Австро-Венгерский компромисс 1867 года, Конституция Германской империи 1871 года или Устав Лиги Наций. Практическая реализация этих актов также не смогла генерировать убедительных примеров федерального правления. Повсюду доминирующим принципом, как в теории, так и на практике, выступала субординация общенациональных правительств региональным правительствам или, как в случае Германии, одному региональному правительству – прусскому. То же самое можно сказать о конституциях Швейцарии до 1848 года²⁹, Германии 1815–1867 годов, Северогерманского союза 1867–1871 годов³⁰, Соединенных провинций Нидерландов.

На последнем из этих объединений стоит остановиться чуть подробнее – хотя бы из уважения к Фримэну, который в своей «Истории федерального правления в Греции и Италии» причисляет его к классу федерального правления, признавая, впрочем, что подобное заявление кто-то может попытаться

27 В этом отношении особенно примечательными представляются разделы 54, 75–76, 88–90, 93.

28 Автор имеет в виду первую главу своей книги (см. сн. 2). – *Примеч. ред.*

29 См., например: ADAMS F.O., CUNNINGHAM C.D. *The Swiss Confederation*. London: Macmillan and Co, 1889. Текст предыдущей швейцарской Конституции см. в: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.*

30 Краткие обзоры политико-правового развития Германии см. в работах: BRUCE J. *The Holy Roman Empire*. London: Macmillan and Company, 1911; SHOTWELL J. (Ed.). *Op. cit.*; LOWELL A.L. *Governments and Parties of Continental Europe*. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co, 1900. Vol. 1.

оспорить. Главными основаниями для подобного включения, по его словам, выступает «то важнейшее место, которое Соединенные провинции занимали некогда в европейской истории», а также «причудливая и поучительная природа их политических институтов». Фактической Конституцией Соединенных провинций послужила Утрехтская уния 1579 года³¹. В ней ассоциирующиеся провинции объявляли о том, что они «объединяются навсегда – для того, чтобы во всем выступать и действовать как единая провинция». Такой подход, казалось бы, предполагает учреждение сильного и независимого общенационального центра, но более тщательное исследование документа не подтверждает эту гипотезу. Генеральные штаты Нидерландов состояли из представителей штатов всех провинций; каждая делегация имела один голос и жестко контролировалась назначившим ее органом. Общенациональное правительство, таким образом, в своем кадровом составе пересекалось с провинциальными правительствами: места в обеих институциях подчас занимали одни и те же люди. Но контроль не ограничивался только этим. Несмотря на то, что, согласно формулировке Утрехтской унии, генеральные штаты обладали исключительными и безраздельными прерогативами во внешнеполитических и военно-морских делах союза, и несмотря на то, что именно они назначали послов, союзного штатгальтера и других важных чиновников, а также надзирали за расходованием денежных средств, во всех этих вопросах им требовалось заручаться согласием всех семи провинций. «Одна провинция, какой бы маленькой она ни была, могла, воздерживаясь, заблокировать принятие любого вносимого предложения». Как следствие, генеральные штаты при всем их могуществе обладали «лишь деривативной, а не изначальной властью»; фактически это было «собрание депутатий, представляющих семь отдельных провинций»³². Таким образом, фундаментальным принципом, в соответствии с которым была сформирована эта ассоциация, оставалась зависимость общенациональной власти от региональных властей. Эта идея позже была унаследована Соединенными Штатами, но не в нынешней Конституции 1787 года, а в Статьях конфедерации 1777 года, которые очень близко напоминают Утрехтскую унию.

Выше уже отмечалось, что ни Конституция, ни образ правления Южно-Африканского Союза не могут считаться федеральными. Главным принципом функционирования этого

31 Текст Утрехтской унии см. в: NEWTON A.P. (Ed.). *Op. cit.*

32 EDMUNDSON G. *History of Holland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. P. 112. Примерно такой же вывод делается и в «Федералисте» (№ 20). Кроме того, заинтересованному читателю может показаться интересным трактат сэра Уильяма Темпла «Размышления о Соединенных провинциях» («Observations on the United Provinces», 1673).

государственного объединения выступает субординация региональных правительств относительно центрального правительства. Хотя вмешательство в дела провинций целенаправленно минимизируется, в необходимых случаях центр активизирует свои надзорные полномочия; кроме того, само существование провинций зависит от доброй воли союзного парламента. Аналогичным образом ни Конституция Индии 1919 года (включая вытекающий из нее Акт об управлении Индией 1935 года), ни учрежденное ею правление тоже не являются федеральными³³. Согласно положениям этого Основного закона, провинции Британской Индии наделяются центральным правительством полномочиями – с согласия британского министра по делам Индии и обеих палат британского парламента – законодательствовать в утвержденных областях и сферах. Эти полномочия, однако, реализуются при сохранении верховенства общенациональной легислатуры.

Наконец, в качестве последнего примера укажем еще и на то, что взаимоотношения между парламентами Соединенного Королевства и Северной Ирландии также нельзя назвать федеральными. Бесспорно, североирландское население находится в подчинении двух властей сразу: Стормонта в Белфасте и Вестминстера в Лондоне – подобно тому, как народ любого американского штата также является субъектом двухуровневой власти. Но в случае Северной Ирландии два правительства не состоят в отношениях координации. Несмотря на то, что Акт об управлении Ирландией 1920 года³⁴ – который содержит и североирландскую Конституцию – заявляет, что парламента Северной Ирландии обладает полномочиями, которые позволяют принимать законы, обеспечивающие этой территории мир, порядок и достойное правление, во всех сферах, за исключением обороны, внешних сношений, таможенных сборов и правопреемства при восхождении на престол, в нем имеется важная оговорка:

«Несмотря на учреждение парламента Северной Ирландии [...] или какие-либо положения, содержащиеся в настоящем Акте, верховная власть парламента Соединенного Королевства останется в неприкосновенности и неизменности относительно личностей, предметов и вещей как в самой Ирландии в целом, так и в любой ее части».

В законе нет ничего, что могло бы помешать парламента Соединенного Королевства принять в отношении Северной

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ...

33 См.: COUPLAND R. *Op. cit.*; *Report of East Indian Statutory Commission*. London: H.M. Stationery office, 1930. Vol. 1.

34 Наиболее важные разделы Акта об управлении Ирландией воспроизводятся в: *Constitutions of All Countries*. London: H.M. Stationery office, 1937. Vol. 1; см. также: MANSERGH N. *The Government of Northern Ireland: A Study in Devolution*. London: Allen & Unwin, 1936.

Ирландии не только закон, регулирующий уже оговоренную предметную область, но и вообще любой закон. Более того, парламент Северной Ирландии был наделен полномочиями именно парламентом Соединенного Королевства, и последний может расширить, сократить или вообще упразднить эти полномочия. Наконец, законы, принимаемые парламентом Северной Ирландии, даже не выходящие за рамки его компетенций и одобренные ее губернатором, могут быть отклонены и признаны не имеющими юридической силы министром внутренних дел Соединенного Королевства. Из двух упомянутых здесь правительств лишь одно можно охарактеризовать в качестве независимого – это правительство, заседающее в Вестминстере. Что же касается правительства, работающего в Стормонте, то это зависимое правительство. Фактом остается и то, что правительство Соединенного Королевства одновременно является и правительством Великобритании, в то время как строгое воплощение в жизнь федерального принципа требует, чтобы правительство Великобритании было отдельным и независимым. Таким образом, хотя Северная Ирландия располагает довольно широкими прерогативами, а вмешательство в ее дела производится только в случае самой крайней необходимости, здесь мы не находим примера федерального правления.

10

Если мы договорились о том, что все рассмотренные выше образчики правления далеки от воплощения в себе федерального принципа и воздвигнуты на чем-то далеком от него, то резонно задаться вопросом: а как же можно назвать вдохновляющие их принципы?

Та форма межгосударственной ассоциации, в которой центральное правительство зависит от региональных правительств, часто именуется «конфедерацией», а принципом ее организации в таком случае оказывается «конфедеративный принцип». Подобная дескрипция, однако, во многих отношениях неудовлетворительна. Эти термины похожи на используемые выше понятия «федерация» и «федеральный» до такой степени, что разграничение интересующих нас принципов оказывается не слишком очевидным, а политическая практика в этом плане предельно неоднородна и разнообразна. С одной стороны, бесспорно, что понятие «конфедерация» использовалось в конституциях, которые воплощали в себе принцип субординации центрального правительства относительно региональных. Именно в таком разрезе оно применялось в Статьях конфедерации 1777 года, Утрехтской унии, ранних швейцарских конституци-

ях, учредительных документах Германии 1815–1867 годов, Северогерманской конфедерации 1867–1871 годов, Германской империи 1871–1918 годов. Оно также был взято на вооружение штатами, отпавшими от США в 1861 году и назвавшими себя Конфедеративными Штатами Америки, причем их обращение к соответствующему принципу снабдило его определенной силой, ибо они целенаправленно отвергли ради него то, что мы выше назвали «федеральным принципом». Но, с другой стороны, необходимо напомнить, что сразу же после провозглашения себя «народом конфедеративных штатов» южане декларировали своей целью формирование «федерального правления на вечные времена». Понятия «федеративный» и «конфедеративный» используются взаимозаменяемым образом и в Конституции Швейцарии 1874 года, которая официально называется «федеральной Конституцией Швейцарской Конфедерации» (*Constitution fédérale de la Confédération Suisse*). Далее, сами авторы «Федералиста» не противопоставляли друг другу эти термины³⁵, хотя вполне различали маркируемые ими принципы. Современные авторитеты, подобные, например, Альберту Дайси, порой используют их как синонимичные в одном и том же предложении³⁶. И наконец, словно для того, чтобы запугать нас еще больше, канадская Конституция, во многих отношениях изменяющая федерализму в пользу унитаризма, именуется учрежденную ею форму правления «конфедерацией». Понятно, что если пытаться разграничивать принципы предельно четко, то обращение к термину «конфедерация» не принесет нам особой пользы. Не исключено, впрочем, что там, где для описания интересующей нас той или иной ассоциации недостаточными окажутся понятия «лига» или «альянс», «конфедерация» останется единственным более или менее подходящим термином. Возможно, если его использование жестко увязывать с принципами, зафиксированными в Статьях конфедерации 1777 года, а также в учредительных документах конфедеративных штатов и германской конфедерации, то его смысл будет более понятным³⁷.

Другую форму ассоциации – ту, в которой региональные власти состоят с центральным правительством в отношениях субординации, – принято называть «деволюцией», а принцип ее организации именовать «деволюционным принципом». Эта терминология применима к системам Северной Ирландии и

35 Например, в «Федералисте» № 20 Гамильтон и Мэдисон, разобрав устройство Соединенных провинций Нидерландов и назвав их «конфедерацией республик», в конце характеризуют этот кейс как «федеральный прецедент».

36 DICEY A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. 9th ed. London: Macmillan & Co, 1939. P. 603.

37 Дискуссию на эту тему см. в: KENNEDY W.P.M. *Op. cit.* Ch. XXIII.

Южной Африки; а инструмент, посредством которого правительство Индии, руководствуясь Конституцией 1919 года, предоставило в 1921-м законодательную власть провинциям, получил название «деволюционного правила»³⁸.

11

Тест, посредством которого я выявляю случаи федерального правления, предельно прост. Надо поставить перед собой следующий вопрос: воплощен ли в управленческой системе такой способ разделения полномочий между центральными и региональными властями, при котором каждая из них, действуя в собственной сфере компетенции, координирует свои действия с другой, продолжая функционировать независимо от нее? Если да, то правление является федеральным. Причем отнюдь недостаточно того, чтобы федеральный принцип был просто зафиксирован в писаной конституции страны. Подобная фиксация, разумеется, важна, но это отнюдь не гарантия того, что система федерального правления будет работать. Между тем все решается именно функционированием системы. По этой причине я обособляю друг от друга федеральные конституции и федеральные правления. И наконец, мне представляется весьма уместным подобрать специальное обозначение для тех конституций и образцов правления, для которых федеральный принцип, даже не будучи доминирующим, остается все-таки важным. Имея дело с подобными образцами, я буду говорить о квазифедеральной конституции и квазифедеральном правлении.

Нередко бывает так, что опыт страны, целенаправленно отвергающей федерализм или принимающей его с серьезными оговорками, оказывается для исследователя еще более красноречивым, нежели опыт стран, практикующих нормальное федеральное правление.

Из предпринятого выше анализа федерального принципа и его применения в конституциях и правлении вытекает однозначный вывод: в списке стран, являющих нам примеры настоящего федерального правления, оказываются Соединенные Штаты Америки, Швейцария, Канада и Австралия. Но они

38 *Report of East Indian Statutory Commission*. Vol. 1. P. 126.

не должны изучаться в полном отрыве от других стран. Напротив, там, где это возможно, к анализу необходимо привлекать релевантный опыт тех государств, которые приняли квазифедеральные или вообще не федеральные конституции. Причина очевидна: нередко бывает так, что опыт какой-то страны, целенаправленно отвергающей федерализм или принимающей его с серьезными оговорками, оказывается для исследователя еще более красноречивым, нежели опыт стран, практикующих нормальное федеральное правление.

Представляется важным подчеркнуть и еще один пункт. В предшествующих разделах я определял федеральный принцип достаточно строго; следовательно, федеральные и не федеральные конституции и правления тоже квалифицировались весьма строго. В следующих главах я уделю немало внимания тому, до какой степени федеральный принцип воплощается в деятельности различных ветвей федеральных правительств. Подобная поглощенность федеральным принципом может создать впечатление, будто для меня он выступает чем-то вроде самоцели и будто любое отступление от него в законодательстве или практике отмечает слабость или дефект конкретной системы правления. Мне хотелось бы заявить, что это не так. Федеральное правление отнюдь не всегда и не везде является достойным правлением. Это всего лишь средство, позволяющее обеспечить таковое, а отнюдь не благо само по себе. Следовательно, когда я утверждаю, что федеральный принцип необходимо определять догматически, я отнюдь не хочу сказать, что его надо воплощать в жизнь религиозно. Выбор тех деятелей, кто раздумывает о форме правления для группы государств или сообществ, не сводится к выбору между абсолютно федеральным правлением и столь же абсолютно не федеральным правлением. Политики вольны использовать федеральный принцип в такой манере и в такой степени, которые кажутся им наиболее подходящими для конкретных обстоятельств. Жесткий федерализм в одних вопросах и модифицированный федерализм в других вопросах могут предложить оптимальное решение для той или иной проблемы. Ответы на вопросы о том, следует ли обращаться к федеральному правлению и если да, то до какой степени, всегда зависят от всей совокупности обстоятельств. Именно таким образом определяется приемлемость федерального правления. И раз так, то далее нам предстоит разобраться в том, когда же федеральное правление наиболее приемлемо и желательно.

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента факультета международных отношений, политологии и политического регионоведения РГГУ

КЕННЕТ УЭЙР
ЧТО ТАКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ...

Принуждение к союзу: федеративное поглощение Эритреи в исторической перспективе¹

Укорять государя так же глупо, как и пахать небо.

Амхарская поговорка

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Эфиопия подступалась к федеративным проектам дважды, и поэтому история эфиопского федерализма четко делится на два этапа. Несмотря на то, что они не похожи друг на друга ни в чем, ибо осуществлялись в различные исторические эпохи и с разными целями, у исследователя есть все основания попытаться вписать оба кейса в общее нарративное полотно, поскольку разворачивались они на территории одной и той же страны, имперское наследие которой продолжает ощутимо сказываться на ее республиканском настоящем². Кроме того, их сопоставление может оказаться полезным в том смысле, что в нем предельно отчетливым образом проявляется многогранность федерализма – неисчерпаемой матрицы, которую можно использовать очень по-разному, как по прямому назначению, так и для превратных целей. Между тем в научном дискурсе эти две темы почему-то не принято соединять друг с другом – специалисты предпочитают анализировать либо одно, либо другое, – что, разумеется, вряд ли является оправданным. Ведь осуществленная эфиопской монархией в начале 1950-х акция по поглощению Эритреи, обставленная федералистскими декорациями, несомненно, повлияла на то, что позже, при возведении в начале 1990-х эфиопской «социалистической» федерации, в ее конституционных установлениях было закреплено право входящих в нее территориальных единиц свободно покидать союз, – очень похожее, кстати, на аналогичное право в упраздненном СССР. Помимо того, что Федеративная Демократическая Республика Эфиопия и Российская Федерация по сей день остаются в числе очень немногих национально-территориальных (или, лучше сказать, этнических) федераций, сумевших приспособиться к XXI веку,

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

² Подробнее об этом см.: ASSEFA T. *The Imperial Regimes as a Root of Current Ethnic Based Conflicts in Ethiopia* // Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2022. Vol. 9. № 1. P. 95–130.

обе страны знают, как применять федерализм для расширения своих территорий. Совместная причастность к явлению, называемому «имперским федерализмом», делает сравнительный анализ интересным вдвойне – и закономерно обращает исследователя к первой стадии федерализации Эфиопии, связанной с пересмотром государственных границ после Второй мировой войны.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭРИТРЕИ В ЭФИОПСКИЙ ДОМ НАЧИНАЕТСЯ

Проект «федералистского расширения» эфиопских земель, предпринятый в начале 1950-х, на равных подталкивался как внутренними, так и внешними стимулами. Понятно, что государству Хайле Селассие I, незадолго до этого триумфально (пусть и с помощью англичан) отразившему агрессию Муссолини³, хотелось получить, как и было принято в эпоху *nation-states*, какие-то территориальные бонусы, причитающиеся победителю, – тем более, что выход к морю, преграждаемый итальянской Эритреей, уже несколько десятилетий оставался первостепенным внешнеполитическим приоритетом африканской монархии. Но не менее существенным было и то, что ключевым актором, в конечном счете побудившим эфиопское руководство использовать для этих целей не примитивный захват в духе XIX столетия, а замысловатое федералистское решение, стала внешняя инстанция в лице молодой Организации Объединенных Наций. Это существенное обстоятельство одновременно и облегчило, и затруднило первое приобщение Эфиопии к федералистскому этосу. С одной стороны, облегчение заключалось в том, что «дорожная карта» федерализации готовилась международными кураторами, а авторитет ООН выступал гарантией ее консенсусного принятия; но, с другой стороны, в подобном контексте федералистский принцип явно не мог быть чем-то выношенным самими эфиопскими элитами, а представлял наносным, поверхностным, чужеродным явлением. Последнее, разумеется, не могло не сказаться на его провальном воплощении в жизнь, которое превратило заключение федеративной сделки в завуалированную версию (пост)колониального присвоения. В итоге в Эритрее, воссоединившейся в 1952 году с «родиной-матерью», в очередной раз была воспроизведена диспозиция, характерная для абиссинской имперской экспансии времен Менелика II, правившего в 1889–1913 годах, когда «покоренные [Эфиопией] народы

3 См., например: MALLETT R. *Mussolini in Ethiopia, 1919–1935: The Origins of Fascist Italy's African War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

чувствовали себя почти так же или даже хуже, чем те, кто оказался под пятой европейских колонизаторов»⁴.

После того, как в 1941 году английские войска покончили с итальянской оккупацией Эритреи, ее территория перешла под управление британской военной администрации. С завершением Второй мировой войны эритрейская тема стала частью более широкого вопроса о политической судьбе колониальных владений, прежде принадлежавших Риму. В экспертном сообществе, которое во второй половине 1940-х занималось этой проблемой, обозначились три опции, теоретически открывавшиеся перед Эритреей: (а) слияние с Эфиопией, предусматривающее образование единого государства под верховенством эфиопской короны и закрепление тем самым культурных, религиозных, экономических связей, которые веками спланивали соседние земли; (б) территориальный раздел по конфессиональным линиям с отходом христианских земель под юрисдикцию Эфиопии, а мусульманских земель под управление англо-египетского Судана, причем в обмен на эритрейский порт Асэб – и, соответственно, желанный выход к морю – от Аддис-Абебы ожидался отказ от претензий на собственную провинцию Огаден, отходившую к Британскому Сомали; (в) государственная независимость, заведомо шаткая, но *de facto* гарантируемая кем-то из крупных международных акторов. Каждый из этих вариантов лоббировался той или иной влиятельной стороной из числа держав-победительниц.

В пользу какой-то формы эфиопско-эритрейского слияния, императивно распространявшегося как минимум на христианские области Эритреи, высказывались Соединенные Штаты Америки, не без оснований считавшие императорскую Эфиопию своим союзником в разгоравшейся «холодной войне» и потому склонные укреплять ее геополитические позиции:

«Продвижение федеральных установлений было идеально американским способом отблагодарить Эфиопию за отправку своих солдат в контингент Объединенных Наций, воюющий в Корее, и одновременно успокоить эритрейских сепаратистов, как мусульманских, так и всех прочих»⁵.

Опираясь именно на это благорасположение, эфиопский император в 1945 году заявлял американскому президенту о том, что актом, передающим Эритрею под власть Эфиопии – если таковой будет принят международным сообществом, – можно было бы исправить «несправедливое деяние, совершенное фашистским режимом»⁶. Среди аргументов, обосновывающих

4 ASSEFA T. *Op. cit.* P. 115.

5 MARCUS H.G. *A History of Ethiopia*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994. P. 159.

6 Цит. по: КАССАЕ Н. В. М. *Хайле Селассие I – император Эфиопии*. М.: РУДН, 2016. С. 174.

такую точку зрения, были, в частности, и констатации того, что «до 1890 года, [когда началась итальянская экспансия] такое понятие, как “эритрейцы”, вообще не имело хождения»⁷. Важно подчеркнуть, что в американском сценарии за Аддис-Абебой предусматривался немалый шанс на «возвращение домой» не только христианских, но и мусульманских областей Эритреи, поскольку США были готовы доверить решение этого вопроса Генеральной Ассамблеи ООН – а там Эфиопия, внесшая общепризнанный вклад в победу над фашизмом в Африке и возглавляемая монархом, пользовавшимся повсеместной популярностью, вполне могла преуспеть.

К межконфессиональному разделу эритрейских земель тяготела Великобритания, причем для нее, в отличие от США, гораздо более важной представлялась судьба не христианской, а мусульманской части страны; передача последней Судану, политически зависящему от Египта, позволяла Лондону поддержать своего ключевого регионального клиента в лице египетского короля Фарука. Иначе говоря, в данном случае акцент делался не на слиянии фрагментов бывшей итальянской колонии с притязавшей на нее Эфиопией, а на ее обязательном раздроблении, что в глазах эфиопов выглядело гораздо менее выгодным исходом. В обоснование же среди прочего приводились ссылки на то, что ранее, в 1870-х, Египет, бурно модернизовавшийся под османским сюзеренитетом, уже владел прибрежной полосой, отделявшей Абиссинию от Красного моря, и Эритрея с легкостью могла бы стать тогда египетской колонией – если бы не взорвавшее каирскую миниимперию восстание 1881 года под предводительством Махди.

Наконец, на сценарии независимости для Эритреи с определенного момента начала настаивать республиканская Италия – это государство в 1943-м сменило флаг, перейдя на сторону антигитлеровской коалиции, – надеявшаяся на то, что ей, очистившейся от фашистского наследия, удастся, возможно, приобрести международный мандат на управление своим бывшим владением или хотя бы сохранить свое прежнее влияние в новообразованном государстве, которое на первых порах неизбежно будет слабым и уязвимым. Кстати, подобный курс встречал понимание у англичан, ощущавших себя в послевоенной Эритрее всего лишь местоблюстителями, взявшимися опекать итальянское имущество до возвращения прежних хозяев. Как писал в 1949 году, обращаясь к итальянской общине в Асмэре, один из высокопоставленных чинов британской военной администрации, «несомненно, в случае предоставления [Эритрее] независимости выходцы из Италии получат здесь

7 KILLION T. *Historical Dictionary of Eritrea*. Lanham: The Scarecrow Press, 1998. P. 8.

главное слово»⁸. Для итальянского же политического воображения присутствие на этих берегах сохраняло особую символическую важность, ибо именно они в январе 1890 года устами короля Умберто I удостоились высокого статуса «колонии-первенца» (*la colonia primogenita*). В Эфиопии такие перспективы воспринимались с негодованием:

«Римские политики лицемерно декларировали свои “прогрессивные намерения” в оказании содействия колониальным народам в получении независимости. Италия, руководствуясь “гуманными соображениями”, стремилась превратить бывшие колонии в протекторат»⁹.

Что любопытно, против возвращения Эритреи итальянцам не возражал и Советский Союз; эта позиция мотивировалась желанием Москвы нейтрализовать британское влияние на побережье Красного моря. Вместе с тем итальянский политический класс вынужденно увязывал решение «эритрейского вопроса» с судьбами других обломков итальянской колониальной империи – в частности, Ливии, контроль над которой представлялся Риму гораздо более важным, чем присутствие в Эритрее. Для творцов внешней политики Италии проблематика Триполитании, Киренаики, Сомали и Эритреи была единым комплексом, в работе с которым было очень важно безошибочно расставить приоритеты.

Против возвращения Эритреи итальянцам не возражал и Советский Союз; эта позиция мотивировалась желанием Москвы нейтрализовать британское влияние на побережье Красного моря.

Разумеется, на фоне всех перечисленных вариантов архитекторам новой Африки приходилось также принимать во внимание и возможность прямой аннексии эритрейской территории Аддис-Абебой, не высказываемую напрямую, но, как предполагали в международных дипломатических кругах, молчаливо подразумеваемую. Ее фундаментом выступала убежденность эфиопских властей в том, что «нынешние границы Эритреи не итог внутренней политической эволюции, а всего лишь продукт итальянских военных операций»¹⁰. Имеется, впрочем, и довольно весомое альтернативное мнение, согласно которому абиссинская империя притязала на Эритрею не злонамеренно, а вынужденно, поскольку на ее территории в то время про-

8 Цит. по: NEGASH T. *Eritrea and Ethiopia: The Federal Experience*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 1997. P. 51.

9 КАССАЕ Н.В.М. Указ. соч. С. 195.

10 PRUNIER G. *The Eritrean Question* // PRUNIER G., FICQUET É. (Eds.). *Understanding Contemporary Ethiopia*. London: Hurst and Company, 2015. P. 238.

живали сто тысяч эритрейцев, считавших себя эфиопскими подданными, причем две тысячи из них работали в различных органах власти, включая министерства. Более того, в первой эфиопской армии, сколачиваемой в годы итальянской оккупации на территориях соседних Судана и Кении, выходцы с эритрейского побережья составляли половину(!) всей живой силы. В таких условиях, по мысли Текесте Негаша, императорский отказ от притязаний на Эритрею неминуемо был бы воспринят «как безответственность, а то и как прямая государственная измена». Эфиопия – продолжает свою аргументацию этот автор – на протяжении нескольких десятилетий, с 1865 года, вполне обходилась без Эритреи, а 80% ее внешнеторговых операций осуществлялись через Джибути; не удивительно, что в архивах просто нет свидетельств, подтверждающих желание первой злонамеренно «присвоить или проглотить» последнюю¹¹. Наконец, от курса на аннексирование соседних земель Хайле Селассие I отвращали и воспоминания о недавнем восстании в провинции Тыграй, вспыхнувшем в 1943 году и подавленном лишь с помощью британской авиации. Как сообщали итальянские спецслужбы летом 1947-го, император опасался, что «инкорпорация Эритреи еще более усилит тыграйский элемент в Эфиопии, а объединенный Тыграй, в очередной раз восстав, провозгласит независимость»¹². Имелись ли у монарха такие страхи в действительности, мы уже не узнаем; но, очевидно, великие державы рационально предпочитали исходить из того, что лежало на поверхности, а именно из многократно заявленного эфиопского желания *любой ценой* выйти к морю, путь к которому пролегал исключительно через бывшую Итальянскую Восточную Африку.

Эритрейский сюжет становился еще более запутанным из-за политики, проводимой на ее территории в 1941–1952 годах британской оккупационной администрацией. Как отмечает французский историк-африканист Жерар Прунье, Эритрея, которая за десятилетия итальянского правления «медленно продвигалась к форме модерности, полностью чуждой для Эфиопии того времени»¹³, при англичанах осовременивалась еще более ощутимо, все существеннее отдаляясь от государства «царя царей». Поскольку страна простиралась вдоль моря, «открытость иностранным влияниям издавна способствовала формированию особого эритрейского социума и складыванию специфического эритрейского сознания»¹⁴. После войны в Эритрее,

11 NEGASH T. *Op. cit.* P. 54–56.

12 *Ibid.* P. 58.

13 PRUNIER G. *Op. cit.* P. 239.

14 PLAUT M. *Understanding Eritrea: Inside Africa's Most Repressive State*. New York: Oxford University Press, 2016. P. 5.

оказавшейся под английским патронажем, открывались школы, основывались профсоюзы, учреждались независимые газеты, а в 1947 году были разрешены и политические партии. «Впервые за всю эритрейскую историю людям не просто позволялось учреждать политические организации: их буквально подталкивали к этому», – пишет Негаш¹⁵. Зарегистрированные в тот период политические группировки отстаивали разные проекты эритрейского будущего: Юнионистская партия выступала за слияние с Эфиопией, Либерально-прогрессивная партия настаивала на объединении равнинной части Эритреи и эфиопской провинции Тыграй с последующим провозглашением независимости этого образования, а партия «За Италию» желала возвращения под эгиду изгнанной в 1941 году метрополии. Последняя из крупных партий, Мусульманская лига, поначалу отличалась необыкновенной идеологической раздробленностью, имея в своих рядах представителей всех перечисленных позиций; лишь через несколько лет, по мере деградации межгосударственного союза, она превратилась в главного апологета эритрейского суверенитета. Показателями относительной популярности перечисленных партийных программ стали результаты состоявшихся в 1952 году выборов в переходный эритрейский парламент, в ходе которых юнионисты получили 48% голосов, сторонники независимости «большого Тыграя» – 9%, приверженцы Рима – 10%, а Мусульманская лига – около 30%.

Естественным следствием всего этого кипения социальной жизни, обеспечиваемого военной администрацией англичан, оказалось довольно быстрое вызревание прослойки эритрейцев, заинтересованных, несмотря на повсеместную деколонизацию, либо как максимум в сохранении на африканском побережье Красного моря именно британского военно-политического присутствия, либо же как минимум в независимом развитии Эритреи, ориентированной на Лондон. Выше отмечалось, что опция прямой аннексии в послевоенные времена расценивалась как почти недоступная – в особенности для держав, только что разгромивших «третий рейх» и его итальянских союзников, – и поэтому Лондон в середине 1940-х вынашивал более мягкий план объединения тыграйских культурно-лингвистических зон Эритреи и Эфиопии с последующим учреждением суверенного «большого Тыграя» под покровительством Великобритании. С этой целью он энергично поддерживал Либерально-прогрессивную партию, которую некоторые наблюдатели считали прямой креатурой британской разведки. Впрочем, как и следовало ожидать, Хайле Селассие I с возмущением отвергал этот замысел: несмотря на собствен-

15 NEGASH T. *Op. cit.* P. 24.

ные опасения по поводу политической активности Тыграя и превращение его в очаг дестабилизации, добровольно сдавать собственные территории он не собирался.

В результате в начале 1949 года в недрах ООН родился компромиссный «план Бевина-Сфорца», касавшийся всех африканских территорий Италии, включая ливийский, сомалийский и эритрейский сегменты: именно он содержал упоминавшийся выше вариант раздела эритрейских земель между Эфиопией и Суданом¹⁶. Надо сказать, что проект был весьма выгоден Аддис-Абебе, так как он предусматривал отход к эфиопской короне всей тыграйской части Эритреи, включая (*sic!*) портовые города Асэб и Массауа; именно это важнейшее обстоятельство позволило эфиопскому представителю проголосовать за него в ООН. Однако, несмотря на одобрение проекта Генеральной Ассамблеей, состоявшееся в мае 1949 года, от документа пришлось отказаться из-за категорического неприятия его положений в недавно освободившейся Ливии. И, поскольку в основу документа был заложен «пакетный» принцип, выпадение одного фрагмента погубило план целиком: он был снят с дальнейшего рассмотрения.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что становлению упомянутого выше эритрейского самосознания, напрямую сказывавшегося на федералистских дебатах второй половины 1940-х, заметно поспособствовали не только британские колонизаторы, но и их итальянские предшественники. Обустривая свои эритрейские владения на протяжении нескольких десятилетий – а расположенный на Красном море порт Асэб был приобретен итальянской коммерческой компанией еще в 1869 году, – Савойская династия следовала особым курсом, существенно отличавшимся от практик итальянского колониализма в других частях Африки. Этот контраст бросался в глаза даже внешне. Так, британский офицер, захваченный итальянцами в 1939 году и отправленный в лагерь для военнопленных в небольшом эритрейском городке Ади Угри, не скрывая своего изумления, писал в мемуарах:

«На всем протяжении маршрута нас встречали захватывающие свидетельства итальянских свершений. Повсюду можно было видеть признаки бурного прогресса, убеждавшие в том, что XX век прочно утвердился в стране, которая оставалась бездвижной сотни лет. Здесь возводились современные, хотя и не слишком красивые здания, строились фабрики и мастерские, запускались сельскохозяйственные проекты и, что самое впечатляющее, прокладывались превосходные асфальтированные дороги, тянущиеся на сотни миль»¹⁷.

16 КАССАСЕ Н.В.М. *Указ. соч.* С. 204.

17 TREVASKIS K. *The Deluge: A Personal View of the End of Empire in the Middle East*. London: I.B. Tauris, 2019. P. 43–44.

Илл. 1. Итальянская
Восточная Африка,
1936 год. Источник:
Wikimedia Commons.

Итальянская Восточная Африка действительно была особенным местом. Как отмечает Негаш¹⁸, специфичность культивирования Эритреи способствовала – прежде всего во второй четверти XX века – вызреванию самобытной политической культуры по меньшей мере в трех аспектах. Во-первых, встроженные в фашистскую идеологию этнические и расовые градации «четко обособляли эритрейцев, которым посчастливилось жить под цивилизующей опекой Италии, от подданных Эфиопской империи», а это не могло не влиять на местных интеллектуалов. Во-вторых, ощущение эритрейской самобытности, если не сказать превосходства, поддерживалось мощным экономическим бумом, сопутствовавшим подготовке итальян-

18 Основой для этого абзаца послужило великолепное исследование: NEGASH T. *Op. cit.*; приводимая цитата: Р. 16.

ской агрессии против Эфиопии: местная экономика на рубеже 1920–1930-х динамично развивалась, в колонии открывались новые предприятия и внедрялись передовые технологии, а количество итальянских переселенцев росло по экспоненте: если в 1933-м их насчитывалось лишь 4500, то всего через два года их было уже 50 тысяч. Наконец, в-третьих, и это, вероятно, самое главное – Эритрея выступала виднейшим поставщиком живой силы для африканских войск Рима: между 1912-м и 1932 годами в итальянских гарнизонах в Ливии постоянно служили 4000 эритрейцев, а в армии, в 1936 году вторгшейся в Эфиопию, было 50 тысяч эритрейских солдат. Такое положение вещей оборачивалось для жителей Эритреи невиданными для прочих итальянских колоний бонусами – например, с 1937 года их официально предписывалось называть «эритрейцами», а не «туземцами», как прочих африканских подданных короля Виктора-Эммануила.

Как только «план Бевина-Сфорца» был провален, итальянцы развернули кампанию за полную независимость Эритреи. Летом и осенью 1949 года их активно поддерживал в этом сепаратистский блок, в который, помимо партии «За Италию», вошли также Либерально-прогрессивная партия и Мусульманская лига. Несмотря на то, что объединение просуществовало всего лишь полгода, а после его распада главными защитниками суверенной Эритреи стали исламские организации, сепаратисты успели заявить о себе, застолбив место на оформляющейся политической сцене. На протяжении нескольких последующих лет они эффективно противостояли юнионистам, опиравшимся на идейную и материальную помощь Аддис-Абебы. Кроме того, им способствовало изменение международной конъюнктуры, поскольку после фиаско «плана Бевина-Сфорца» идею независимой Эритреи поддерживала уже не только Италия, но и Советский Союз, а также некоторые латиноамериканские и арабские страны.

ООН ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Таким образом, к завершению войны жители Эритреи ощущали себя самобытной этнографической целостностью, не поддающейся отождествлению с соседями, несмотря на наличие определенных сходств. Местные политические и интеллектуальные элиты, прежде всего мусульманские, требовали к себе особого отношения, а воцарившаяся на несколько лет неопределенность их нервировала. Затянувшаяся пауза накопила политические страсти в Асмэре до такой степени, что в феврале 1950 года там в очередной раз вспыхнули уличные потасовки

между сторонниками независимости (в основном мусульманами) и активистами, ориентированными на союз с Аддис-Абебой (в основном христианами). Эти события резонировали с августовским инцидентом 1946 года, когда в ходе карательной акции, проведенной английской армией в отношении сторонников воссоединения с Эфиопией, расквартированные в Эритрее военнослужащие из англо-египетского Судана за один день застрелили 46 юнионистов.

Ярким свидетельством того, до какой степени обсуждение эритрейского будущего накалило политические страсти, стало вовлечение в конфликт религиозных кругов. В 1945–1946 годах Юнионистская партия наладила теснейший контакт с Абиссинской православной церковью, которая издавна и неразрывно была связана с эфиопской монархией; весомым результатом этого сотрудничества стала официально обнародованная угроза отлучения от церкви, адресованная тем эритрейцам, которые выступали против слияния с «родиной-матерью». Учитывая авторитет, которым церковь традиционно пользовалась в Эфиопии, подобный аргумент нельзя было не считать весомым. Между тем сама Юнионистская партия, мобилизуясь к предстоящим политическим сражениям, все больше начинала напоминать религиозный орден: так, в 1949 году при вступлении в нее новым членам приходилось приносить клятву лояльности, запрещающую любые контакты со сторонниками сепаратистских организаций, в том числе заключение браков с ними и даже совместное участие в погребальных обрядах¹⁹. Уличные сражения с оппонентами органично выписывались в такой контекст.

Специальная комиссия ООН, с 1948 года занимавшаяся эритрейским вопросом по инициативе держав-победительниц, несколько месяцев не могла определиться со своими рекомендациями, внутренне раскалываясь и поочередно генерируя противоречащие друг другу проекты, но, в конце концов, международное сообщество сочло федерацию единственным рациональным компромиссом между независимостью и поглощением – посоветовав бывшей «жемчужине» Итальянской Восточной Африки заключить федеративный договор с Аддис-Абебой. В резолюции Генеральной Ассамблеи, закрепившей эту рекомендацию, говорилось, что «Эритрея составляет автономную единицу, входящую в федерацию с Эфиопией и под суверенитетом короны Эфиопии», и высказывалось пожелание:

«Обеспечи[ть] жителям Эритреи полное сохранение и защиту их учреждений, традиций, религиозных верований и языка, а также самую широкую степень самоуправления – без ущерба в то же

19 Ibid. P. 47, 50 (note 1).

время для Конституции, учреждений, традиций, международного статуса и самобытности Эфиопской империи»²⁰.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

Несмотря на то, что эфиопская сторона считала более реалистичной позицию Норвегии, высказывавшей сомнения в том, что союз, предусматривающий равенство столь неравновесных сторон, будет стабильным, и предлагавшей взамен «полное и немедленное воссоединение»²¹, эфиопский монарх, скрепя сердце, согласился на федерализацию своей империи как на самую достижимую опцию. По словам историка, поддержав в ООН идею федерализации, полномочный эфиопский представитель «сделал это от безысходности»²².

Справедливости ради стоит отметить: сожаление, высказываемое Аддис-Абебой по поводу того, что ради присоединения Эритреи пришлось «играть в федерализм», в значительной мере выглядит неискренним; ведь император – подобно, кстати, его оппонентам – не мог не понимать, что международное сообщество предложило ему довольно нестандартную федерацию. Специфической особенностью этого союза было то, что эфиопская корона, выступая одной из двух сторон заключаемого федеративного контракта, оставалась в то же время верховным патроном всей федеральной конструкции. Соответственно, и Эритрея представляла в двух малосовместимых ипостасях, будучи одновременно автономным образованием внутри Эфиопской империи и политической единицей, вступающей в федеративную унию с Эфиопией. Такая ситуация выглядела для абиссинского престола многообещающей, ибо в новоявленном объединении явно просматривались «ведущий» и «ведомый». Не удивительно, что на этот факт неоднократно указывали скептики и недоброжелатели эксперимента. Что касается сторонников поглощения, то для них, напротив, принятие резолюции Генеральной Ассамблеи «было равнозначно слиянию Эритреи с Эфиопией, а то, что это слияние называется “федерацией”, в 1952 году не казалось особой проблемой»²³.

Принятому ООН документу, запустившему механизм оформления новой федерации, были присущи и другие внутренние изъяны – и они не позволяли эфиопской короне чувствовать себя удовлетворенной в полной мере. Вероятно, главный из них заключался в том, что международная организация взялась за федерализацию суверенного государства, не получив предварительного согласия самой Эфиопии на такое преобра-

20 Текст Резолюции 390 A (V), принятой Генеральной Ассамблеей на ее 316-м пленарном заседании 2 декабря 1950 года // Окончательный доклад комиссии Организации Объединенных Наций для Эритреи. Нью-Йорк, 1952. Р. 87.

21 КАССАЕ Н. В. М. Указ. соч. С. 218.

22 Там же. С. 220.

23 NEGASH T. *Op. cit.* Р. 74.

зование. Иначе говоря, внешняя инстанция ставила независимую страну перед свершившимся фактом, меняя ее конституционный строй своей резолюцией (почти половина статей которой приходилась на так называемый «федеральный акт», устанавливающий новый режим взаимоотношений между двумя странами), обращаясь с ней как с неподпечной территорией – и критики ООН не раз обращали внимание на это. В целом же грандиозные усилия, предпринятые международным сообществом ради федеративной сделки Аддис-Абебы и Асмэры и увенчавшиеся в 1952 году рождением нового государства, подтверждали нелестный для всего африканского федерализма вывод: даже в уникальном, по местным стандартам, случае Эфиопии, сумевшей сохранить независимость в «эпоху империй», федеративное решение оказалось результатом «выкручивания рук», произведенного внешними силами, – ровно таким же образом уходящие колонизаторы принуждали к нему бывших подданных в других частях Африки. (Хорошим примером в указанном отношении выступает Нигерия, федеративный порядок для которой разрабатывался и внедрялся Лондоном²⁴.) Негаш справедливо подытоживает:

«Поскольку главным инициатором федеративного союза Эритреи и Эфиопии выступила новорожденная ООН, невозможно закрыть глаза на тот факт, что для обеих договаривающихся сторон это решение было навязанным извне»²⁵.

Привнесенный и чужеродный характер институтов, не выношенных локальной историей и не выстраданных местной политикой, обусловил ключевую особенность рассматриваемой здесь первой фазы эфиопского федерализма: сугубо утилитарный – а не ценностный – характер его применения²⁶. Сказанное означает, что рассредоточение политической власти как основа федералистского образа правления для абиссинских правителей даже теоретически не могло выступать целью их интеграционных начинаний. Федеративный порядок представлял лишь средством, позволявшим решать сиюминутные задачи, которые перед ними вставали. За согласием эфиопского правящего класса трансформировать империю в федерацию стояло вполне прагматичное стремление к перемещению государственных границ: «Федеральные установления воспринимались эфиопскими властями с большим подозрением и рассматривались лишь как временная уступка, позволявшая

24 Подробнее об этом см. мою статью: ЗАХАРОВ А.А. «Бремя черного человека»: краткий очерк истории нигерийской федерации // Неприкосновенный запас. 2023. № 5(151). С. 226–269.

25 NEGASH T. *Op. cit.* P. 71.

26 Подробнее см.: ELAZAR D.J. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1987. P. 80–104.

аннексировать Эритрею»²⁷. Как только поставленная задача была успешно решена, власти страны начали демонстративно пренебрегать конституционными нормами, которые гарантировали вступившему в федеративный союз новому члену политическое равноправие. На свертывание проекта, однако, потребовались немалое время и значительные усилия.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

Рассредоточение политической власти как основа федералистского образа правления для абиссинских правителей даже теоретически не могло выступать целью их интеграционных начинаний. За согласием эфиопского правящего класса трансформировать империю в федерацию стояло вполне прагматичное стремление к перемещению государственных границ.

Отражением того состояния, в котором накануне объединения находилось эритрейское общество, стал избранный в 1952 году по инициативе уходящих англичан первый парламент Эритреи: в отношении сценариев национального будущего его депутатский корпус раскололся пополам. Несмотря на эту раздвоенность общественного мнения, большая часть эритрейцев, в конце концов, приняла бы федерацию, если бы имперский режим согласился с непохожестью новых подданных на остальных граждан Эфиопии – но «трудность заключалась как раз в том, что именно этим пониманием специфичности и особенности эритрейской идентичности ни сам император, ни его ближайшие сподвижники не обладали»²⁸. Преумножая на протяжении веков свои владения, абиссинские цари настаивали на неделимости своей божественной суверенности и последовательно устранили всех, кто осмеливался бросать им вызов, будь то иные государи или собственная знать. В отличие от некоторых европейских империй, традиционно практиковавших те или иные зачаточные комбинации самоуправления и разделенного правления, эфиопское государство предпочитало всестороннее и всецелое покорение, не оставлявшее места для каких бы то ни было проявлений автономии. Именно по этой причине осуществлявшуюся им в XIX веке жесткую территориальную экспансию нередко сравнивали с наихудшими образцами европейского колониализма. В глазах воспитанного

27 GOUMENOS T. *The Pyrrhic Victory of Unitary Statehood: A Comparative Analysis of the Failed Federal Experiments in Ethiopia and Indonesia* // KAVALSKI E., ZOLKOS M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives of Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 37.

28 PRUNIER G. *Op. cit.* P. 242.

в этой традиции Хайле Селассие I «любая форма “сдержек и противовесов”, даже демократическая, с неизбежностью представляла эквивалентом феодальной обструкции, которую на протяжении последней сотни лет эфиопский престол пытался сдерживать и подавлять»²⁹. В подобной оптике Эритрея могла рассматриваться императором лишь в качестве «инородного тела», которое требовалось низвести до усредненного общеимперского стандарта. Подобные установки не оставляли подлинному федерализму ни малейшего шанса.

Автономия, оговоренная федеративным контрактом между Аддис-Абебой и Асмэрой и гарантированная решениями ООН, начала попирается сразу же после заключения союза. Уже на первой встрече с комиссаром ООН в Эритрее – боливийцем Эдуардо Ансе-Матиензо, назначенным на этот пост в декабре 1950 года, – негус заявил: «Эфиопия понимает под федерацией не объединение двух самостоятельных государств, а форму передачи властям Эритреи полномочий на внутреннее самоуправление»³⁰. Подобные заявления не очень согласовывались с классикой федералистского жанра, указывая на то, что император и международные чиновники понимают новую государственность по-разному. Ратифицировав в сентябре 1952 года обновленную Конституцию Эритреи, император в первый же визит в свое новое владение отправился в прибрежный город Массауа, символически обнажая смысл предпринятой им объединительной операции: ведь еще в 1924 году, будучи регентом, он поставил задачу «обретения выхода к морю», которая теперь была успешно решена. В последующие годы посредством целого ряда односторонних шагов, среди которых были, в частности, перевод образования с местных эритрейских языков на амхарский язык, а также демонтаж некоторых возведенных итальянцами промышленных предприятий с последующим перемещением их в Эфиопию, монархия настроила против себя эритрейское общество. Со временем империя распустила местные политические партии, разогнала профсоюзы и урезала свободу печати, сделав протест против эфиопского засилья практически безгласным. Сам император даже не пытался скрывать свои финальные планы относительно новообретенных земель; выступая в 1954 году по случаю второй годовщины провозглашения федерации, он без обиняков заявил: «День, когда народ Эритреи решит отказаться от федеративных уз в пользу полноценного вхождения в Эфиопию, станет счастливейшим днем в моей жизни»³¹.

29 Ibid. P. 243.

30 КАССАЕ Н.В.М. *Указ. соч.* С. 222.

31 Цит. по: PRUNIER G. *Op. cit.* P. 243.

«ИГРА В ФЕДЕРАЦИЮ» ЗАВЕРШИЛАСЬ

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

Как и следовало ожидать, жизнь нового государства началась с проблем. И если политические трения вышли на первый план лишь спустя несколько лет, то экономические изъяны обнаружались незамедлительно. Их первоисточник был очевиден: Эритрея, оставшаяся без итальянского капитала и квалифицированного труда, естественным образом оказалась нищей. «Экономический потенциал Эритреи был ничтожен, – вспоминал чиновник, работавший в британской оккупационной администрации. – Он мог поддерживать скудное выживание полумиллиона скотоводов и земледельцев, но не более того»³². Еще до спуска в Асмэре британского флага англичане пытались говорить представителям монархии о том, что в финансовом смысле опекаемая ими территория нежизнеспособна, поскольку ее бюджет безнадежно дефицитен, но эта тема тогда не заинтересовала Аддис-Абебу. Эфиопские власти исходили из того, что очень скоро Эритрея лишится своего статуса участницы федеративной сделки, а ее земли превратятся в обычные имперские провинции, которые трудно было удивить дефицитным бюджетом.

Такая позиция влекла за собой нарастающий упадок и без того слабой бюджетной сферы. При этом Асмэра, оказавшись в крепких «братских объятиях», не могла использовать и резервные способы пополнения собственной казны, которые у нее, как у столицы прибрежного государства, теоретически имелись. Пребывая под британским контролем, Эритрея извлекала из таможенных сборов почти половину своих бюджетных доходов. Новое конституционное устройство предполагало сохранение за эритрейцами их доли, но теперь, согласно распределению компетенций, взиманием платежей занималась имперская администрация, которая, во-первых, сократила объемы таможенных денег, передаваемых Эритрее, а во-вторых, перешла к весьма нерегулярным их выплатам. Неудивительно, что все сказанное отражалось на жизни эритрейских жителей, которые сетовали на дороговизну, выросшие налоги, а также, среди прочего, затраты по приобретению эфиопского удостоверения личности. Однако наибольшее раздражение вызывала неэффективность федеральных органов в сферах их же собственной компетенции, куда, помимо таможни, относились связь, железные дороги, юстиция, безопасность. «Эфиопы не отвечают на наши письма, не реагируют на наши запросы, да и в целом пренебрегают эритрейскими властями, – так в 1953 году комментировал состояние федеративных отноше-

32 TREVASKIS K. *Op. cit.* P. 52.

ний спикер первого местного парламента, шейх Али Редай, представитель Мусульманской лиги. – Гиену оставили с козленком, с очевидным результатом»³³. Федерация, как считали многие, не работала из-за того, что не было никакой разницы между эфиопским и федеральным правительством.

К осени 1953 года в стране начало складываться движение противников федеративного строя, флагманом которого стала Мусульманская лига. В октябре исламские лидеры – правда, не все – направили открытую телеграмму в ООН, где жаловались на пограние федеративного контракта Аддис-Абебой, а также на то, что императорский представитель стал в Эритрее ключевой фигурой, оттеснившей на второй план местные органы власти, включая правительство и парламент. Наиболее решительные оппозиционеры прямо говорили, что Эритрея, вступив в навязанную ей унию, опять оказалась оккупированной страной. За два года союзного существования центральные власти так и не смогли решить вопрос о федеральных выплатах Эритрее, что не раз ставило местный бюрократический аппарат на грань полного прекращения работы. Вместе с тем, хотя абиссинская корона с самого начала отказывалась видеть разницу между инкорпорацией и федерацией, окончательно решить вопрос с политическим поглощением новых территорий ей мешали собственная Конституция и Федеральный акт, санкционированный ООН.

Императорский представитель стал в Эритрее ключевой фигурой, оттеснившей на второй план местные органы власти, включая правительство и парламент. Наиболее решительные оппозиционеры прямо говорили, что Эритрея, вступив в навязанную ей унию, опять оказалась оккупированной страной.

По свидетельству американского историка, вся эта экспансионистская активность «повергала в уныние эритрейцев, которые тяготели к более либеральным политическим обычаям»³⁴. Сказанное тем не менее вовсе не означает, будто среди самих жителей Эритреи вообще не было сторонников полного слияния с Эфиопией. Здешняя Юнионистская партия по-прежнему опиралась на поддержку примерно половины эритрейского населения, а ее руководитель Тедла Байру возглавлял местное правительство. Более того, совместными уси-

33 Цит. по: NEGASH T. *Op. cit.* P. 82.

34 АДЕЖУМОВИ S.A. *The History of Ethiopia*. Westport: Greenwood Press, 2007. P. 109.

лиями эритрейских юнионистов и эфиопских властей удалось расколоть исламскую оппозицию; летом 1953 года императорский представитель, посещая примыкающую к Судану и населенную мусульманами Западную провинцию, разрешил местным скотоводам пересекать границу и пасти скот в северо-западных районах Эфиопии, чем весьма расположил их к объединению с «родиной-матерью». Федеральные власти без устали внушали местным сообществам, что Эритреей просто называется одна из частей Эфиопии. Пока мусульманские организации и их парламентские представители пытались втянуть центральные органы власти в дискуссию о недоброкачественности эфиопского федерализма, агенты Аддис-Абебы на местах довольно эффективно переманивали местных жителей на свою сторону. Более того, некоторые из эритрейских юнионистов в своем стремлении свернуть федерацию опережали самих эфиопов; таким был, в частности, глава исполнительной власти Байру, называвший несговорчивый эритрейский парламент не иначе как «собранием идиотов»³⁵. Позиционная борьба с переменным успехом продолжалась до середины 1950-х.

Начиная с указанного рубежа в эфиопском общественно-политическом дискурсе все чаще начала затрагиваться тема модификации федеративной Конституции, причем направление изменений было предельно ясным. Так, в 1955 году группа эритрейских депутатов-юнионистов предложила: (а) сделать амхарский – государственный язык империи – официальным языком Эритреи; (б) упразднить эритрейский флаг и эритрейскую печать; (в) отказаться от выборности главы исполнительной власти в пользу его назначения императорским декретом. Предложения были благополучно похоронены ставленниками Аддис-Абебы как преждевременные, но обществу было понятно, куда дует ветер. На какое-то время поддержанию *status quo* способствовало то обстоятельство, что пост председателя Верховного суда Эритреи занимал англичанин – сэр Джеймс Шерер, положение которого подкреплялось авторитетом ООН, – но в 1959 году он вышел в отставку.

После ухода британских чиновников, курировавших в основном правоохранительную и финансовую сферы, имперская администрация полностью перетасовала неблагонадежный эритрейский парламент. Еще ранее, осенью 1956 года, в ходе выборов эритрейской легислатуры второго созыва – процедура теперь курировалась не только эритрейскими, но и федеральными властями – состав депутатского корпуса заметно поменялся: из 68 членов палаты 32 были убежденными юнионистами, а вместе с колеблющимися депутатами у сторонников

35 NEGASH T. *Op. cit.* P. 100.

упразднения федерации теперь имелось большинство. С осени 1957 года, когда группа мусульманских активистов направила в ООН очередную петицию, эфиопские власти и их сторонники в Эритрее перешли к масштабным полицейским репрессиям в отношении федералистов. На этом фоне эритрейское правительство при поддержке эритрейского парламента приступило к долгожданному демонтажу федерации. В 1958 году был принят региональный закон, согласно которому единственным официальным флагом Эритреи провозглашался флаг империи, а на протяжении следующего года была создана законодательная база, обеспечивавшая полную интеграцию эритрейских земель в состав Эфиопии. Это позволило в 1960 году официально переименовать «правительство Эритреи» в «администрацию Эритреи», так как «в Эфиопской империи не может быть двух правительств»³⁶.

Тогда же по соседству с Эфиопией была провозглашена независимость Республики Сомали, которая практически сразу заявила о территориальных претензиях к эфиопам. Это в свою очередь предоставило Хайле Селассие I внешнеполитические аргументы в пользу окончательной политической унификации своих владений, и 15 ноября 1962 года федеративное устройство было упразднено: эритрейская легислатура третьего созыва, избранная в 1960-м и вообще не имевшая в своем составе оппозиционеров, проголосовала за это единогласно. Чтобы вновь обратиться к федерации, Эфиопии понадобились десятилетия – хотя даже это запоздалое здравомыслие уже никак не могло вернуть отпавшую Эритрею, спустя тридцать лет добившуюся независимости вооруженным путем. Исследователи позже едва ли не единодушно отмечали, что «эфиопско-эритрейский федеративный союз породил федерацию без федерализма»³⁷. Провал этого проекта, уложившегося в 1952–1962 годы, был обусловлен не столько противоречиями и трениями между составными частями – наиболее типичной причиной подобных фиаско, особенно когда речь идет о союзах, состоящих из двух федерирующихся единиц, – сколько стойким нежеланием эфиопской правящей верхушки осмысленно практиковать федерализм.

Для исследователя-политолога первый этап развития эфиопского федерализма, вместившийся в одной десятилетие и завершившийся апроприацией Эритреи, интересен прежде всего тем, что он непосредственным и существенным образом повлиял на конструирование и функционирование второй эфиопской федерации, учрежденной в 1990-е. Эта связь, зачастую непрямая и скрытая, проявила себя во многих характерных чертах

36 КАСАЕ Н.В.М. *Указ. соч.* С. 294.

37 GOUMENOS T. *Op. cit.* P. 34.

нынешнего эфиопского федерализма – и в первую очередь в закреплении за ним выраженной этнической природы. Во времена первой федерации, возводившейся под патронажем ООН, права национальных меньшинств, к разряду которых после 1945 года, по-видимому, относились и эритрейцы, не удалось защитить должным образом, несмотря на распространявшиеся по всей Африке импульсы деколонизации и самоопределения. Соответственно, «именно роспуск этого федеративного союза спровоцировал [в 1960-е] войну за освобождение Эритреи, которая в свою очередь позже подстегнула подъем многих других

Илл. 2. Эфиопия и Эритрея, 2009 год. Источник: Wikimedia Commons.

национально-освободительных движений – в частности, среди таких общностей, как тыграй, оромо и сомали»³⁸, – иначе говоря, тех самых групп, которые позже разрушили марксистский унитаризм и учредили вместо него этнический федерализм. Таким образом, печальный опыт 1952–1962 годов, завершившийся войной и диктатурой, нельзя было не учесть в последующем, причем даже вопреки тому, что республиканская форма эфиопской государственности решительно отрицала наличие преемственности с ранее существовавшей монархией.

Федеральные власти без устали внушали местным сообществам, что Эритреей просто называется одна из частей Эфиопии. Пока мусульманские организации и их парламентские представители пытались втянуть центральные органы власти в дискуссию о недоброкачестве эфиопского федерализма, агенты Аддис-Абебы на местах довольно эффективно переманивали местных жителей на свою сторону.

* * *

Обычно две упомянутые фазы не рассматриваются в связке, но если не делать этого, то многие отличительные черты нынешнего эфиопского федерализма останутся необъясненными. Например, право составных частей федерации на свободный выход из ее состава, делающее Федеративную Демократическую Республику Эфиопию уникальным государством даже в ряду сохранившихся на планете немногочисленных национально-территориальных федераций, можно растолковать только в том случае, если вспомнить о бытовавших в конце 1940-х планах создания так называемого «большого Тыграя», выкраиваемого из территорий как Эфиопии, так и Эритреи и призванного, по замыслу их инициаторов, сбалансировать доминирование амхарского большинства. Следуя той же логике, само предпочтение, отданное после крушения монархии федерализму, диктовалось имперской природой ушедшего государства: на протяжении нескольких столетий Эфиопия выстраивала себя как суровая империя, безжалостная к покоряемым народам, и после ее краха переход к федеративному контракту рассматри-

вался в качестве чуть ли не единственного средства сохранения эфиопского административно-политического пространства в прежних границах. Федерации, несущие на себе печать имперских систем, которым они наследовали, – дело вполне обычное, и нет никаких оснований выводить Эфиопию за рамки этой закономерности³⁹.

Наконец, сам факт существования в XX веке федеративного союза Эфиопии и Эритреи, пусть даже неправильного и кособокоего, открывает более широкий простор для рассуждений о том, допустимо ли повторение чего-то подобного в будущем. На первый взгляд, подобная постановка вопроса может показаться абсурдной, в особенности если учесть диковинность сегодняшней эритрейской государственности, но, вспомнив о том, как тыграйская тема в начале 2020-х вновь оказалась на первом плане эфиопской политики, стоит позволить себе не слишком торопиться с выводами. Федеративное прошлое не менее интригующая тема, чем федеративное будущее.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

39 Более обстоятельное обсуждение диалектических взаимоотношений между империей и федерацией см. в моей работе: ЗАХАРОВ А.А. *Империя и федерация* // Он же. *Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме*. М., 2008. С. 17–44.

ЛЕОНИД
ИСАЕВ
АНТОН
МАРДАСОВ

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместитель директора Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ.

Антон Геннадьевич Мардасов (р. 1987) – ведущий эксперт Центра народной дипломатии.

Республика Чад: предчувствие федерализации¹

После того, как в 2021-м в ходе боевых действий против мятежников погиб чадский президент Идрис Деби, правивший страной с 1990 года, Чад вошел в полосу политического транзита. Этот процесс осуществлялся под руководством Переходного военного совета, возглавляемого Махаматом Деби – сыном убитого президента. В отличие от некоторых других стран Сахеля, где аналогичные стадии политического перехода сегодня явно затянулись, временные власти Чада все же смогли в мае нынешнего года провести президентские выборы, на которых Деби-младший был избран постоянным главой государства. Вместе с тем, несмотря на этот относительный успех, завершившаяся электоральная процедура показала, что политическая ситуация в стране по-прежнему далека от настоящей стабильности, а чадское общество отчаянно нуждается в национальном диалоге, который позволил бы предотвратить назревающий раскол между северной и южной частями страны, все острее предчувствуемый чадскими гражданами и их политическим классом.

Иллюзия победы

Необходимость обратиться к механизмам переходного правления, функционирующим под строгим контролем армейской элиты, возникла после того, как правящий в Чаде на протяжении трех с половиной десятилетий режим оказался обезглавленным. Смерть отца новоизбранного лидера не была результатом несчастного случая или естественных причин: Идрис Деби погиб, когда выехал в зону боев на севере страны, где верные ему войска сражались с отрядами Фронта перемен и согласия Чада. В апреле 2021 года повстанцы этой группировки предприняли внезапный бросок от ливийской границы в направлении чадской столицы Нджамены, что побудило правительство к принятию экстренных мер. После гибели главы государства Деби-младший, командовавший элитными подраз-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

делениями президентской гвардии, был выбран чадскими генералами в качестве временного руководителя Переходного военного совета. Этот орган наделялся полномочиями на полтора года, причем на этот срок действие национальной Конституции приостанавливалось, а органы законодательной и исполнительной власти распускались.

Как предполагалось, важным элементом переходного периода должен был стать инклюзивный национальный диалог, по результатам которого предстояло выработать проект новой Конституции республики и наметить контуры назревших политических реформ. Однако процесс национального диалога был запущен с большой задержкой – лишь в августе 2022 года; такая проволочка увеличивала риск, что переходный период в Чаде может сделаться бесконечным. На возможность подобного сценария намекали и тенденции, обнаруживавшиеся в некоторых других государствах, примерно в то же время вступивших в аналогичную стадию транзита: например, переходные власти, руководившие на тот момент Гвинеей, Мали и Буркина-Фасо, уже не раз откладывали ключевые мероприятия, призванные обеспечить транзит, – причем это делалось в отношении не только выборов новых органов власти, но и референдумов по новым конституциям.

Тем не менее спустя три года после начала политического транзита в Чаде удалось провести президентские выборы. Главным конкурентом Махамата Деби в ходе голосования, прошедшего 6 мая 2024 года, стал премьер-министр Временного правительства Сюксес Масра, который на протяжении долгого времени выступал против Идриса Деби, а потом около года скрывался от преследования чадских властей в США. Казалось бы, предстоявшие выборы были лишены какой-либо интриги: как западные эксперты, так и чадская несистемная оппозиция были уверены в легкой и безоговорочной победе временного президента-генерала, который к тому же контролировал силовой блок. Результаты в какой-то степени оправдали эти прогнозы: Деби-младший подтвердил законность своей власти и показал довольно внушительный результат в 61,03% голосов, в то время как его главный оппонент Сюксес Масра набрал 18,53%. Третье место досталось бывшему премьер-министру Альберту Пахими Падаке с 16,91% голосов². Судебные иски Масра и Падаке, потребовавших пересмотреть итоги голосования, были отклонены, и уже 23 мая Махамат Деби, официально вступив в должность главы государства, назначил Алламая Халина – чадского посла в Китае, а ранее главу службы госу-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ

РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

2 *Chad's Junta Chief Mahamat Idriss Déby Declared Winner of Presidential Election // Le Monde*. 2024. May 9 (www.lemonde.fr/en/international/article/2024/05/09/chad-s-junta-chief-mahamat-idriss-deby-declared-winner-of-presidential-election_6670953_4.html).

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ

РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

дарственного протокола – новым премьер-министром³. Спустя неделю было объявлено об обновленном составе кабинета министров Чада, оптимизированном для более гибкой работы: в него вошли 27 министров – на пятнадцать чиновников меньше, чем было в предыдущем составе⁴.

Однако убедительная победа Деби-младшего кажется такой лишь на первый взгляд. Раскол в чадском обществе, латентно сопровождавший страну на протяжении всей ее независимой истории, сегодня напоминает о себе все чаще и все настоятельнее, угрожая повторением сценария, который не так давно был реализован в соседнем Судане, а именно – потенциальном развале государства по линии Север–Юг.

КОНФЛИКТНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Для лучшего понимания местной специфики следует отметить, что Чад можно условно разделить на почти мусульманский скотоводческий Север и преимущественно христианский земледельческий Юг. Традиционно первый доминировал над вторым: хотя большая часть населения сосредоточена именно в южных землях, которые в придачу являются и экономически наиболее продуктивными – прежде всего в силу того, что они более одарены природными богатствами, – южане всегда уступали северянам в боеспособности⁵. После того, как Чад в 1960 году стал суверенным государством, и вплоть до начала 1980-х во главе страны находились преимущественно южане⁶. Северяне же в первые два десятилетия независимости практически не интересовались политической жизнью республики, молчаливо не считая ее своей, а порой и вовсе декларируя стремление отделиться. Однако в начале 1980-х, после двух гражданских войн власть в Чаде перешла к представителям Севера: сперва к президенту Хиссену Хабре из народности тубу (горан), а затем к Идрису Деби из народности загава. В качестве существенного момента стоит указать, что политические сдвиги – по неслучайному совпадению – начались после того, как в южных регионах страны были обнаружены большие месторождения

3 OUMALEK R. *Chad: Mahamat Déby Swears in and Appoints a New Prime Minister* // Powers of Africa. 2024. May 24 (<https://powersofafrica.com/article/636/chad-mahamat-deby-swears-in-and-appoints-a-new-prime-minister>).

4 *Tchad: un nouveau gouvernement de 27 membres pour la 5e République* // Al Wihda. 2024. 27 Mai (www.alwihdainfo.com/Tchad-un-nouveau-gouvernement-de-27-membres-pour-la-5e-Republique_a132593.html).

5 Джимасбе Р., Фахрутдинов Р.З., Галиуллин Э.А., Ласковенокова Е.А. *О роли нефтедобычи и нефтепереработки в экономике Республики Чад* // Вестник Казанского технологического университета. 2017. № 3. С. 36–39.

6 *Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник: В 4 т.* / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2014. Т. 4 («Африка»). С. 502.

нефти: если прежде северяне не видели особого смысла в контроле над всем Чадом, то открытие углеводородных ресурсов заставило их отказаться от сепаратистской риторики и взять курс на овладение всей национальной территорией.

Раскол чадского общества на южан и северян сполна проявился в ходе предвыборной кампании 2024 года. Кандидатура Деби-младшего недвусмысленно поддерживалась двумя ключевыми северными народностями – загава и горан. Именно их ставленники к настоящему моменту составляют костяк политического, экономического, дипломатического, образовательного истеблишмента, но прежде всего – силового аппарата, который на фоне довольно заметной активности повстанческих и террористических формирований пользуется в стране огромной властью. В свою очередь представители южных регионов выступали в поддержку Сюксеса Масра – оппозиционного кандидата и уроженца Юга. Назревавшая конфронтация грозила серьезными потрясениями, но в ходе кампании правящая верхушка, предприняв несколько политических шагов, сумела снизить градус противостояния и уйти от лобового столкновения двух политико-географических сил.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ
РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

Раскол в чадском обществе, латентно сопровождавший страну на протяжении всей ее независимой истории, сегодня напоминает о себе все чаще и все настоятельнее, угрожая повторением сценария, который не так давно был реализован в соседнем Судане, а именно – потенциальном развале государства по линии Север–Юг.

Такого эффекта удалось добиться прежде всего в силу того, что Конституционный совет Чада допустил к выборам лишь десять кандидатов из двадцати, претендовавших на участие. При этом реальных претендентов на пост главы государства было лишь двое – Деби и Масра. Остальные выдвигенцы были фактически спойлерами, причем они отбирали голоса не у северянина Деби, а у южанина Масра: из десяти кандидатов, фамилии которых попали в бюллетень, восемь оказались выходцами с Юга. И, напротив, среди тех, кто был отсеян на предварительной стадии и не смог участвовать в выборах, преобладали северяне, причем некоторые из них, будучи допущенными к голосованию, вполне могли бы составить конкуренцию Деби-младшему. Важно также отметить, что один из потенциальных спойлеров – двоюродный брат президента Яя

Дилло, который, как и Деби, представлял народность загава, — был убит в феврале 2024 года во время осады правительственными войсками штаб-квартиры возглавляемой им «Социалистической партии без границ».

Сам Махамат Деби опирался на коалицию «За единый Чад», которую составили более двухсот политических партий и объединений, представлявших преимущественно интересы Севера. Его оппонент Сюксес Масра выдвигался от партии «Преобразователи», в которой очень заметно присутствие чадских христиан-протестантов; по своему происхождению он выходец из народности сара, которая не только доминирует на земельном Юге, но и численно преобладает в стране в целом. Ранее заодно с «Преобразователями» выступала и несистемная чадская оппозиция в лице платформы гражданского общества «Вакид Тамма», но позже интересы этих акторов разошлись: после назначения выборов платформа призвала к их бойкоту, заявив, что организуемый властями электоральный процесс является не чем иным, как «маскарадом», нацеленным на цементирование «династической диктатуры»⁷. Оценивая итоги завершившегося в июне избирательного противостояния, сторонники Деби-младшего ставят ему в заслугу, что он, во-первых, сначала смог вернуть в страну прежде непримиримого противника режима, заставив его играть на легитимном политическом поле, а во-вторых, позже сумел расколоть оппозицию, предложив проигравшему оппоненту премьерское кресло. Действительно, согласившись с новым назначением, Масра не только настроил против себя часть «своих» южных элит, но и принял ответственность за некоторые системные проблемы, давно превратившиеся для Чада в хронические: например, за перманентный энергетический кризис в столичном регионе⁸. Многие эксперты в этой связи сходятся в том, что тактически он скорее проиграл, чем выиграл.

Положение, которое занял Сюксес Масра в качестве участника электоральной гонки, характеризовалось также тем, что предъявляемый им образ не отличался ни цельностью, ни последовательностью. До своего официального вступления в должность премьер-министра, состоявшегося 1 января 2024 года, он беспартийно критиковал власти, поддерживал идею уличного неповиновения и в итоге спровоцировал протесты, которые были жестко подавлены. В результате ему пришлось покинуть страну, заручившись поддержкой американцев. Неожиданное

7 *Chad Main Opposition Figures Barred as Leaders Cleared for Election* // Al Jazeera. 2024. March 24 (www.aljazeera.com/news/2024/3/24/chad-main-opposition-figures-barred-as-leaders-cleared-for-election).

8 ABDELKERIM I. *Tchad: crise de l'électricité et de l'eau potable, un fardeau pour les citoyens* // Al Wihda. 2024. Mars 13 (www.alwihdainfo.com/Tchad-crise-de-l-electricite-et-de-l-eau-potable-un-fardeau-pour-les-citoyens_a130794.html).

возвращение, словно подытожившее общенациональный диалог, как и последующее назначение главой кабинета министров, вызвали немало толков относительно природы тех компромиссов, которые Масра согласовал с Переходным военным советом.

Более того, именно из-за этих спекуляций южный блок раскололся на две части, которые условно можно разделить на оппозицию системную (предводительствуемую «преобразователями») и несистемную, решившую бойкотировать предстоявшие выборы и не поддержавшую кандидата-южанина. Наиболее последовательные критики Масра были уверены, что подобная фигура была жизненно необходима Нджамене, чтобы маневрировать в условиях американо-французского давления. Некоторые чадские эксперты, с которыми удалось побеседовать авторам этого текста, выдвигали предположение, что Деби-младший был вынужден согласиться с возвращением бывшего оппозиционера в страну в силу нескольких факторов; среди них перечислялись нарастающее дипломатическое давление западных государств, обостряющаяся борьба за власть между загава и горан, а также распри внутри самого правящего клана, важным катализатором которых служат боевые действия в соседнем Судане, где тоже проживают загава.

Так или иначе, но Деби-младшему и его советникам удалось кооптировать своего основного политического оппонента в переходные структуры, причем поставив его под свое подчинение. Это был удачный политический трюк: во-первых, в рядах радикальной оппозиции были посеяны семена раздора; во-вторых, Масра лишился ощутимой доли прежних сторонников; наконец, в-третьих, он вынужденно принял на себя долю ответственности за некоторые социально-экономические проблемы, к возникновению которых был непричастен. Обобщая, можно сказать, что в выигрыше от состоявшейся компромиссной сделки оказался скорее Деби, а не Масра, поскольку с ее помощью преемнику погибшего президента удалось сохранить прежнюю систему власти, в которой доминируют северяне. Северные элиты использовали избирательную кампанию с выгодой для себя, купировав угрозу раскола за счет, с одной стороны, сплочения северных народностей и, с другой стороны, создания дополнительных и рукотворных противоречий между южанами. Однако эти тактические изыски не могли сгладить недовольство южан тем, что на протяжении последних десятилетий основные рычаги управления страной находятся в руках северян.

Впрочем, Махамат Деби не стал новатором, успешно осваивающим искусство укрощения оппозиции. Один из методов, издавна используемых его отцом Идрисом Деби для цементирования своей многолетней власти, состоял в чередовании

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ
РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ

РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

давления на оппонентов с периодическими попытками кооптировать их во властные структуры⁹. Эта тактика позволила Деби-старшему оставаться на посту президента на протяжении пяти сроков подряд и избраться на шестой, хотя Конституция Республики Чад большую часть его пребывания в должности ограничивала президентство двумя сроками¹⁰. Вероятно, Масра был вынужден пойти на условия военных, чтобы продолжить политическую деятельность на родине; далее он надеялся укрепить свои позиции лоббистской поддержкой, получаемой от Запада¹¹.

БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИКА

Одним из ключевых моментов, которые волновали чадцев в ходе избрания президента, была потенциальная способность кандидата справиться с многочисленными социально-экономическими проблемами. Местные респонденты, беседуя с авторами, нередко отмечали, что, учитывая масштабы накопившихся в народном хозяйстве неурядиц, экономист Масра должен был выглядеть более предпочтительно, нежели представитель армейской элиты Деби. Однако кажущуюся естественность подобной расстановки явно перекрывает четко выраженная чадская специфика. Дело в том, что в Сахеле в целом в последние годы принято больше доверять не гражданским технократам, а людям в погонах, и это вполне понятно: популярности военных среди прочего заметно способствует все более интенсивная деятельность террористических и сепаратистских движений. Именно этим во многом объясняется массовая поддержка военных режимов, недавно утвердившихся в Мали, Нигере и Буркина-Фасо.

С одной стороны, в случае с Чадом ситуация выглядит принципиально иначе: эта страна выигрышно отличалась от других стран Сахеля, так как Деби-старшему удалось добиться существенных успехов в борьбе с джихадистами. Поэтому неудивительно, что на этом фоне вопросы безопасности волнуют чадцев куда меньше, нежели вопросы социально-экономического плана. Но, с другой стороны, вынося их на первый план, избиратели Чада не могли не задумываться над тем, что неизбеж-

- 9 EIZENGA D., NODJIMBADEM K. *Chad's Constitutional Referendum Promises a Transition without Change – or Stability* // Africa Center for Strategic Studies. 2023. November 28 (<https://africacenter.org/spotlight/chads-constitutional-referendum-promises-a-transition-without-change-or-stability/>).
- 10 *Two Sides of the Same Coin* // Africa Center for Strategic Studies. 2023. October 24 (<https://africacenter.org/spotlight/term-limit-evasions-coups-africa-same-coin/>).
- 11 PESQUET J. *Chad Opposition Leader Hires Lobbyist for US Pressure Campaign on Déby* // The Africa Report. 2023. May 18 (www.theafricareport.com/309685/chad-opposition-leader-hires-lobbyist-for-us-pressure-campaign-on-deby/).

ная в случае победы Юга перетасовка властной колоды – включая и сложившийся за последние десятилетия силовой блок, – предполагающая замену северян на южан, потенциально могла обернуться резким ухудшением военно-политической обстановки. Кстати, перед глазами у них был показательный опыт Буркина-Фасо, которая довольно успешно справлялась с джихадистской угрозой вплоть до «черной весны» 2014 года. Тогдашнему президенту Блезу Компаоре удавалось проводить весьма эффективную, по местным меркам, контртеррористическую политику; однако его свержение и переформатирование президентской гвардии, отвечавшей за борьбу с терроризмом, привели к серьезным провалам по линии безопасности – и, как следствие, к резкой дестабилизации в стране¹².

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ
РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

В Сахеле в целом в последние годы принято больше доверять не гражданским технократам, а людям в погонах: популярности военных заметно способствует все более интенсивная деятельность террористических и сепаратистских движений.

Для Чада указанные риски акцентировались среди прочего и тем, что вооруженные силы республики не без оснований считаются одними из самых эффективных в регионе. Многие их подразделения имеют значительный боевой опыт, полученный в борьбе с восстаниями внутри страны и в ходе заграничных военных миссий, реализованных в Мали, Нигерии, Буркина-Фасо, Нигере и Центральноафриканской Республике. Кроме того, чадская армия мобилизовалась против угроз, исходящих из Судана и Ливии, а также внесла свой вклад в осуществление нескольких миротворческих миссий ООН. Но, разумеется, у этих успехов есть и теневая сторона, которую тоже придется принимать во внимание как местным, так и сторонним наблюдателям. Армейские ряды укомплектованы крайне неоднородно, а ряд силовых структур уже давно ориентирован не столько на сдерживание международного терроризма и внешней агрессии, сколько на решение внутривосточных задач. Например, Главное управление службы безопасности государственных учреждений (в прошлом Республиканская гвардия), которое возглавлял Деби-младший, формально является элитными силами специального назначения, предназначенными

12 Подробнее см.: ИСАЕВ Л.М., КОРОТАЕВ А.В., БОБАРЫКИНА Д.А. *Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо* // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 1. С. 98–109.

для проведения антитеррористических операций, но по факту в последние годы «красные береты» занимались внутренней разведкой и закупками военной техники¹³. Другие подразделения вооруженных сил, напротив, зачастую комплектовались из бывших повстанцев, причем в их формировании огромную роль играли не соображения профессионализма, а факторы этнической и региональной лояльности, что, конечно же, не способствовало укреплению их боеспособности¹⁴.

Слухи о расхождениях внутри северных элитных группировок и, в частности, среди кланов загава – бидеят и кобе – формально были подтверждены событиями, произошедшими в Нджамене в феврале 2024 года. Республиканские власти тогда заявили, что верные правительству подразделения отразили нападение группы злоумышленников на штаб-квартиру чадских спецслужб. Одновременно стало известно об аресте 26 человек и убийстве председателя чадской «Социалистической партии без границ» Яя Дилло, приходящегося двоюродным братом Махамату Деби и тоже выходца из загава. По официальной версии, верные ему люди, составив заговор, предприняли штурм правительственных зданий, но, как говорят местные наблюдатели, в том числе и опрошенные нами эксперты, никакого бунта не было, а вместо этого власти провели спецоперацию по ликвидации Дилло. Согласно этим источникам, руководство страны увидело в нем прямую угрозу стабильности режима, поскольку, будучи мощной политической фигурой и собираясь баллотироваться на выборах, он внёс раскол в ряды загава – и, как следствие, ослаблял позиции северян¹⁵.

* * *

По сахельским меркам, Чад является одним из наиболее стабильных государств региона. Уровень безопасности здесь в лучшую сторону отличается от ситуации в Буркина-Фасо, Мали и Нигере, что является заслугой Деби-старшего, неустанно создававшего на протяжении трех десятилетий весьма боеспособные вооруженные силы. Вместе с тем инвестиции в формирование силового блока, а также особенности работы государственного аппарата в целом не учитывали интересов

13 *New Challenges for Chad's Army* // International Crisis Group. 2021. January 22 (www.crisisgroup.org/africa/central-africa/chad/298-les-defis-de-larmee-tchadienne).

14 EIZENGA D. *Chad's Ongoing Instability, the Legacy of Idriss Déby* // Africa Center for Strategic Studies. 2021. May 3 (<https://africacenter.org/spotlight/chads-ongoing-instability-the-legacy-of-idriss-deby/>).

15 *Chad Opposition Leader Yaya Dillo Killed in Shooting* // Africa News. 2024. February 29 (www.africanews.com/2024/02/29/chad-opposition-leader-yaya-dillo-killed-in-shooting/).

значительной части населения, проживающей на юге страны. Из-за этого последние годы в Чаде были отмечены нарастанием межрегиональной и межэтнической напряженности.

Как считают многие специалисты, после получения независимости в 1960 году Чад был экзистенциально предрасположен если и не к полноценной федерализации, то к широкой децентрализации как минимум. Естественное деление страны на две части, решительно отличающиеся друг от друга в природном, социально-экономическом, культурном и религиозном планах, по умолчанию, требовало формирования такой управленческой системы, которая не позволяла бы одной этноконфессиональной группе подчинить себе все прочие. Однако более чем шестидесятилетний опыт политического развития Чада свидетельствует скорее об обратной тенденции: исходные противоречия и размежевания неуклонно делались все глубже, а власть, начиная с времен первого президента страны Франсуа Томбалбая, попеременно оказывалась в руках то южан, то северян.

Уже в 1960-е Томбалбай активно использовал «этнический фаворитизм в качестве инструмента управления»¹⁶: в его времена все ключевые посты в государственном аппарате занимали выходцы с Юга. Итогом такой политики стали подъем сепаратистских настроений в северных районах и появление там повстанческих группировок, наиболее мощной из которых стал Национальный фронт освобождения Чада (*Front de libération nationale du Tchad*). Феликс Маллум, пришедший к власти после убийства первого президента и также представлявший южные регионы, продолжил этническую политику своего предшественника: северяне по-прежнему политически маргинализировались. Неудивительно, что силовой перехват власти сепаратистами Севера, состоявшийся в 1982 году, привел к диаметрально противоположным последствиям. С момента утверждения на президентском посту Хиссена Хабре южане потеряли всякий доступ к ключевым государственным должностям.

События, последовавшие после убийства Идриса Деби, в общем-то, вписываются в ту же логику. Вместо развертывания полноценного национального диалога в Чаде были проведены президентские выборы, которые *de facto* зафиксировали углубляющуюся поляризацию местного сообщества и его размежевание на присвоивший себе власть Север и отстраненный от нее Юг. Довольно искусное купирование гражданского конфликта, произошедшее у нас на глазах в последние месяцы, не должно вводить в заблуждение: Чад рискует в будущем всту-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
АНТОН МАРДАСОВ
РЕСПУБЛИКА ЧАД:
ПРЕДЧУВСТВИЕ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

16 Политические системы современных государств... Т. 4 («Африка»). С. 502.

пить в полномасштабное гражданское противостояние, если вопрос о децентрализации власти и полномочий, который в начале переходного периода был обозначен в качестве одного из системообразующих элементов чадской государственности, так и не найдет разрешения. Стремительно увеличивающееся население Юга, чувствующее себя отстраненным от управления собственным государством, а также наличие запасов нефти именно в южных районах страны неминуемо повлекут за собой дальнейшее распространение сепаратистских настроений, но теперь уже на юге, а не на севере Чада, как раньше.

Довольно искусное купирование гражданского конфликта, произошедшее у нас на глазах в последние месяцы, не должно вводить в заблуждение: Чад рискует в будущем вступить в полномасштабное гражданское противостояние, если вопрос о децентрализации власти и полномочий так и не найдет разрешения.

При этом чадский опыт едва ли можно признать уникальным. С похожими трудностями на рубеже XX–XXI веков уже сталкивался соседний Судан: более динамичный в военном отношении мусульманский Север довольно долго противостоял богатому нефтью христианскому Югу. Недопущение южан к власти и нежелание Хартума отступить от жестко централизованной модели управления государством привели к кровопролитной гражданской войне, которая закончилась сецессией Южного Судана. Северяне так и не смогли восстановить контроль над Югом и были вынуждены смириться с потерей половины страны. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что обретение независимости не принесло искомого благополучия и самому Южному Судану: раскол южан на динка и нуэр обнаружил себя сразу же после того, как исчез внешний враг в лице мусульманского Севера¹⁷. Иными словами, опыт Судана представляется весьма релевантным для Чада. Чадское общество еще не дошло до того уровня размежевания, который делал бы сосуществование южан и северян в рамках единого государства невозможным. Однако, как нам кажется, предпосылки для него налицо, что и продемонстрировали чадские выборы 2024 года.

17 Денисова Т.С., Костелянец С.В. *Южный Судан: последствия отделения* // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 38–46.

Международное общение государств и федерализм¹

СЕРГЕЙ
КОРФ

Небольшая работа барона Корфа, вышедшая более века назад, кажется не просто современной, но болезненно современной, и объясняется это тремя обстоятельствами. Во-первых, автор убедительно доказывает, что явление, сегодня называемое «глобализацией» – в тексте оно не упоминается, но подразумевается на каждой странице, – и сопровождавшая его девальвация суверенитета национальных государств вовсе не творились кознями «мировой закулисы», как некоторые, увы, думают и сегодня, а готовилась всем ходом Нового времени. Во-вторых, из этого эссе следует, что альтернативой неуклонному истончению суверенности и постепенной передачи отдельных ее аспектов на иные – надгосударственные или самоуправленческие – уровни может быть только раздор между народами, апофеозом которого выступает выяснение отношений на поле боя: суверенную волю того или иного государства, как считает автор, можно возвести в абсолют, но человечеству как целостной общности скорее всего это принесет один только вред. Наконец, в-третьих, публикуемые ниже размышления не

Сергей Александрович Корф (1876–1924) – русский правовед и общественный деятель, специалист по конституционному праву, преподавал в университетах Российской империи, а также Соединенных Штатов Америки.

1 В публикацию вошли два раздела брошюры: Корф С.А. *Федерализм. 2-е изд., исправленное*. Петроград: Огни, 1917. С. 75–109. Название дано редакцией; ею же выделены разделы. Текст приведен в соответствии с нормами современной орфографии. Редакция благодарит Вадима Королькова за перевод авторских вставок на немецком языке.

АРХИВ «НЗ»

059

оставляют сомнений в том, что для проповеди здравого смысла годится любая эпоха, а не только благополучная и сытая – ведь брошюра, фрагменты которой следуют ниже, о федерализирующейся и потому миролюбивой планете вышла в свет в 1917 году, когда градус политического безумия зашкаливал, а глупой и бесполезной общеевропейской войне, развязанной самодовольными империями, еще не было видно конца. Эта публикация приурочена к столетней годовщине со дня смерти Сергея Корфа. [НЗ]

1

Минувшее столетие было временем пышного расцвета международного общения. Чем дальше развивались конституционные государства, тем настоятельнее становилась для них потребность в тесном единении. Отсюда проистекали более прочные международные сношения, а с течением времени и международные организации, стоящие над отдельными государствами.

Как в частной жизни граждан все более выдвигается необходимость ассоциации (вспомним союзы и унии рабочих), так и в жизни государственной наблюдается подобное же стремление к объединению для общей деятельности и взаимной помощи. При этом уже в первой половине XIX столетия начала выдвигаться такая форма единения государств, при которой создавались особые, над государством стоящие органы, основанные не на государственной власти, а на соглашении договаривающихся сторон. Между такими союзами и единениями можно провести различие, как указал еще Еллинек, по отношению тех интересов, которые передаются ведению надгосударственных, международных органов. С одной стороны, мы находим интересы, не принадлежащие исключительно одному какому-нибудь государству, с другой же, интересы государственным, которые, однако, в виду особых каких-либо обстоятельств предоставляются компетенции надгосударственных органов.

Примерами союзов первой группы являются речные комиссии: Рейнская комиссия (1815), комиссии По (1850), Дуная (1856) и Прута (1866). Все они основаны на одном и том же начале; речная полиция, надзор за судоходством и прочее речное управление переданы договаривающимися державами в ведение особых органов, комиссий, распоряжающихся полновластно в отведенной им области и исключаящих, таким образом, в данных вопросах компетенцию государственных органов тех договаривающихся держав, через территории коих протекают названные реки. Таким образом, некоторые госу-

дарственные органы оказываются даже подчиненными этим международным органам: таможенные и местные учреждения обязаны, например, исполнять приказы международного речного инспектора, а также содействовать ему в его управлении. Комиссии эти, как выражается договор 1870 года, действуют *«dans une complète indépendance de l'autorité territoriale»*. У них существует даже своя судебная власть, выражающаяся в праве накладывать взыскания за нарушения их обязательных постановлений.

Вторая половина XIX века была свидетельницей еще более знаменательных явлений, направленных к объединению отдельных государств посредством международных организаций. Вспомним хотя бы Телеграфный союз, основанный на Петербургской конференции 1865 года, Всемирный почтовый союз, возникший в 1874-м; Международную комиссию мер и весов, учрежденную Парижским договором 1875-го; Железнодорожно-товарный союз. Перечисленные союзы имеют международные органы, стоят как бы над государствами для заведывания отдельными отраслями администрации. Правда, у перечисленных организаций, в отличие от речных комиссий, не имеется собственной исполнительной и судебной власти – тем не менее они носят неизгладимый отпечаток надгосударственных органов, которым договаривающимися державами поручена известная административная область, почтовое или телеграфное дело, надзор за мерами и весами и тому подобное. Все, что касается этих вопросов, будь то публикация распоряжений и обязательных постановлений, побудительные меры к согласованию деятельности отдельных государств, статистика и справочное дело, надзор за правильной постановкой почтово-телеграфных сообщений и так далее, входит в компетенцию международных бюро. Чем дальше развивается международное общение, которое в наши дни уже не в состоянии более обойтись без подобного рода объединительных организаций, тем ярче выступает польза существования этих надгосударственных органов. На этом же пути в настоящее время находится и межгосударственное железнодорожное и паровозное сообщение, а также и международная борьба с эпидемиями, эпизоотиями и филлоксерой.

Наконец, под эту же категорию международных организаций следует подвести и те временные и местные органы, которые создаются для выполнения специальной задачи, как это было, например, в 1878 году при учреждении комиссии для «организации Румелии».

Вторая категория международных союзов касается, в отличие от первой, не межгосударственных, а государственных интересов. Из компетенции государства выделяются известные,

ему дотоле подчиненные области администрации, которые и передаются ведению международных органов. Компетенция государства, другими словами, ограничивается в пользу компетенции надгосударственной или международной. Примерами подобной организации являются общие суды вольных городов (в Любеке), государств Тюрингии (в Йене), двух Мекленбургов (в Росток). Каждое из договаривающихся государств соглашалось подчиняться общему, над ними стоящему апелляционному суду. Но самым характерным примером является в данном случае германский таможенный союз 1867–1871 годов, у которого были свои самостоятельные органы в виде союзного совета, таможенного парламента и общее союзное законодательство по всем вопросам, касающимся таможенных дел и управления. Таким образом, из компетенции договорившихся государств были изъяты целые области – таможенная политика и управление, – подчиненные общей, над государствами стоящей, организации.

От союза государств (*Staatenbund*) названный таможенный союз отличался лишь отсутствием у него политических целей. Как только к этой международной организации были присоединены политические цели, так она сейчас же превратилась в еще более прочное единение; немецкая наука правильно рассматривала подобный союз лишь как переходную ступень к союзу государств.

Наконец, за последнее время среди отдельных суверенных государств – частей союза – все более проявляется тенденция объединения гражданского, уголовного и социального законодательства. Так, закон 1896 года создал единый Гражданский кодекс для всей Германской империи, а позднее был введен и общегерманский Уголовный кодекс. Подобный пример мы имеем и в Швейцарии. Наконец, третьим примером может служить Австро-Венгерский вексельный устав. В этих случаях мы также имеем уступку некоторых областей государственного управления органам надгосударственным: члены союза уступают свою компетенцию в означенных сферах законодательства органам союзного государства.

2

Если мы теперь сравним процесс современного роста международных единений с внутренним развитием самого государства, мы найдем между ними весьма многозначительное сходство: это как бы две стороны, два фазиса одного и того же исторического процесса.

Конец XVIII столетия был эпохой падения абсолютизма. Уже к середине столетия постепенно стал падать и умалять-

ся принцип автократической централизации государства, все больше уступая место системе децентрализации; чем дальше шло время, тем все шире применялась эта новая система, а последняя в свою очередь уступала первенство принципу самоуправления. В настоящее время самоуправлению отводятся все большие области государственного управления. Такой процесс замены централизации децентрализацией и последней – самоуправлением находит себе объяснение в тех задачах и целях, удовлетворение которых составляет существо государственного управления. Система децентрализации более способна удовлетворять интересы народа, чем централизованное управление, благодаря своей большей близости к народу, лучшей возможности находиться с ним в постоянном и гласном общении. Самоуправление же еще ближе стоит к народным нуждам, чем даже децентрализованное правительственное управление, предоставляя заведывание местными интересами полностью в руки самого населения. Этим обстоятельством может быть объяснен огромный рост самоуправления минувшего столетия.

СЕРГЕЙ КОРОФ
МЕЖДУНАРОДНОЕ
ОБЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВ
И ФЕДЕРАЛИЗМ

Система децентрализации более способна удовлетворять интересы народа, чем централизованное управление, благодаря своей большей близости к народу, лучшей возможности находиться с ним в постоянном и гласном общении.

Конечно, во многих государствах процесс этот далеко не закончился; во многих странах мы можем подметить еще борьбу правительственной администрации со все растущими требованиями самоуправления, а нередко и присутствие остатков прежних времен в виде поддержки идеи централизации. Но защитники последней – как в теории, так и на практике – становятся все менее многочисленными; с каждым годом ряды их значительно редуют, и те, кои в наши дни еще остаются, уже защищают свой идеал не по отношению к государству вообще, а лишь по отношению к некоторым частным вопросам или областям управления.

Так, со стороны защитников идеи централизации на первый план всегда выдвигается внешнее положение государства, его физические силы, армия и флот. Вторым вопросом – также во имя централизации – ставится таможенная политика; тут легко подметить отголосок тех времен, когда государство боролось против частных таможенных застав отдельных городов, рыцарей и баронов. Таково же положение судебной власти; и здесь

указывается защитниками централизации то зло, которое проистекало из средневекового разъединения государства. Развитие современного государства также доказало пользу, присимую объединенным законодательством по гражданскому и уголовному праву, объединенной системой судебных инстанций. Стоит сравнить положение, занимаемое этими вопросами, в германской федерации и в Соединенных Штатах Америки; тогда как на территории первой в настоящее время действует один Гражданский кодекс, в Соединенных Штатах каждый штат имеет свое самостоятельное законодательство, собственные гражданские правовые нормы: достаточно вспомнить положение вопроса о браке и разводе, когда брак, заключенный в одном штате, с чрезвычайной легкостью расторгается в соседнем, и тому подобное. Те же теневые стороны ощущаются в области торгового права и судопроизводства Соединенных Штатов.

Довольно сходную постановку находит себе и вопрос о государственном хозяйстве; в данном случае централисты приводят немало доводов в пользу своей теории объединения: так, ими указывается та польза, которая проистекает от централизации управления государственного хозяйства, выгода и лучшее развитие хозяйственных отношений населения, когда они регулируются согласно единообразной системе, устанавливаемой из центра.

Наконец, тождественна судьба народного просвещения: единообразие школьной системы и сосредоточение ее в одних руках способствует выработке практикой лучшей общей системы народного образования.

Таковы главные доводы защитников централизации; посмотрим теперь, что говорят их противники. Доводы последних можно разделить на две группы – принципиальных и частных. Так, ими отмечается, что всякая централизация неизбежно должна влечь за собой усиление бюрократии, то есть развитие такой системы управления, при которой всегда имеется опасность оставления в тени интересов населения со стороны незнакомых с ними чиновников центральных ведомств. Затем указываются и другие неизбежные последствия централизации, например: господство рутин и шаблона, неверной оценки местных интересов и временных нужд народа; централизованное управление всегда находится позади времени, не имея возможности следить за развитием местной жизни в той же мере, как то могут органы самоуправления. Примером обыкновенно выставляется Франция, администрация которой в большинстве случаев будто бы не находится в курсе требований провинциального общества.

Противники централизации, не отрицая ее значения в некоторых случаях, как, например, во внешних сношениях государ-

ства, справедливо указывают, что система децентрализации не противоречит такой организации, которая объединяла бы отдельные части государства в случае опасности от внешнего врага. Примером приводится Германия, которая совмещает и необходимое для военного дела единение, и децентрализацию многих, даже военно-административных, органов.

Что же касается таможенной политики и законодательства, то защитникам децентрализации приходится в данном случае признать выгоды централизации. Но выделение некоторых областей государственного управления нисколько, конечно, не противоречит установлению децентрализации в прочих областях администрации. Сюда можно присоединить и некоторые другие вопросы, например, монетное и железнодорожное дело, почтово-телеграфные и телефонные сообщения, защиту авторского права и тому подобное.

**Централизованное управление всегда находится
позади времени, не имея возможности следить за
развитием местной жизни в той же мере, как то могут
органы самоуправления.**

Образец Германской империи в этом отношении представляется весьма интересным: рядом с обширной децентрализацией, обусловливаемой самой формой германского союзного государственного устройства, за известными административными областями сохраняется централизация, но и в этих областях некоторые вопросы выделяются и предоставляются в самостоятельное заведывание отдельных государств. Так, даже в военном управлении Бавария, например, имеет значительную самостоятельность, то же самое замечается и в железнодорожном, и в финансовом управлении.

Ко всем этим теоретическим рассуждениям защитниками децентрализации прибавляется и одно чрезвычайно важное практическое соображение: ими справедливо указывается, что какая бы то ни было централизация возможна только при отсутствии в государстве национальной или социальной розни. Если подобная рознь имеется, система централизации всегда находит себе колоссальные препятствия и всегда скорее вредна, чем полезна. В таких государствах централизация неизбежно вызывает подавление интересов одной национальности или одного социального класса в пользу интересов других национальностей или классов; стремление к единообразию и единению в таких случаях всегда развивает лишь вражду и разъединение. История человечества, к несчастью, знает слишком

СЕРГЕЙ КОРОФ
МЕЖДУНАРОДНОЕ
ОБЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВ
И ФЕДЕРАЛИЗМ

много примеров, подтверждающих верность этого положения. И по сей день национальный вопрос, столь тревожащий отдельные правительства, черпает свою остроту именно в стремлении ввести централизацию *quand même*, против воли народностей.

Итак, в развитии современного государства можно подметить постоянный рост начал децентрализации и самоуправления, которые приводят администрацию в ближайшее соприкосновение с народом и его нуждами, черпая в этом и свою живительную силу. Но так как некоторые области государственного управления, как мы видели, по существу своему лучше обслуживаются при системе централизации, то с течением времени таковые стали выделяться и обособляться в самостоятельные группы. Если мы теперь сравним эти последние с теми областями, которые в течение XIX века все чаще стали входить в компетенцию международных органов и ведаться международными организациями, то можем сразу же подметить их тождество. Другими словами, те области государственного управления, которые по существу своему не поддаются децентрализации, все более переходят в заведывание надгосударственных организаций; именно в этих областях всего чаще ограничивается компетенция государства в пользу международного или надгосударственного органа.

Таким образом, мы приходим к неизбежному заключению, что рост и развитие международного общения государств, отмеченные нами выше, являются следствием подобной неспособности некоторых административных областей к децентрализации. Можно, следовательно, характеризовать этот процесс как все более развивающуюся децентрализацию внутри государства и все более растущую параллельно централизацию над государством, вовне его. Те части государственного управления, которые остаются в ведении государства, все более децентрализуются, все более приближаются к народу и ведаются более близко к населению стоящими органами. Те же части, наоборот, которые по характеру своему не способны быть децентрализованы или просто выигрывают от централизации, переносятся в область международную и передаются ведению надгосударственных органов. Такой процесс развития государственного управления объясняет нам, с одной стороны, рост принципа самоуправления и факт его распространения среди современных государств, с другой же, стремление государств к федеративному единению и международным организациям.

Такова социально-политическая сторона федеративного вопроса. Нам остается теперь рассмотреть его юридическую конструкцию.

В течение последнего столетия стало возможным, благодаря изменившейся основе государства, договорное ограничение государственной власти в пользу надгосударственных органов. Современное международное общение заставило государства, как мы видели выше, сделать тот первый шаг к единению, который создал первичный зачаток федерации: государства стали посредством договоров отказываться от некоторой власти или части своего управления в пользу международного органа, стоящего, таким образом, над государствами. Очевидно, что подобное договорное ограничение государств вполне тождественно по своей юридической конструкции всякому договору, связующему две свободные воли отдельных субъектов права.

Это, следовательно, как бы подготовительная стадия федеративного единения. Она сближает государства, ставит их в более тесные отношения, соединяет, но еще не объединяет. Самой развитой формой подобного единения государств является таможенный союз. От последнего к союзу государств (*Staatenbund*) уже всего один шаг. Как только в область администрации включается какая-либо политическая цель, так такой международный союз *eo ipso* превращается в союз государств. Эта форма государственных единений, по верному замечанию Еллинека, также представляет собой не что иное, как договорную, то есть международную, форму соединения государств. И здесь государства соединяются посредством договора, не теряя собственного суверенитета, – другими словами, сохраняя за собой всю полноту своей верховной власти и ограничивая себя добровольно лишь в известных, притом договором строго определенных, областях.

Очевидно, что главной, если не единственной, политической целью союзов государств являются взаимные защита и помощь. В данном случае характернее всего выступает историческая подкладка, на которой основываются такие союзы: отдельные государства, в силу ли политических, социальных или экономических фактов, не в состоянии иногда ограждать свое существование собственными средствами – это необходимое следствие тех же факторов, которые заставляют государства вообще соединяться и вызывают только что указанное международное общение. Раз только историческое развитие государств ставит их в тесные отношения друг к другу и вызывает создание общих им органов, заведующих совместно какой-нибудь отраслью администрации, почти сразу же возникает вопрос и о более тесном политическом единении. Если в международных союзах центробежные силы оказываются

сильнейшими и какие-нибудь национальные, религиозные или другие факты слишком противоречивы и враждебны друг другу, союз сам собой распадается. Но подобные случаи являются исключениями, так как уже само появление международного союза указывает на известную взаимную связь и некоторую общность интересов договаривающихся государств, а в большинстве случаев единение с течением времени прогрессирует и весьма скоро превращается в союз политический, то есть союз государств.

Именно таков переживаемый современной Южной Америкой процесс федеративного единения отдельных ее республик. То же самое происходит и среди некоторых европейских союзов, как нами указывалось, например, по отношению к скандинавским государствам.

Во всех этих примерах за основу должно быть принято, во-первых, существование отдельных, самостоятельных государств, которые договором устанавливают общие органы, осуществляющие власть союза, добровольно переданную ему договорившимися сторонами. Если союз выполняет одни лишь административные функции, то имеется международное единение типа таможенного союза (*Zollverein*), если же к этим функциям присоединяется и политическая цель, то налицо имеется союз государств (*Staatenbund*).

Южноамериканские государства недавно, в 1908 году, придвинулись к рубежу такого перехода, обнаружив стремление к превращению их международного союза в союз политический, в союз государств.

Как уже давно указано в ученой литературе и как подтверждается красноречиво историей современного развития межгосударственных и международных отношений, процесс единения не останавливается на этой форме федераций, а идет значительно дальше.

Здесь-то мы и встречаемся с наибольшими теоретическими затруднениями. Пока вопрос шел о международных союзах и союзе государств, конструкция подобных единений была легка, так как основывалась исключительно на договорном праве. Совершенно иначе обстоит дело в таких случаях, когда благодаря единению одно государство теряет некоторую долю своих верховных прав, становится несuverенным или, наоборот, когда жизнь вызывает такой рост отдельной провинции или части государства, при котором они постепенно приобретают все необходимые реквизиты государственности, превращаясь этим также в несuverенные государства.

В этой области мы сталкиваемся с вопросом, который так метко формулирован был Николаем Лазаревским, как «ограничение понятия автономии и государства снизу и сверху» –

другими словами, о разграничении друг от друга понятия самоуправления, автономии и государственности.

Необходимо помнить, что теория государственного права в этой области значительно отстала от жизни. Во многом виноваты в данном случае отжившие свой век остатки прежних времен монархического абсолютистского государства. Лучшим примером отсталости науки может служить Британская империя. Наука государственного права находилась долгое время под обаянием теории германских государствоведов, которые в свою очередь были подавлены идеалом монархизма и давления государственной власти в ущерб самоопределению индивида. Германская наука, между прочим, никак не решалась признавать государственность автономных колоний Великобритании², предпочитая создавать разные уродливые формы, не отвечавшие действительности. Так, например, утверждалось, что какой-нибудь Люцерн или Калифорния суть государства, а Канада и Австралия – простые провинции.

Теория союзного государства была создана главным образом в видах спасения самостоятельности и для удовлетворения самолюбия южногерманских государств и южных штатов Северной Америки; во имя этого же признаются государствами и маленькие кантоны Швейцарского союза к концу XIX века. Однако оказалось, что форма союзного государства была лишь первым шагом в общемировом процессе возникновения все новых и более сложных единений государств. В наши дни градация между провинцией и суверенным государством представляет собой уже десятки ступеней, переходов, к тому же почти незаметных, разных гибридных и смешанных форм, кои не умещаются более в прежние рамки государственных теорий. Старая наука не в силах была бороться с этими явлениями и в отчаянии клала факты на Прокрустово ложе, безжалостно следуя принципу *feat justitia, pereat mundus*. Не случайностью, а горькою необходимостью считаться с современными явлениями государственной жизни объясняется, например, тот факт, что науке международного права приходится прибегать к возрождению средневековых понятий вассального и сюзеренного государства или искать помощи у науки гражданского права, заимствуя оттуда теории об аренде. Не случайно также, что наиболее дальновидные государствоведы принуждены прибегать к созданию теорий, подобных конструкции Еллинека касательно «фрагментов» государств.

Таким образом, ныне можно констатировать, с одной стороны, большое количество переходных форм от простой провинции к суверенному государству и от последнего к государст-

СЕРГЕЙ КОРОФ

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ОБЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВ
И ФЕДЕРАЛИЗМ

2 Подробнее см. мое исследование «Автономные колонии Великобритании» [СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1914. – Примеч. ред.].

ву сложному и федеративному. Причем гораздо труднее, чем прежде, провести разграничительные линии между теми и другими: очень часто переходы неопределенны, мало ясны и постепенны. Затруднения еще увеличиваются и тем, что государство нашего времени стало терять свои прежние атрибуты всемогущества и самодовления. Не только абсолютное государство Старого времени, но и государство всей первой половины XIX века (может быть, даже в большей мере, чем до 1789 года!) пользовалось бесспорным признанием своего суверенитета и всевластия. Между тем именно эти признаки всемогущества в наши дни энергично оспариваются и сознательно умаляются, а в некоторых случаях даже отрицаются полностью. С другой стороны, цель наша заключается в доказательстве, что нарастают новые элементы и принципы государственности. Таковые проявляются наиболее ярко в государственном строе Британской империи: пять больших автономных колоний уже доросли до государственной самостоятельности, но под ними постепенно вырастает нечто новое – имперское единение, не подходящее под рамки прежних федераций.

Не только абсолютное государство Старого времени, но и государство всей первой половины XIX века пользовалось бесспорным признанием своего суверенитета и всевластия. Между тем именно эти признаки всемогущества в наши дни энергично оспариваются и сознательно умаляются, а в некоторых случаях даже отрицаются полностью.

При обсуждении вопросов федеративного единения государства можно взять за исходную точку учение Еллинека как наиболее разработанное. Еллинек, как и большинство германских государствоведов, основывает свое учение на идее всемогущества и самодовления государства, но вместе с тем он не мог не чувствовать некоторого противоречия этого положения действительности, вследствие чего им введен был ограничительный принцип в виде теории «самоограничения» государственной власти. Это уже значительная уступка, но, конечно, далеко недостаточная, она по своей сущности тождественна теориям самоограничения монархической власти тех эпох, когда чистый абсолютизм оказывался уже более невозможным, а конституционная эпоха еще не наступила. Вспомним для примера теории русской государственной власти XIX века, когда Александр Градовский и другие искали нравственных

ограничений воли монарха, не связанного законом или конституцией: единственным ограничением того времени могло быть признание монархом им же самим изданных законов, то есть именно «самоограничение», подобное теории Еллинека. Для нас это сходство является не случайным совпадением, а объясняется тождественностью теоретических предпосылок – государство Еллинека было все же всемогуще и всевластно.

При определении понятия государства Еллинек исходит из трех признаков: (1) организации государственной власти по собственной воле и на собственных законах (государство, следовательно, является источником законодательной и правотворческой власти), чем определяется ее независимость от посторонней воли; (2) самостоятельности высшего, конститутивного органа, который не может совпадать с каким-либо другим органом; сам Еллинек позднее отказался от этого признака, изучив историю соединения Финляндии с Россией; (3) наличности всех трех государственных властей (законодательной, административной, судебной). Последний признак мы принимаем полностью, что же касается первого, то здесь возникают крупные сомнения. Как определить и возможно ли вообще фиксировать признак «собственности» права? Почему община не может творить «собственного» права? В чем различие ею творимого права от права гражданского или права, творимого государством? Еще более затруднительно ответить на эти вопросы, если взять пример не общины (несомненно, тоже творящей право), а какого-либо фрагмента государства (по выражению самого Еллинека), Финляндию или Канаду: чем то право, которое творит канадский парламент, является не-собственным?³ Никто, конечно, не станет проводить различия по существу в правах, смотря по источникам правотворчества; прилагательное «собственное», по мысли Еллинека, должно лишь указывать на сосредоточение правотворчества в руках государства; последнее либо само творит, либо санкционирует творимое иными источниками право. Именно эту конструкцию

- 3** Еллинек пишет: «Лишь государство обладает властью править безоговорочно, лишь оно одно способно к господству, и все управление может исходить только от него» (JELLINEK G. *Gesetz und Verordnung: Staatsrechtliche Untersuchungen auf rechtsgeschichtlicher und rechtsvergleichender Grundlage*. Freiberg: Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B. Mohr, 1887. S. 191). «Государство – единственный союз, властвующий вследствие присущей ему первичной силы, которая юридически не может быть выводима от какой бы то ни было другой силы» (IDEM. *Allgemeine Staatslehre*. Berlin: Verlag von O. Häring, 1900 (рус. перев.: Еллинек Г. *Общее учение о государстве* / Перев. В.М. Гессена, Л.В. Шалланда. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1903. С. 112–113. – *Примеч. ред.*)). «Правовое принуждение предопределено властью господствовать, принадлежащей исключительно государству». На это Гуго Пройс уже давно ответил, что «атрибут господства как порядка превосходства над индивидуальными волями присущ каждой общей воле по отношению к индивидуальным волям, ее образующим, и, таким образом, распространяется на отношения таких коллективных лиц и всех их членов» (PREUSS H. *Selbstverwaltung, Gemeinde, Staat, Souveranität*. Tübingen: Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B. Mohr, 1908). (В оригинале цитаты даются автором на немецком языке; здесь они приводятся в переводе Вадима Королькова. – *Примеч. ред.*)

мы и отказываемся принять, так как факты современности ясно доказывают, что государство является далеко не единственным очагом правотворчества; это представление безвозвратно отошло в прошлое. Но государство и не санкционирует все им творимое право; в особенности ярко это подтверждается положением самоуправляющейся общины и автономного края, уже не говоря о «государственных фрагментах»; что же касается автономных колоний, то о каком-либо санкционировании Англией канадского или австралийского права как такового не может быть, конечно, и речи.

Итак, понятие «собственности» права приложимо в равной мере ко всякому источнику правотворчества и не может, следовательно, определять государственности. Изложенное, однако, доказывает, что легче определить, что не является государством, чем то, что такое государство. Проще всего государство определялось в древности, например, в Греции и даже в Риме, когда оно совпадало с городской общиной, *Polis*. В средние века понятие единого государства теряется и вновь появляется лишь с установлением абсолютизма: государство тогда определяется личностью монарха. На практике, однако, абсолютизму не удалось восстановить полного единства государства; социальная жизнь оказалась для этого уже слишком сложной: с одной стороны, ему не под силу было установить полной монополии правотворчества, с другой же, невозможным оказалось совершенное подавление общины и ее самоуправления. Вследствие этого единство самодержавного государства было более внешним, чем внутренним. Таковым оно осталось в последующие эпохи: если в течение XIX века еще сохранялось прежнее внешнее единство, то от внутреннего не оставалось уже и следа; понятия самоуправления и федерализма все прочнее утверждались и развивались.

В настоящее время источники правотворчества чрезвычайно многочисленны, но право по существу своему одно и то же, откуда бы оно ни проистекало. Различны только системы распределения власти и источников правотворчества, различна и система иерархической организации социально-правовых единиц. Государство не только сохраняет, но и охраняет рядом со своей собственной властью другие самостоятельные источники правотворчества, в иных случаях (но не всегда) оставляя за собой право контроля такового; охрана права, не им творимого, составляет существенную функцию современного государства.

Этой последней конструкцией, и единственно ею, может быть обосновано правильное определение теории самоуправления; своеобразные же формы организации общины (например выборного начала при замещении должностей) являются лишь следствием признания принципа самостоятельности пра-

вотворческой силы общины. Таким именно порядком и выросли автономия и самостоятельность английских колоний. Независимый источник их правотворческой силы признан был метрополией уже в середине XIX столетия; непосредственно отсюда вытекли, во-первых, успешное развитие независимости колонии, а во-вторых, те выгоды, кои Англия, несмотря на рост колониальной автономии, сумела сохранить за собой в своем имперском строительстве.

Если мы теперь обратимся к ступеням и формам развития правотворческой самостоятельности социальных единиц внутри государства, мы можем установить следующие градации: децентрализацию, самоуправление, автономию, появление признаков государства (фрагмент и несuverенное государство) и полную государственность. Данный процесс, однако, на этом не останавливается, а развивается далее в формах так называемых соединений (или федерации) государств.

Факты современности ясно доказывают, что государство является далеко не единственным очагом правотворчества; это представление безвозвратно отошло в прошлое.

Децентрализация есть понятие такой организации государственной власти, при которой местным органам государства предоставляется большая самостоятельность, прочие социальные единицы при этом либо просто не принимаются в расчет (децентрализация может существовать параллельно с самоуправлением), либо подчиняются в более или менее сильной степени контролю государственной власти (когда, например, децентрализация служит политическим орудием борьбы против самоуправления, известным временным громоотводом, при переходе государства от абсолютизма к конституционализму или когда государство просто еще находится в такой переходной стадии своего развития, при которой прочие общественные единицы еще не доразвились до самостоятельности).

В отличие от понятия децентрализации, понятие самоуправления означает сохранение за особо организованными социальными единицами правотворчества: последнее может быть при этом либо свободно, либо контролируемо государством, которое сохраняет за собой в таких случаях право властвования; но в обоих случаях эти единицы творят свое «собственное» право наравне и параллельно с правотворчеством самого государства⁴. Огромное политическое значение прин-

⁴ Еллинек не согласен с этим, указывая на *das Originäre Recht des Staates* (JELLINEK G. *Allgemeine Staatslehre*. S. 590).

ципа самоуправления заключается в том, что свободная община, им охраняемая, является единственно надежной основой свободного государства.

Самоуправление может быть устанавливаемо во всех трех областях так называемых государственных функций, в области законодательной, как и в судебной и административной. В первом случае оно, однако, носит особое наименование – автономии; таковая может быть, следовательно, названа самоуправлением в области законодательства. Социальные единицы, пользующиеся автономией, обычно называются землей (*Land*) или краем; они имеют собственные законодательные органы, что отличает их «снизу» от простой самоуправляющейся единицы. В таком именно виде представляются нам составные части колониальных федераций, Канада, и Южно-Африканская провинция, и Австралийские штаты; здесь еще ясно заметна «фрагментарность» государственности, по счастливому выражению Еллинека.

Следующей ступенью является несuverенное государство. Отличие от предыдущей формы заключается в степени и характере контроля его правотворчества высшей единицей, государством, обладающим всей полнотой государственной власти. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что несuverенное государство является всегда только в противоположении государству «суверенному», а никогда не самостоятельно, чем ярко и определенно подчеркивается переходный, временный характер этой формы государственности. Политическая история учит нас, что переход от положения автономной провинции к несuverенному государству обычно совершается постепенно, увеличением и укреплением элементов государственности. С юридической точки зрения, однако, возможно точно установить признак отличия: он заключается в праве принуждения (не в возможности принуждения, конечно, каковая представляется политическим, а не юридическим началом) высшей единицей правотворческих органов единицы низшей; раз такое право принуждения налицо, мы имеем дело с автономной провинцией, а не государством. Определить же наличие этого права можно только конкретно, в каждом отдельном случае; как бы мала и незначительна ни была данная социальная единица, но, раз над ней высшая единица не имеет права принуждения в области правотворчества, мы имеем государство, а не землю (сравните с положением Люцерна, Калифорнии, Базеля и тому подобных). Пока есть право принуждения, очень многое может быть изменено в строе автономной провинции (это своего рода *Organhoheit*). Как только оно исчезает, пропадает и право вмешательства высшей единицы по своему усмотрению во внутреннюю правотворческую деятельность низшей единицы. Од-

нако и после исчезновения этого права могут быть сохранены известные строго определенные способы взаимодействия (помимо права принуждения), но лишь в тех пределах и теми путями, кои устанавливаются конституцией данного государства. Из этого вытекает важное значение конституций как единственных источников определения этих путей и названных пределов. Основной гарантией такому положению вещей является правовая невозможность (следовательно, без совершения *coup de État*) для высшей единицы отнять конституцию низшей, то есть по своему личному усмотрению изменять указанные пути и пределы взаимных отношений высшей и низшей единицы. Другими словами: законодательная автономия провинции определяется законом того высшего союза, составною частью коего является данная автономная провинция, законодательная же автономия государства определяется конституцией, то есть двухсторонним актом, соглашением с высшею единицею, в равной мере связывающим и обязательным для обеих сторон.

В области вопросов соединения государственных единиц можно подметить две основные группы явлений: соединений международных или договорных, носящих более или менее временный, а чаще всего и случайный характер, и соединений государственно-правовых, где связь между государственными единицами принимает более устойчивый характер. Если между данными государствами создаются жизненные интересы, их объединяющие, возникающая на этой почве связь, первоначально международного характера, весьма скоро кристаллизуется в государственно-правовое единение. Если к этим интересам присоединяются вопросы национальные, расовые или взаимной внешней обороны, такая связь еще скорее превращается в прочное единение. Именно таким путем переходят международные союзы в государственно-правовой союз или конфедерацию, а последняя затем весьма скоро превращается в настоящую федерацию или союзное государство, располагающее целым рядом центральных органов, общей государственной властью и так далее. Союзное государство отличается от конфедерации степенью правовой связанности составных его частей. Союзное государство существует, пока части ее несут суверенитет, то есть пока они не располагают всей полнотой государственной власти и полной свободой правотворчества, хотя у центра или высшей единицы уже не имеется более права принуждения, по свободному усмотрению, их государственных властей и органов правотворчества (в отличие, стало быть, от децентрализованного государства с автономными землями или провинциями). Выход частей из общего целого невозможен иначе, как посредством государственного переворота; принятие новых частей, наоборот, весьма возмож-

но и часто встречается на практике (например создание новых штатов в Северной Америке). Здесь, однако, приходится упомянуть о некотором отличии Британской империи от прочих союзных государств: ни Англия, ни империя не имеют писаной конституции, поэтому не существует особого «конституционного» порядка принятия новых частей. Формы проявления воли договаривающихся сторон, колонии и метрополии, могут быть очень разнообразны и закрепляются затем актом дарования колонии конституции, лишаящей метрополию права принуждения по своему усмотрению колониальных правотворческих органов.

Подобное отличие Британской империи от других федераций легко объяснимо исторически. В других случаях федерации образовывались из самостоятельных частей, благодаря господству центростремительных факторов; некоторым самостоятельным частям необходимо и выгодно было более тесное сближение и соединение.

В Британской империи, наоборот, до конца XIX века мы имеем грандиозный пример разложения: под влиянием все растущих центробежных сил прежняя единая империя стала распадаться; некоторые ее части приобретали все большую самостоятельность, права самоуправления, затем автономии и, наконец, доросли и до государственного *status*. Под влиянием, однако, весьма разнообразных факторов и к славе английских государственных деятелей, вовремя понявших и оценивших значение этих факторов, процесс разложения, достигнув к концу минувшего столетия своего кульминационного пункта, остановился. Благодаря этому, с начала XX века существующее положение начало кристаллизоваться в своеобразную форму союзного государства.

Основным принципом такого нового имперского строя является именно признание государственности автономных колоний путем добровольного (что делает Англии величайшую честь) отказа метрополии от своего прежнего права принуждения колониальных органов правотворчества.

Это фундаментальное начало может быть рассматриваемо и с другой стороны: оно является также принципом равноправия, заменившим собой прежнее начало подчинения колонии метрополии. Оно заключается именно в признании колоний государствами, хотя и несuverенными; равноправие их только и стало возможным с того момента, когда создалась и определена государственность этих колоний, а подчинение их метрополии исчезло, когда у последней исчезло названное выше право принуждения.

Если мы вспомним, что отличие суверенного от несuverенного государства заключается лишь в степени полноты госу-

дарственной власти, нам не встретится затруднение к признанию Англии участницей империи, частью общего целого, но частью, которая в сравнении с прочими частями располагает большей полнотой государственной власти. Взаимоотношения частей определяются, как мы видели, конституционными актами, причем отличие в положении Англии от автономных колоний заключается в том, что, тогда как колониальные конституции уделяют метрополии право участвовать (в известных пределах, конечно) в правотворчестве колоний, последнее такого права по отношению к Англии не имеют. До сего времени центр этого союзного государства совпадал с самой метрополией; функции и правомочия империи как целого были соединены в руках одной из частей и осуществлялись органами метрополии. В будущем можно, однако, предвидеть создание некоторых новых, общих, имперских органов, которые будут стоять над всеми частями, включая, следовательно, и саму Англию (возможно, например, превращение в подобный орган имперских конференций). Процесс кристаллизации строя империи в союзное государство тогда окончательно завершится; такой момент тоже не особенно далек. Англия при этом, может быть, окончательно потеряет престиж своего прежнего господства над отдельными частями империи, но, несомненно, одновременно очень много выиграет, благодаря этим новым формам кооперации и взаимопомощи со стороны колоний: вместо того, чтобы распасться, империя на долгое время упрочится и укрепится во славу английского государственного строительства.

И в данном случае конец войны принесет нам, может быть, еще много неожиданностей, но в одном нельзя сомневаться: будущее Великобритании поставлено вполне в зависимость от новых, творимых ею форм федерализма. Только в нем могут найти себе удовлетворение разнообразные и противоречивые интересы ее составных частей.

* * *

Главнейший вывод, который можно сделать из истории развития федерализма, следующий: каждый народ, каждая национальность естественно стремятся к возможно полной самостоятельности. Когда несколько народностей соединены в одно целое (например государство Старого режима), каждая из них проявляет центробежные или сепаратистские идеалы и склонности, но, как только им обеспечивается внутренняя самостоятельность, возможность правотворчества и гарантия собственного культурного развития, так центробежные силы

сменяются центростремительными и начинается процесс объединения на основе федерализма. В современной тяжелой борьбе за существование всякий союз или соединение нескольких государственных единиц всегда является более выгодным, чем единичная борьба малых народов на собственный страх и риск: *e pluribus unum!*

Как только прочно обеспечена внутренняя самостоятельность, так не страшна более федерация или соединение в одно целое с соседней национальностью; это и есть основной политический мотив федерализма.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Страшный праздник

Опрос, проведенный «Левада-центром»¹ в июле 2024 года, показал, что 75% респондентов полагают, что дела в стране «идут в правильном направлении», а 87% одобряют деятельность Владимира Путина на посту президента. Действия российских вооруженных сил в Украине так или иначе поддержали 77%. Стоит добавить, что 20% заявили, что у них «все в полном порядке», а 48% выбрали ответ «все не так плохо, и можно жить».

Схожие результаты начали поступать примерно с весны 2022 года, тогда как до этого о том, что «направление верное», заявляли не 75%, а менее 50% опрошенных, а 44% говорили, что «страна движется по неверному пути». Деятельность Путина одобряли 66% (что близко к минимуму в 60%), а о том,

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

что «все в порядке», говорили почти вдвое реже.

Но стоило начаться СВО, и социальные индикаторы не просто прыгнули вверх, но замерли на высоких позициях. Это может показаться странным: идут боевые действия, страна под санкциями и сталкивается с мощным моральным осуждением в мире, а социологи рапортуют чуть ли не об эйфории ее жителей. У многих это рождает понятную реакцию: таким результатам верить нельзя. Если социологи их не сфальсифицировали сами – например, в угоду властям, – то либо они опрашивали только суперлояльных, либо респонденты из-за боязни возможных репрессий исказили свои ответы.

Но за прошедшие с февраля 2022 года месяцы кто только не выражал удивления по поводу того, что в городах (кроме тех, что вблизи границы с Украиной) царят веселье и живость, чуть ли не более активные, чем до начала СВО. Зная изнутри, как проводятся опросы «Левада-центра», я не могу усомниться в приведенных выше результатах. А собственный опыт постоянных разъездов по городам России позволяет подтвердить, что, действительно, в большинстве мест сейчас преобладает скорее довольство, чем недовольство или печаль. Знаки и отголоски военных действий встречаются то тут то там, но остаются разрозненными, а символика оптимизма – и казенного, и народного, – напротив, образует связную ткань, приятный позитивный флер повседневности.

Чувства тех, кого возмущает подобное поведение населения, понятны – как и предсказуемы рассуждения о кризисе общественной морали, растленной авторитарной властью. Но если искать объяснение указанным парадоксам вне области моральных суждений, то, наверное, следовало бы подойти к этой проб-

леме с позиций культурной антропологии. Тогда можно предположить, что нынешнее состояние массового сознания россиян свидетельствует о следующем: СВО стала для граждан РФ своего рода... «праздником для всех». И речь здесь не идет о том, что кому-то «война – мать родна», хотя, несомненно, есть отдельные лица и категории населения, которые получают от нее выгоды.

Другое возможное объяснение – состояние экономики, которая, будучи переведенной на военные рельсы, даже в условиях внешних ограничений демонстрирует устойчивость, адаптивность и гибкость. Среди причин этого, предположу, не последнее место занимает негласное разрешение нарушать законы и правила «цивилизованной торговли». Тоже своего рода праздник для тех, кто умеет «делать дела» и «решать вопросы», знает, как обходиться с законами так, чтобы они не мешали.

Еще одно объяснение: *de facto* легитимированная для отдельных «групп граждан» возможность безнаказанно творить насилие. Здесь уместно сослаться на такого авторитета, как покойный Евгений Пригожин. Приглашая заключенных на фронт, он перевернул представления о норме: то, что считалось преступлением и за что полагалось наказание, в новых условиях стало поощряемым поведением, «антипреступлением», искуплением вины.

Здесь необходимо вспомнить, что любая социальная норма есть сочетание предписания, как следует поступать, и репрессий за отклонение от этого предписания. Социальный порядок – в той мере порядок, в какой он окружен примерами действенных санкций за его нарушение. Но наряду с репрессиями общество использует противоположный инструмент для поддержания своего нормативного

устройства. Его называют «игрой» или «праздником» – специально создаваемые социальные ситуации, при которых за обычно наказуемые деяния наказание отменяется или даже следует социальное поощрение.

Но если санкции перестают применяться системно и массово, то норма лишается действенности и возникает состояние аномии. Помимо понятных рисков, такая ситуация имеет все же определенную ценность для общества – и не только как «отдых» от действовавших правил. Она служит для коррекции – через временный, а потом, возможно, и постоянный – отказ от норм, ценностных конструкций, смыслов и догм, которые для общества оказались либо устаревшими, либо слишком тягостными.

Посмотрим теперь на минувшие два с половиной года в свете высказанных положений. Возможно, те, кто планировал СВО, в самом деле рассчитывали на короткую кампанию. Возможно, общественное мнение ожидало краткой победоносной акции вроде конфликта с Грузией или взятия Крыма. Но все оказалось не так. Общественное мнение ждало триумфа, который не состоялся. Но вместо закономерной фрустрации оно, будучи помещенным в состояние войны, обнаружило также отмену обыденных правил и норм. В этом смысле ситуация бедствия схожа с празднеством: война все спешет, запретное доступно, запрещенное разрешено.

От каких же норм устали россияне? Коротко: от «западных». Антизападная риторика разлита в публике весьма широко, и при этом зачастую претензии к Западу сводятся к тому, что он «пытается навязать нам свои нравы», конкретизируемые обычно как режим общественной толерантности, прежде всего в отношении меньшинства и их

прав. Среди меньшинств прежде всего выделяют сексуальные. Стоит отметить, что эти нормы, приписываемые Западу, в российском обществе восприняты и укоренены не были, а потому не вполне понятно, как они могли его тяготить.

Причины, полагаю, кроются в том, что истинные нормы, обременяющие обывателя, уже в достаточной мере интериоризированы, но «своими» до конца не стали. Поэтому они ниже порога осознания, но в то же время ограничивают прежнюю волю, что ведет к накоплению напряжения, которое изливается на сексуальной проблематике – более чувствительной самой по себе и к тому же находящейся в сфере повышенного внимания государства.

Западная культура, пришедшая к нам в 1990-е как офисная, бытовая, техническая и массовая, выросла на социальной почве буржуазного общества. Для российского социума, по-настоящему буржуазным побыть не успевшего, она предстала как чужая, но привлекательная – и оттого требующая усилий для пользования ею. Западная культура проникла в повседневность со стремительностью, изумляющей антропологов. Свой вклад в перемены образа жизни миллионов внесли и новые способы коммуникации – мобильная связь и интернет.

Привыкание к новизне, освоение новых норм поверх старых, известных с детства, – это сложная задача. Это напряжение, которое присутствует в жизни каждого взрослого и в этом смысле создает обстановку, обременяющую общество. Вернуться к чему-то простому, «нашему» становится если не мечтой, то мотивом для массового раздражения «чужим». Так, ответом на невероятное количество новых и неведомых законов, новых ритуалов служения государству стала коррупция

как способ преодолеть и подчинить себе эту сложность. Но тянет к чему-то еще более простому...

Самое простое – это агрессия словом и делом. Словесная агрессия – это мат. Его повальное распространение – крик души общества, которому тяжела обуза модернизации, вестернизации. Деятельная агрессия, прямое насилие – это самое эффективное средство от угнетающей сложности новых норм. И если общество тяготилось своим прежним существованием и искало ему какую-то альтернативу, то СВО – идущая «где-то там», в которой (пока) не приходится участвовать лично, – такой альтернативой стала. Создается новая социальная ситуация, если угодно, новый воздух. Это он витает над улицами российских городов, где висят плакаты с игрой слов «Присоединяйся к СВОим!».

Предположу, что, сумей у нас установиться буржуазный порядок, который начал складываться в пресловутые 1990-е, присущая ему культура, в том числе массовая и правовая, были бы приняты, как оказалась принятой офисная культура теми, кто пошел работать в международные компании. Они были бы впору тем, кто начал трудиться и жить по-новому. Но у нас не сложился как доминирующая социальная категория класс свободных предпринимателей, то есть мелких и средних буржуа, они же – средний класс. Им не дали вырасти крупный бизнес и госструктуры со своим контролем.

Средним классом стали считать невероятно расплодившуюся армию гос-

служащих. Ни свобода, ни интернализированная дисциплина им не нужны. Чужды они и новому массовому классу неустойчиво-наемных работников на тысячах мелких предприятий сферы обслуживания. Это прекариат – нынешний аналог пролетариата, – не борец, но непреременный носитель недовольства.

Этой полувестернизированной среде были в тягость новые правила жизни, созданные изначально не для нее, а для настоящего среднего класса. Она приспособливалась к ним так же, как в свое время приспособливалась к правилам советской жизни – обходя углы и уклоняясь, где можно; подчиняясь, где нельзя. Но непременно тяготясь этим процессом.

Именно это бремя было – хотя бы символически – сброшено 24 февраля 2022 года. Запад нам более не указ; мы откажемся от «ихнего» ЕГЭ; мы отменим их толерантность; мы объявим себя выше, чем они. Праздник – это переверачивание иерархии. СВО опрокидывает нормы, и потому сопровождающий ее праздник с ней не в конфликте. В повороте на Восток важен отворот от Запада, считать себя частью которого российское общество сейчас не хочет. Правда, и Востоком тоже не хочет. Мы – Россия. Нам ничей закон не писан.

Война как примочка от модернизации – крайне неудачный вариант исторического движения. Но война как особое состояние общества, как страшный праздник сделает свое дело и перетрясет нормативный порядок. Для тех, кого не убили.

Катехон и мерцающий презентизм XX века: Шмитт, Беньямин, Козеллек

СЕРГЕЙ
КОРЕТКО

Феномен изменения и переизобретения прошлого находится в последние десятилетия в фокусе внимания историографии и философии истории, представленных работами Пьера Нора, Франсуа Артога, Алейды Ассман и их многочисленных последователей и критиков¹. Кроме того, сегодня история и память о прошлом активно инструментализируются в политических целях, а то и применяются в качестве идеологического оружия. Характерной чертой как актуальной политической ситуации, так и мейнстрима современных исследований памяти является аксиома о тождестве прошлого и настоящего, а также истории и политики.

Такое тождество оказывается крайне противоречивым. Прежде всего в первом приближении можно обнаружить как минимум две интерпретации презентизма в современной философии истории. Первую можно условно назвать теорией ретроактивного изменения истории: прошлое и история представляют собой ресурс, средство для выстраивания того или иного вида

Сергей Андреевич Коретко (р. 1992) – политический философ, независимый исследователь.

1 См.: Артог Ф. *Порядок времени, режимы историчности* // Неприкосновенный запас. 2008. № 3(59). С. 19–38; Ассман А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014; *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы* / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Ев-

**ТЕОЛОГИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
КАТЕХОН,
ОДЕРЖИМОСТЬ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ДУХОВНОСТЬ**

политики, прежде всего так называемой «политики памяти», конструируемой в интересах современных государств и/или групп интересов. Существует и противоположная позиция, свойственная структуралистским направлениям философии истории. Согласно этой позиции, политика представляет собой прямое продолжение доставшихся в наследие от прошлого объективных структур, процессов большой длительности. Прошлое в виде продолжающихся процессов оказывает решающее влияние на современность, между прошлым, настоящим и будущим есть континуитет. Можно даже сказать, прошлое определяет настоящее и будущее с железной необходимостью.

Главная проблема обеих интерпретаций презентизма состоит в том, что политика и история взаимно аннигилируются. В одном случае предполагается полный детерминизм, а в другом – распад всех причинно-следственных связей и жизнь в ситуации *непредсказуемого* прошлого, которая выражает нестабильность современности. А раз так, то собственно политика и политическое действие, изменение, созидание новых начал оказываются невозможными по определению.

Именно поэтому аксиомы презентизма нуждаются в критическом рассмотрении. Более того, объяснение парадоксального тождества и различия политики и истории в эпоху кризиса, ресентимента и расцвета исторической политики является актуальным, как никогда. Ниже я попытаюсь набросать краткий очерк генеалогии презентизма в политической философии XX века, обратившись к трем авторам, для которых вопрос о связи истории с настоящим и с актуальной политикой был одним из центральных – к Карлу Шмитту, Вальтеру Беньямину и Райнхарту Козеллеку.

Современные подходы к осмыслению проблемы презентизма условно можно разделить на восходящую к Беньямину теорию мультитемпоральности и на близкую к структурализму школу Козеллека, который не только занимался историей понятий, но и представил ее теоретическое обоснование. Мой тезис заключается в том, что Беньямин и Козеллек испытали огромное влияние идей Карла Шмитта. Более того, философия истории Шмитта, как я намерен показать, дает интересный и убедительный ответ на обозначенную мной проблему презентизма. Однако Беньямин и Козеллек, опираясь на Шмитта, в конечном счете, отказываются от его событийной философии истории: Беньямин смещает ее в сторону множественности времен и ретроактивного изменения истории, тогда как Ко-

ропейского университета в Санкт-Петербурге, 2020; САВЕЛЬЕВА И., ПОЛЕТАЕВ А. *О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цель времен»: проблемы исторического сознания*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005; НОРА П., ОЗУФ М., ПЮИМЕЖ Ж., ВИНОК М. *Франция-память*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

зеллек создает историю понятий на базе жесткого структурализма, согласно которому символическое наследие прошлого, существующее в настоящем, детерминирует современность с железной необходимостью.

СЕРГЕЙ КОРЕТКО
КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗИЕНТИЗМ XX ВЕКА...

СОБЫТИЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАРЛА ШМИТТА

Хотя для Карла Шмитта была чрезвычайно важна проблематика философии истории, он не посвятил ей развернутого труда. Тем не менее обращение к обширному корпусу его самых разнообразных по объему текстов позволяет реконструировать концепцию истории Шмитта. В наиболее сжатом и концентрированном виде она выражена в короткой рецензии на «Значение в истории» Карла Лёвита².

Шмитт отвергает как линейное и прогрессистское, так и циклическое представление об истории. Он пишет, что характерной чертой исторического сознания в Новое время стало стремление сравнивать собственную эпоху с прошедшими временами. Это стремление приобретало две ключевые формы: либо идею вечного возвращения, либо линейное, прогрессистское и эсхатологическое представление о неизбежности и необходимости осуществления идеала в истории. Отвергая линейность и цикличность в качестве иллюзорных форм исторического движения, Шмитт взамен предлагает обратиться к теологическому термину «катехон». *Катехон* в истории – это субъект, удерживающий мир и порядок от наступления апокалипсиса, от эсхатологического паралича³.

Наконец, Шмитт говорит о том, что основной характеристикой истории является «бесконечная сингулярность» – единичность, неповторимость и событийность значимых и крупных исторических явлений. В отличие от бесконфликтных циклической и линейной концепций, в христианском понимании истории существуют разрывы и конфликты, когда «бесконечное вторгается в течение истории» и знаменует собой смерть старого мира и рождение принципиально нового порядка. Другими словами, Шмитт защищает событийную философию истории. В очень редкие моменты истории возможно радикальное изменение мира через посредство неповторимых событий, которые происходят лишь однажды и оставляют после себя стабильный политический порядок.

Предельным примером сингулярности или событийности истории может служить так называемая суверенная диктату-

2 SCHMITT C. *Three Possibilities for a Christian Conception of History* // *Telos*. 2009. № 147. P. 167–170.

3 *Ibid.*

ра, или учредительная власть. Согласно теории Шмитта, существуют два типа чрезвычайного положения, или диктатуры: комиссарская и суверенная. Комиссарская приостанавливает действие законов ради спасения политического порядка в условиях внешней или внутренней опасности, тогда как суверенная рассматривает политический строй в целом как нелегитимный и подлежащий уничтожению⁴. Суверенная диктатура оказывается той силой, которая «прерывает» течение истории и служит основой нового порядка.

«Она не приостанавливает действующую конституцию в силу основанного на ней и, стало быть, конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией»⁵.

Шмитт предлагает рассматривать революционные моменты истории, связанные с введением чрезвычайного положения, как уникальные и неповторимые события, в ходе которых создается новый мир. Как отмечает Джулия Хэлл, для мысли Шмитта характерно и представление о конце как о новом начале, и предвидение «руин будущего», неизбежного конца только что основанного порядка⁶. Сам Шмитт указывает на то обстоятельство, что чрезвычайное положение не может длиться вечно. Суверенная диктатура может и должна быть только учредительной властью, подчиненной задаче учреждения нового политического строя⁷. Другими словами, перед Шмиттом встает проблема ограничения диктатуры, поскольку если она не будет никем и ничем сдерживаться, если неограниченная диктаторская власть будет использована в попытке отменить политическое и достичь вечного мира, то человечество окажется в состоянии тотальной войны и насилия, а чрезвычайное положение станет нормой.

Сам Шмитт называл такое состояние «эсхатологическим параличом», когда старый мир уже уничтожен, а новый еще не построен⁸. Преодоление этого паралича возможно с помощью субъекта, которого Шмитт обозначает теологическим термином «катехон».

«Я не думаю, что для изначальной христианской веры вообще возможна какая-либо иная картина истории, нежели *kat-echon*. Вера, что некая сдерживающая сила задерживает наступление конца

- 4 Филиппов А. *Техника диктатуры: к логике политической социологии* // Шмитт К. *Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. СПб.: Наука, 2005. С. 310.
- 5 Шмитт К. *Диктатура...* С. 158.
- 6 HELL J. *Katechon: Carl Schmitt's Imperial Theology and the Ruins of the Future* // *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 2009. Vol. 84. № 4. P. 304.
- 7 Шмитт К. *Диктатура...* С. 167.
- 8 SCHMITT C. *Three Possibilities...* P. 169.

света, наводит тот единственный мостик, который ведет от эсхатологического паралича, тормозящего любое свершающееся в человеческом мире событие»⁹.

СЕРГЕЙ КОРЕТКО
КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗИЕНТИЗМ XX ВЕКА...

Шмитт понимает *катехон* секулярно, в качестве функции, которая признает и сохраняет политическое в мире, то есть зло, насилие и конфликт, но в то же время ставит им предел, препятствуя наступлению «последних времен», тотального, ничем не ограниченного насилия и войны.

Концепцию *катехона* можно трактовать двояко: и как консервативную апологию сильной власти, и как теорию, направленную на защиту политического как такового. Действительно, концепция Шмитта отражает историю взлета и падений государств и империй¹⁰. В то же время нужно учитывать, что понятие «катехон» представляет собой прежде всего функцию, призванную удерживать политическое в мире. Как отмечает Маттиас Ливенс, теоретические взгляды Шмитта на историю следует рассматривать в качестве аргументов в защиту политического¹¹. То есть, чтобы прояснить его понимание истории, необходимо держать в уме его представление о неустранимости экзистенциальной вражды и необходимости четкого различия друга и врага¹².

Шмитт защищает представление о политике как особой экзистенциальной сфере человеческого существования для того, чтобы признать и дать место конфликту и тем самым добиться двух целей. Во-первых, чтобы избежать «нейтрализации и деполитизации»: Шмитт настаивал на том, что идеология либерализма и прогресса использует риторику отсутствия альтернатив и недопустимости насильственного противостояния в качестве политического оружия, предназначенного для империалистического захвата мира¹³. Во-вторых, признание и апология экзистенциального антагонизма необходима, чтобы положить ему предел, остановить его эскалацию и предотвратить катастрофические последствия сверхполитизации, распространения политики на все остальные сферы человеческой жизни, когда любое различие начинает трактоваться в духе различия друга и врага¹⁴. Шмитт доказывает, что результат попытки деполитизации, осуществляемой носителями идеоло-

9 Шмитт К. *Номос земли*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 35.

10 HELL J. *Op. cit.* P. 285–286; Шмитт К. *Номос земли*. С. 36, 326.

11 LIEVENS M. *Singularity and Repetition in Carl Schmitt's Vision of History* // Journal of the Philosophy of History. 2011. Vol. 5. № 1. P. 127; ИДЕМ. *Carl Schmitt's Concept of History* // MEIERHENRICH J., SIMONS O. (Eds.). *The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 403.

12 Шмитт К. *Понятие политического* // Он же. *Понятие политического*. СПб.: Наука, 2016. С. 301–302.

13 Там же. С. 347.

14 LIEVENS M. *Carl Schmitt's Two Concepts of Humanity* // Philosophy and Social Criticism. 2010. Vol. 36. № 8. P. 918.

гии либерализма и прогресса, оказывается прямо противоположным изначальным намерениям. Итогом делегитимации войны и конфликта стало не прекращение войн, а раскручивание маховика насилия и исчезновение всякой возможности заключить мир. Проблема либерального прогрессизма, с точки зрения Шмитта, заключается в том, что в бесконечной борьбе за вечный мир враг лишился человеческого облика и стал рассматриваться как преступник и тем самым война превратилась в бесконечную полицейскую операцию¹⁵.

Итак, Шмитт обращается к философии истории, чтобы обосновать существование публичного антагонизма и удержать его как от деполитизации, так и от деструктивной сверхполитизации. Соответственно, он отвергает концепции истории, отрицающие фундаментальную роль конфликта, а именно – упомянутые ранее линейное и циклическое представления о времени. Отрицая линейное понимание истории, Шмитт прежде всего полемизирует с идеологией прогресса. Помимо рассмотренной выше критики, Шмитт также указывает, что история пишется победителями в своих интересах. Он отмечает, что смысл таких политических понятий, как «государство», «суверенитет», «независимость», был выкован в результате долгой борьбы, «победитель не только писал историю, но определял также вокабуляр и терминологию»¹⁶. Шмитт подчеркивает важность точки зрения побежденных для подлинного понимания истории – более того, он считает, что именно эта точка зрения может дать подлинную картину как прошлого, так и настоящего. В качестве примера Шмитт приводит Алексиса де Токвиля – представителя побежденной, исторически обреченной аристократии, – который сумел разглядеть тенденции к централизации и демократизации и предсказал проблемы, с которыми мир столкнулся в XX столетии¹⁷. Здесь стоит отметить, что, в отличие от рассматриваемой далее концепции Вальтера Беньямина, «побежденные» Шмитта – это вовсе не угнетенные и исключенные. Это в первую очередь проигравшие в экзистенциальной борьбе «враги», которые для Шмитта представляют собой скорее *alter ego* победителей, нежели униженных и оскорбленных. Существование этих «побежденных» тем более свидетельствует о несостоятельности идеи линейной истории и сопротивляется «нейтрализации и деполитизации».

Шмитт также развивает тесно связанную с понятием «катехон» концепцию пространственного порядка, или номоса.

15 Шмитт К. *Понятие политического*. С. 382.

16 Он же. *Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространств сил* // Он же. *Номос земли*. С. 530.

17 Шмитт С. *Ex Captivitate Salus*. Cambridge: Polity Press, 2015. P. 26–30.

В свою очередь теория номоса оказывается теснейшим образом связанной с исторической проблематикой. Во-первых, согласно Шмитту, пространственный порядок представляет собой не пустую и гомогенную протяженность – его формирует и на него оказывают влияние политика и историческое наследие той силы гегемонии, которая установила и поддерживала данный порядок.

СЕРГЕЙ КОРЕТКО
КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗИЕНТИЗМ XX ВЕКА...

«Появляется [...] пространство достижения, как оно принадлежит наполненному историей и соразмерному истории рейху, который приносит с собой и несет в себе свое собственное пространство, свои внутренние меры и границы»¹⁸.

Шмитт приводит развернутую генеалогию пространственных порядков в истории, к которым он относит *Pax Romana*, *Res Publica Christiana*, «Европейский концерт» великих держав XVIII–XIX веков и так далее. Теоретизируя историю взлетов и падений номосов и империй, Шмитт показывает нелинейность темпоральностей и спорит с концепциями исторического детерминизма, доказывая обманчивость веры в прогресс и невозможность достижения конца истории.

Итогом делегитимации войны и конфликта стало не прекращение войн, а раскручивание маховика насилия и исчезновение всякой возможности заключить мир. В бесконечной борьбе за вечный мир враг лишился человеческого облика и стал рассматриваться как преступник и тем самым война превратилась в бесконечную полицейскую операцию.

Во-вторых, Шмитт подчеркивает исторический характер самого понятия номоса. Выстраивая генеалогию идеи пространственного порядка, он отсылает к доктрине Монро во внешней политике Соединенных Штатов. Отмечая, что эта концепция разрабатывалась в соответствии со вполне прагматическими интересами американского империализма, Шмитт в то же время выделяет ее рациональное зерно, которое применимо к другим эпохам, странам и «разделениям друзей и врагов»:

«Соединение политически пробудившегося народа, политической идеи и политически овладевшего этой идеей, исключающего чуждые интервенции большого пространства, [...] идею порядка больших пространств в праве народов»¹⁹.

18 Шмитт К. *Порядок больших пространств...* С. 564.

19 Там же. С. 505.

В то же время история рождения и упадка пространственных порядков ставит перед Шмиттом проблему повторения – и он полагает циклическое представление об истории в той же степени несостоятельным, что и линейно-прогрессистское. Маттиас Ливенс показывает, что Шмитт в поздних работах уделяет большое внимание событийности в истории. Согласно Шмитту, историческая истина, которая проявляет себя в больших, всемирно-исторических событиях, всегда является истиной единичной и неповторимой²⁰. Для того, чтобы обосновать это, Шмитт обращается к теологии, или «христианской концепции истории»²¹. В «Политической теологии» Шмитт выдвигает тезис о том, что все политические понятия являются секуляризированными теологическими понятиями, а аналогом чуда в политике является чрезвычайное положение²². Чудом – большим, неповторимым событием, создающим новый мир, – в политической жизни оказывается ниспровержение, отмена существующего политического порядка, введение чрезвычайного положения или диктатуры.

Существует и противоположная, левая, традиция интерпретации Шмитта, которая видит в его проекте потенциал политики, не ограниченной имперской властью²³. Таким же расширительным образом можно рассматривать и понятие «катехон» в политической теологии Шмитта. *Катехон* является силой, потенциально разлитой по всем социальным институтам, удерживать политическое может как средневековая империя или современная военная диктатура, так и анархистская коммуна или массовое демократическое движение²⁴. Сам Шмитт предупреждает, что субъект, исполняющий функцию *катехона*, ни в коем случае не следует уравнивать с консервативными или реакционными силами²⁵. Его теория *катехона* далека от чистого оправдания имперского господства, ее цель – достижение динамического баланса между историческим событием и учрежденным *катехоном*, между единством права и множественной темпоральностью, между порядком и анархией, между учредительной и учрежденной властью, между наследием прошлого и открытым будущим.

При этом нужно отметить, что концепция Шмитта включает в себя не только событийность и образующийся в ее результате номос. Шмитту необходимо объяснить, откуда возникают

20 LIEVENS M. *Singularity and Repetition*... P. 115.

21 SCHMITT C. *Three Possibilities*... P. 170.

22 ШМИТТ К. *Политическая теология*. М.: Канон-пресс Ц; Кучково поле, 2000. С. 57.

23 См.: VIRNO P. *Multitude: Between Innovation and Negation*. Los Angeles: MIT Press, 2008; АГАМБЕН Дж. *Homo sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа, 2011; Муфф Ш. *Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии* // Логос. 2004. № 6. С. 140–153.

24 LIEVENS M. *Carl Schmitt's Concept of History*. P. 415–417.

25 SCHMITT C. *Three Possibilities*... P. 169.

предпосылки для разрушения и слома старого мира. Поэтому от концептуализирует неодновременность альтернатив и темпоральностей, а также много рассуждает о плюриверсуме политических образований, государств и номосов. В «Понятии политического» он признает множественность политического мира и истории. «Из категориального признака политического следует плюрализм мира государств [...] Политический мир – это не универсум, а плюриверсум»²⁶. Плюральность политического оказывается возможной именно в силу неодновременности истории. Шмитт утверждает, что в одной и той же стране сосуществуют разные темпоральности; также верно и противоположное: общее историческое время может разделяться людьми, живущими в разных странах и на разных континентах.

«[В настоящем] всегда плюралистично сосуществуют различные, уже пройденные ступени; люди одной и той же эпохи и одной и той же страны и даже члены одной и той же семьи сосуществуют на разных ступенях, и, например, современный Берлин находится в культурном отношении куда ближе к Нью-Йорку и Москве, чем к Мюнхену или Триру»²⁷.

Другим примером может служить тезис Шмитта о несовместимости либерального парламентаризма с массовой демократией. По его мнению, парламентаризм, будучи продуктом буржуазного XIX века, оказывается дисфункциональным анахронизмом в эпоху массового общества и демократии XX века²⁸.

Таким образом, Шмитт предлагает концепцию истории, основанной на идее событийного характера масштабных исторических трансформаций, а также *катехон*, субъект истории, удерживающий политическое и сочетающий идею порядка и открытого будущего. Также он признает существование мультитемпоральности как условия политической вражды, а следовательно, и возможности изменения положения вещей, когда антагонизм примет характер эсхатологического паралича.

Тем самым можно сделать вывод о роли презентизма в его концепции. По сути, изменение прошлого случается только в момент исторического события, в ситуации крушения старого мира и рождения политического субъекта, учреждающего как бы *ex nihilo* новый мир и новую историю. При этом подобное действие осуществляется чрезвычайно редко, и нестабильность прошлого является важным маркером ситуации эсхатологического паралича, требующего вмешательства суверенной диктатуры и «вторжения бесконечного в область конечного».

26 Шмитт К. *Понятие политического*. С. 330.

27 Он же. *Эпоха деполитизаций и нейтрализаций* // Социологическое обозрение. 2001. № 1. С. 49.

28 Он же. *Духовно-историческое состояние современного парламентаризма* // Он же. *Понятие политического*. С. 108–109.

В свою очередь абсолютную детерминированность прошлого и настоящего Шмитт также отрицает, потому что это несовместимо с политическим как со сферой свободного субъективного решения и экзистенциального поединка.

При этом прагматической целью шмиттовской концепции истории является понимание современности. История, являясь частью настоящего, накладывает ограничения на действия политического субъекта, так как исторические эпохи по-разному благоволят тем или иным политическим идеологиям²⁹. Понимание такого рода ограничений, а также знание о сути происходящих в современности конфликтов необходимо для ориентации в политике и для ответственного принятия решения о разделении друга и врага.

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН: ПРЕРЫВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕССИАНИЗМ

Вальтер Беньямин был современником Шмитта и испытал огромное влияние его идей, несмотря на то, что политические убеждения анархиста и коммуниста на первый взгляд плохо согласовывались с консервативно-революционными убеждениями Шмитта. Тем не менее между их концепциями истории есть как преемственность, так и различия.

Беньямин, как и Шмитт, пишет про событийность исторического процесса, но трактует ее иным образом. В «Пассажах» он пишет о диалектической связи настоящего и прошлого как остановке времени. Согласно Беньямину, образ истории представляет собой «вспышку», событие, в котором моменты из разных времен соединяются в одну констелляцию³⁰. Эта же мысль содержится и в его тезисах о понятии истории. Познание истины о прошлом, согласно Беньямину, событийно, «прошлое только и можно запечатлеть как видение, вспыхивающее лишь на мгновение, когда оно оказывается познанным, и никогда больше не возвращающееся»³¹. Это событие, пишет Беньямин, не является возвратом в прошлое, а представляет собой уникальный, неповторимый опыт встречи с ним в настоящем, который останавливает привычное, последовательное течение времени. «Историческому материалисту не обойтись без понятия современности, представляющей собой не переход, а остановку, замирание времени»³². Беньямин также использу-

29 LIEVENS M. *Carl Schmitt's Concept of History*. P. 412–413.

30 ВЕНЬЯМИН W. *The Arcades Project*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2002. P. 462.

31 БЕНЬЯМИН В. *О понятии истории // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 239.

32 Там же. С. 247.

ет понятие *Jetztzeit*, или «время-сейчас», для описания особой темпоральности, предполагающей актуализацию потенциала для качественного изменения положения вещей в ситуации кризиса и противостояния, в противовес простой временной последовательности, в ходе которой не меняется ничего³³.

Похожие мысли о мистическом опыте остановки течения времени содержатся в раннем творчестве Беньямина. В эссе «К критике насилия» Беньямин называет своим предметом философию истории насилия³⁴, порочный круг которого эта философия и призвана разорвать. Собственно, насилие им определяется как действенная причина, касающаяся моральных установлений, вопросов права и справедливости³⁵. Насилие тем самым оказывается условием существования правового и социального порядка, и его можно разделить на два вида: правоустанавливающее, восходящее к теории естественного права, и правоподдерживающее, основанное на позитивном праве³⁶. Если естественное право определяет цели насилия, то позитивное право касается средств его применения. Оба вида права, несмотря на кажущуюся противоположность, служат интересам поддержки существующего порядка, их взаимодействие друг с другом в логическом смысле представляет собой порочный круг, где средства оправдываются целями, а цели – средствами³⁷. Другими словами, анализируя правовой позитивизм и теорию естественного права, Беньямин приходит к выводу, что государство в принципе не способно существовать без насилия³⁸. Чтобы наметить способы избавления от насилия, имманентного государству, Беньямин предлагает посмотреть на него под другим углом, вводя понятия мифического и божественного насилия. Мифическое насилие, включающее в себя правоустанавливающее и правоподдерживающее, ставит своей целью установление власти и возведение произвола в статус закона³⁹. Чтобы избавиться от мифического насилия, пронизывающего всю человеческую историю, необходимо применение мистического божественного насилия, отменяющего правовой порядок⁴⁰. По мнению Петара Бояничца, «Тезисы о понятии истории» Беньямина являются продолжением его раннего текста о насилии. Божественное насилие оказывается коммунистической революцией, которая останав-

СЕРГЕЙ КОРЕТКО

КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗИЕНТИЗМ XX ВЕКА...

33 Иншаков И. *Концепция мессианского времени у Вальтера Беньямина и ее политические импликации* // Социологическое обозрение. 2023. № 1. С. 29–34.

34 Беньямин В. *К критике насилия* // Он же. *Учение о подобии...* С. 94.

35 Там же. С. 65

36 Там же. С. 66–67, 72–74.

37 Там же. С. 86.

38 Вайбель П. *Теории насилия: Беньямин, Фрейд, Шмитт, Деррида, Адорно* // Логос. 2018. № 1. С. 270–271.

39 Беньямин В. *К критике насилия* // Он же. *Учение о подобии...* С. 88–89.

40 Там же. С. 90–91.

лишает движение истории и отменяет мифическое насилие правового порядка⁴¹.

Применение божественного насилия и остановка исторического процесса являются в философии Бенямина прерогативой мессианского субъекта. Таким субъектом – как истории, так и исторического познания – являются угнетенные, проигравшие классы. Эти революционные классы совершают подрыв исторического континуума, свергая существующий социальный и политический порядок⁴². Субъект, совершая политическую революцию и изучая историю в духе исторического материализма, «выступает как последний из закабаленных, как отмститель, завершающий от имени поколений поверженных дело освобождения труда»⁴³. Другими словами, Бенямин утверждает, что мессианский субъект действует от имени поколений униженных, угнетенных и проигравших, от имени истории поражений и борьбы, «традиции угнетенных», которая обладает «слабой мессианской силой»⁴⁴. Собственно, эта «традиция угнетенных» и представляет собой множественное прошлое, те темпоральности, которые оказались не угодны господствующему положению вещей⁴⁵.

Анализируя правовой позитивизм и теорию естественного права, Бенямин приходит к выводу, что государство в принципе не способно существовать без насилия.

Мессианский субъект при этом не полностью принадлежит истории: «мессия завершает всякую историческую событийность в том смысле, что лишь он спасает, завершает, сотворяет ее отношение к мессианскому, потому ничто историческое не может само по себе из себя относиться к мессианскому»⁴⁶. Сами Хатиб утверждает, что мессианское в философии Бенямина является пустым местом внутри самого профанного исторического процесса, скрытой потенциальностью, которую осуществляет мессианский субъект, трансцендирующий и изменяющий профанное течение истории⁴⁷. Исторический ма-

41 Боянич П. «Историю пишут побежденные»: мессианство Вальтера Бенямина // Логос. 2018. № 1. С. 206–208.

42 Бенямин В. *О понятии истории*. С. 247.

43 Там же. С. 245.

44 Там же. С. 235.

45 Bensaïd D. *Marx for Our Times: Adventures and Misadventures of a Critique*. London; New York: Verso, 2009. P. 63.

46 Бенямин В. *Теолого-политический фрагмент* // Он же. *Учение о подобии*. С. 235.

47 Хатиб С. *Необнуленное ничто: Вальтер Бенямин и понятие мессианского* // Stasis. 2013. № 1. С. 113–117.

териалист должен распознать этот потенциал в битве за «угнетенное прошлое», чтобы «вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории»⁴⁸.

Тем самым Беньямин утверждает примат политики над историей, настоящего над прошлым. История всегда конструируется в результате взаимодействия прошлого с опытом настоящего, который обусловлен политически⁴⁹. Он противопоставляет свое презентистское понимание истории позитивизму исторической науки, «идее всеобщей истории», основанной на ложных предпосылках, то есть на идее непрерывности: «она предоставляет массу фактов, чтобы заполнить гомогенное и пустое время»⁵⁰. Такое представление о целостности является идеологией, оправдывающей текущее положение вещей⁵¹.

Размежевание с позитивистским представлением о линейности и целостности исторического процесса можно увидеть и в «Происхождении немецкой барочной драмы», где Беньямин предлагает различать происхождение и возникновение:

«Происхождение стоит в потоке становления как водоворот и затягивает в свой ритм материал возникновения. В наготе очевидной наличности фактического относящегося к происхождению никогда не проявляется, и его ритмика открыта исключительно для двойного понимания. Она может быть познана, с одной стороны, как реставрация, восстановление – и как именно в этом незаконченное, незавершенное, с другой»⁵².

Беньямин предлагает различать происхождение как историю, наполненную актуальным настоящим, в котором наследие прошлого актуализируется в современности, от хронологически выстроенной совокупности фактов возникновения. Беньямин хочет сказать, что простое выстраивание последовательности фактов не является достаточным для выявления истины о прошлом, требуется резонанс или актуализация в настоящем⁵³. Более того, выстраивание истории в целостный и гомогенный нарратив служит истории победителей, история прогресса и развития оказывается историей разрушений, катастроф и страданий, которую и наблюдает беньяминовский «ангел истории», но ничего не может изменить, потому что шквальный ветер прогресса несет его в будущее⁵⁴. Собствен-

СЕРГЕЙ КОРЕТКО

КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗЕНТИЗМ XX ВЕКА...

48 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 248.

49 Там же; Он же. Эдуард Фукс: коллекционер и историк // Он же. *О коллекционерах и коллекционировании*. М.: Центр экспериментальной музеологии, 2018. С. 29.

50 Он же. *О понятии истории*. С. 248.

51 Он же. Эдуард Фукс: коллекционер и историк. С. 38.

52 Он же. *Происхождение немецкой барочной драмы*. М.: Аграф, 2002. С. 26–27.

53 RUPKA S. *Progress and Actuality: Koselleck's Begriffsgeschichte and Benjamin's Historical Materialism* // Focus on German Studies. 2014. № 21. P. 54–55.

54 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 242.

но, тигриный прыжок в прошлое и требуется для того, чтобы остановить уничтожающее и неумолимое движение прогресса, он возможен и даже необходим потому, что прошлое является незавершенным и негомогенным, а потому обладающим скрытым потенциалом для революционного изменения. В то же время историческое наследие и его эмансипаторные потенции слишком хрупки, подвержены забвению и уничтожению без субъективного усилия⁵⁵.

Прыжок в прошлое требуется для того, чтобы остановить уничтожающее и неумолимое движение прогресса, он возможен и даже необходим потому, что прошлое является незавершенным и негомогенным, а потому обладающим скрытым потенциалом для революционного изменения.

Таким образом, Беньямин оказывается философом исторического презентизма. Истина о прошлом может быть раскрыта исключительно в настоящем, эта истина является событием, в котором далекое прошлое и проблемы настоящего резонируют и создают нечто новое, приостанавливая обычное течение времени. Эта истина несет в себе освободительный, политический заряд и, в конечном счете, она производится мессианским субъектом, целью которого является свержение капитализма, упразднение и остановка линейного, прогрессивного течения времени и восстановление достоинства поколений жертв и проигравших, которых принесли на алтарь прогресса победители. В свою очередь событийность истории у Беньямина отличается от таковой у Шмитта. Если, согласно Шмитту, переизобретение прошлого происходит нечасто, в моменты крупных политических катаклизмов и революций, то у Беньямина прошлое оказывается всегда зависимым от настоящего. Редкая событийность становится постоянной борьбой за то прошлое, которое не вписывается в официальную идеологию и которому поэтому грозит забвение.

Тем самым исторический презентизм Беньямина глубоко проблематичен в следующем отношении. С одной стороны, прошлое оказывается в подчиненном положении к политике и настоящему, но в то же самое время Беньямин постулирует существование «традиции угнетенных», наследия прошлого, которое дает о себе знать вопреки усилиям победителей.

55 КНАТВ S. *The Time of Capital and the Messianicity of Time: Marx with Benjamin* // *Studies in Social and Political Thought*. 2012. № 20. P. 48–49.

Это противоречие носит фундаментальный характер, потому оказывается неясным, где находятся пределы презентизма, без обозначения которых его проект во многом оказывается аисторическим⁵⁶.

У подобного хода есть последствия – как для философии истории, так и для политической теории. Фактически, Беньямин создает картину вечного настоящего, которое представляет собой тотальную катастрофу. «Ангел истории», которого ветер истории уносит в будущее, видит лишь руины настоящего. Фактически, в картине мира Бенямина историческое событие, как его понимает Шмитт, невозможно. Понятия правоустанавливающего и правоподдерживающего насилия Бенямином отвергаются как излишне репрессивные, но предложенная им взамен концепция божественного насилия оказывается слишком мистической, не предполагающей никакого переизобретения стабильного порядка после революции. В результате вечное настоящее и «традиция угнетенных» Бенямина являются, строго говоря, бесплодными. Они констатируют ситуацию тотальной катастрофы, эсхатологического паралича, но не предлагают никакого решения, не считая пассивного ожидания мессии и избавления.

СЕРГЕЙ КОРЕТКО

КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗЕНТИЗМ XX ВЕКА...

СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В МЫСЛИ РАЙНХАРТА КОЗЕЛЛЕКА

Райнхарт Козеллек – крупнейший историк понятий, внесший большой вклад как в изучение истории ключевых понятийных категорий европейской цивилизации, так и в методологию и философию истории, – также находился под большим влиянием идей Карла Шмитта, который был его научным руководителем во время работы над диссертацией «Критика и кризис» (1959)⁵⁷.

Козеллек в своем проекте истории понятий предлагает рассматривать историю в качестве процесса, в ходе которого седиментируются достаточно жесткие, многослойные структуры. Формирование этих структур происходит в зазоре между пространством опыта и горизонтом ожидания⁵⁸. Согласно Козеллеку, настоящее оказывается неизбежно связанным с прошлым и будущим – можно говорить о существовании *прошлого настоящего* и *будущего настоящего*. Прошлое настоящего, или пространство опыта, характеризующееся завершенностью,

56 RUPKA S. *Op. cit.* P. 57.

57 KOSELLECK R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge: MIT Press, 1988.

58 КОЗЕЛЛЕК Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 154–157.

поскольку породившие его причины уже перестали существовать, предстает историку в качестве сложной многоуровневой структуры. Горизонт ожидания, или будущее настоящего, связывает пространство опыта с незавершенным и неизвестным будущим. Это будущее является предвосхищением перемен, родившихся внутри сложившейся социальной и языковой структуры. В то же время горизонт ожидания не является буквальным отражением пространства опыта, не совпадает с ним до конца и создает потенциал для трансформации текущего положения вещей. Между ними существует неустранимый зазор, будущее настоящего не является полностью выводимым из прошлого, оно неизбежно трансформирует существующие социальные и языковые структуры.

Сам термин «понятие» употребляется Козеллеком в связи с категорией опыта и определяется как «концентрат множества смысловых наполнений», который «связывает разнообразие исторического опыта и сумму теоретических и практических предметных связей в единство»⁵⁹. Как отмечает Козеллек, предшествующее смысловое наполнение понятий никогда не утрачивается до конца, оно сохраняется и может возрождаться заново. Тем самым, изучая историю понятий, необходимо рассматривать как пространство опыта, так и связанный, но не совпадающий с ним горизонт ожидания. То есть, по Козеллеку, социальная мысль является одновременно выражением логики исторического развития и фактором, оказывающим на нее влияние.

Одной из ключевых проблем, интересовавших Козеллека, было изучение феномена ускорения истории в Новое время, в осознании принципиальной и колоссальной разницы между прошлым, настоящим и будущим. Он называет этот процесс «денатурализацией времени»: в результате политических потрясений, развития капитализма и технологического прогресса появляется понимание непредсказуемости будущего и его радикального отличия от настоящего и прошлого⁶⁰. По мнению Козеллека, это характерная черта именно Нового времени, отличающая его от предшествующих эпох. Именно в эту эпоху происходит резкий разрыв между пространством опыта и горизонтом ожидания⁶¹. Эта установка является центральной для проекта истории понятий, цель которого заключается именно в изучении генезиса современного мира. Во введении к «Словарю основных исторических понятий» Козеллек выдвигает гипотезу, согласно которой в результате революционных из-

59 Он же. *Введение // Словарь основных исторических понятий: В 2 т. / Сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 37–38.*

60 KOSSELLECK R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford: Stanford University Press, 2018. P. 79–82.

61 Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий»... С. 158.

менений, произошедших в период 1750–1850-х, большинство категорий общественно-политического языка радикальным образом меняли свое смысловое содержание⁶².

Козеллек полагает, что в этот период, так называемое «седловое время» (*Sattelzeit*), ключевые общественно-политические категории претерпевают процессы демократизации (расширение количества людей, пользующихся понятиями), темпорализации (приобретение понятиями значений, связанных со временем, с ожиданиями прогресса или регресса, устремленности в прошлое или будущее), идеологизации (вымывание содержания понятий, превращение их в абстрактные лозунги, пустое означающее), а также политизации (использование в качестве инструментов борьбы за власть)⁶³. Козеллек указывает на то обстоятельство, что содержание политического языка оказывается неразрывно связанным с конфликтами и революциями, сотрясавшими западный мир, по итогам которых смысл основных понятий либо претерпел существенную трансформацию, либо канул в Лету вместе со смертью старого порядка.

Специфику Нового времени Козеллек разбирал и в своей ранней работе «Критика и кризис»⁶⁴. В отличие от более поздних методологических трудов, здесь Козеллека интересует не просто генезис современного мира, а изучение его патогенеза: он задает вопрос, почему все утопические проекты, основанные на идее прогресса, в итоге закончились катастрофами XX века? Тезис Козеллека заключается в том, что Новое время оказывается эпохой тотального кризиса, который усугубляется благодаря развитию критики. Отправной точкой Нового времени является кризис, порожденный религиозными войнами и войнами «всех против всех» XVI–XVII веков.

Выходом из кризиса раннего Нового времени стало создание абсолютистского государства, занявшего нейтральную позицию по отношению к вопросам религии и морали, а те в свою очередь послужили толчком для религиозных войн. Религия и мораль ушли из сферы интересов абсолютистского государства, став частью приватной сферы, со временем превратившейся в пространство критики Старого порядка. В XVIII веке появилась специфическая разновидность такой критики в виде буржуазного морализма и утопических проектов просветителей. В итоге она привела к делегитимации абсолютизма и, в конечном счете, к его разрушению, новому кризису – Французской революции и якобинскому террору. Тезис Козеллека заключается в том, что попытка выстроить публичную политику по

СЕРГЕЙ КОРЕТКО

КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗИЕНТИЗМ XX ВЕКА...

62 Он же. *Введение...* С. 25–26.

63 Там же. С. 27–31.

64 KOSELLECK R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge: MIT Press, 1988.

образцу частной сферы, салонов и масонских лож в итоге привела к катастрофе и к новому деспотизму.

Если читать концепцию Козеллека через его более поздние теоретические работы, то пространством опыта и горизонтом ожидания Нового времени поочередно становятся кризис и критика. В раннем Новом времени в роли пространства опыта оказываются религиозное насилие и гражданские войны, а горизонтом ожидания – морализм нарождающейся буржуазии и утопические проекты радикальных республиканцев. В XVIII веке ситуация переворачивается: когда пространством опыта становится критика, то горизонтом ожидания оказывается кризис революций и войн. Козеллек рассматривает эту диалектику кризиса и критики как генеалогию последующих катастрофических пертурбаций как XIX, так и – прежде всего – XX века⁶⁵. Необходимо отметить, что в более поздних работах у Козеллека эта позиция не высказывается; в своих текстах по истории понятий он выступает как нейтральный наблюдатель, которого интересует именно генезис, а не патогенез Нового времени.

Почему все утопические проекты, основанные на идее прогресса, в итоге закончились катастрофами XX века? Тезис Козеллека заключается в том, что Новое время оказывается эпохой тотального кризиса, который усугубляется благодаря развитию критики.

Таким образом, согласно Козеллеку, прошлое нам дано в форме пространства опыта, жесткой и многослойной смысловой структуры. Эта структура образовалась как наложение множества темпоральных слоев. Исторический процесс заключается в том, что при движении в будущее, образ которого дан в качестве горизонта ожидания, к этой структуре добавляются все новые и новые темпоральные слои, причем их количество в Новое время начинает бесконечно мультиплицироваться.

Существуют две конкурирующие интерпретации философии истории Козеллека. Согласно первой, его следует рассматривать как теоретика линейного исторического развития, периодизации и ускорения исторического процесса⁶⁶, а также сторонника исторической телеологии⁶⁷. Козеллек здесь солидаризируется с концепцией времени, возникшей в Новое время, и рассматри-

65 OLSEN N. *History in the Plural: An Introduction to the Work of Reinhart Koselleck*. New York: Berghahn Books, 2014. P. 198–200.

66 HUNT L. *Measuring Time, Making History*. New York: Central European University Press, 2008; OSBORNE P. *The Politics of Time Modernity & Avant-Garde*. New York: Verso Books, 1995.

67 DAVIS K. *Periodization and Sovereignty: How Ideas of Feudalism and Secularization Govern the Politics of Time*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. P. 87–95.

вает исторический процесс исключительно в качестве последовательной смены эпох. Вторая точка зрения на теорию темпоральности Козеллека, которую предлагают Хельге Йордхайм и Никлас Олсен, во многом противоположная: Козеллек в их прочтении оказывается сторонником множественной темпоральности, многомерного, а не линейного, представления об истории. Йордхайм спорит с Питером Осборном, Кэтлин Дэвис и Линн Хант, доказывая, что теория Козеллека отрицает линейный характер истории и ее жесткую периодизацию, поскольку проводит различие между естественным и историческим, внеязыковым и внутриязыковым, синхроническим и диахроническим временем. Согласно Йордхайму, Козеллек подвешивает линейное понимание времени, указывая на то, что, во-первых, представление о естественном течении времени подрывается опытом смены исторических эпох; во-вторых, что многозначность слов и понятий является прямым следствием и доказательством связи прошлых времен и современности; и, в-третьих, что анализ исторического контекста неизбежно показывает «одновременность неодновременного» – наследие предыдущих эпох, которое вышло за пределы своего изначального контекста⁶⁸. Другими словами, Йордхайм интерпретирует философию истории Козеллека как теорию множественных темпоральностей. Схожую интерпретацию предлагает и Никлас Олсен. Он также указывает на влияние учителей Козеллека, которые были противниками идеи линейного исторического процесса – прежде всего Карла Шмитта, а также Ханса-Георга Гадамера и Мартина Хайдеггера⁶⁹. Олсен отмечает, что Козеллек, используя их идеи, разрабатывал теорию множественного времени с целью консервативной критики современного мира, чтобы поставить под вопрос господствующие в Новое время представления о прогрессе и единстве исторического процесса, которые, в конечном счете, привели к войнам и революциям XIX и XX веков.

Каким образом философия множественности темпоральностей сочетается с теорией исторических времен Козеллека? Тут следует указать на два важных сходства. Во-первых, и Беньямин, и ранний Козеллек, и Карл Шмитт, отвергают представления о прогрессе. Козеллек, будучи либеральным консерватором, критиковал рационалистические утопии Просвещения; при этом Беньямин, в течение своей творческой биографии эволюционировавший от анархизма к коммунизму и мистически понятому марксизму, видел в идее прогресса оружие победителей, которые вычеркнули из истории проигравших и возможные альтернативы капитализму. Другими словами, они

СЕРГЕЙ КОРЕТКО

КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗИЕНТИЗМ XX ВЕКА...

68 JORDHEIM H. *Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities* // *History and Theory*. 2012. Vol. 51. № 2. P. 157–170.

69 OLSEN N. *Op. cit.* P. 41–57.

оба видят Новое время как эпоху перманентного кризиса и чрезвычайного положения, а представления о прогрессе рассматривают как иллюзию⁷⁰. Кроме того, они оба разделяют представления о множественности истории, о необходимости смотреть на историю не только с точки зрения победителей. Сам Райнхарт Козеллек в интервью утверждал, что его проект истории понятий является полностью совместимым с философией истории Беньямина потому, что базовые понятия должны отражать множественность исторического опыта, и в том числе опыт проигравших и исключенных⁷¹.

Споры о множественном или линейном понимании истории Козеллека указывают на фундаментальное противоречие внутри его философии истории. Если пространство опыта в истории понятий оказывается жесткой структурой, то не понятно, каким образом оно изменяется под влиянием горизонта ожидания. Как отмечает Шон Рупка, не до конца ясно, каким образом преодолевается зазор между этими категориями, если будущее не полностью выводится из прошлого⁷². Рупка акцентирует внимание на том, что Козеллек почти не затрагивает этот вопрос, за исключением редких высказываний о том, что подобным опосредующим звеном может служить политическое действие. Однако, что это за действие и кто его осуществляет, остается загадкой. Другими словами, Козеллек почти ничего не говорит о субъекте в истории, не понятно, кто меняет пространство опыта, каким горизонтом ожидания руководствуется и тому подобное.

Так или иначе, концепции Беньямина и Козеллека в ряде аспектов оказываются полностью противоположными. Если Беньямин является презентистом, то Козеллек очевидно тяготеет к тому, что Беньямин называет «всеобщей историей», или «возникновением». Безусловно, Козеллек признает множественность исторических времен, он критикует в своих ранних работах идею прогресса, пишет про прошлое настоящего, но при этом почти не концептуализирует роль настоящего в движении истории, не говорит о субъекте истории и тяготеет к описанию процессов большой длительности. Для Козеллека множественность времен, в конечном счете, оказывается подчиненной специфике Нового времени как эпохи тотального кризиса, резкого разрыва пространства опыта и горизонта ожидания, и эпохи ускорения движения истории⁷³. Философия истории Козеллека содержит лишь элементы презентизма, но не более того. Современность

70 KORNER A. *The Experience of Time as Crisis. On Croce's and Benjamin's Concept of History* // Intellectual History Review. 2011. Vol. 21. № 2. P. 12–13.

71 KOSELLECK R., SEBASTIÁN J., FUENTES J. *Conceptual History, Memory, and Identity: An Interview with Reinhart Koselleck* // Contributions to the History of Concepts. 2006. Vol. 2. № 1. P. 126.

72 РУПКА С. *Op. cit.* P. 47.

73 KORNER A. *Op. cit.* P. 15; РУПКА С. *Op. cit.* P. 54–55.

оказывается зажатой в тиски прошлого настоящего – жесткой структуры, которая сама является следствием процессов большой длительности. При этом измерение собственно исторической трансформации, событийности, разрывов с прошлым и учреждения новой истории у Козеллека практически нет.

СЕРГЕЙ КОРЕТКО

КАТЕХОН И МЕРЦАЮЩИЙ
ПРЕЗЕНТИЗМ XX ВЕКА...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш экскурс в генеалогию презентизма, представленную в политической философии XX века, позволяет сделать следующие выводы. Шмитт, а также находившиеся под влиянием его идей Беньямин и Козеллек, солидарны по ряду принципиальных вопросов. Все они критикуют идеологию прогресса, констатируют фундаментально кризисный, антагонистический характер современной эпохи, указывают на неодновременность современного мира, то есть на то, что в современности сочетаются множество темпоральных слоев, последовательно доказывают, что прошлое и настоящее тесно связаны.

Однако в их понимании истории есть и колоссальные различия. Карл Шмитт создает событийную концепцию истории, которая объясняет существование как преемственности, так и дисконтинуитета в истории. Согласно этой концепции, когда исторический и политический процесс заходят в экзатологический паралич, возникает разрыв старой причинно-следственной связи и появляется шанс на возникновение исторического субъекта – *катехона*, – который произведет революцию, создаст суверенную диктатуру и учредит новый политический мир. Собственно, изменение и радикальное переосмысление прошлого возможно только в редкие, судьбоносные моменты истории. В условиях же относительно стабильного политического порядка радикальное переосмысление прошлого просто невозможно по определению.

Если же мы посмотрим на концепции истории Вальтера Беньямина и Райнхарта Козеллека, то они, опираясь на идеи Шмитта, в конечном счете, отказываются от нее. Беньямин абсолютизирует изменчивость и множественность истории, результатом чего становится обоснование абсурдной ситуации непредсказуемого прошлого, которая лишь обнажает тщетность попыток политического изменения мира. Даниэль Бенсайд и сторонники мультитемпоральности, используя аргументы Беньямина, пытаются доказать, что борьба за множественность времен – это борьба за угнетенных, пострадавших от давления капитализма и государства⁷⁴. Однако бесконечное мульти-

74 См.: BENSÄID D. *Op. cit.*; Олейников А. *Время истории* // Логос. 2021. № 4.

плицирование картин прошлого скорее отражает ситуацию политического бессилия и отсутствия широкой социальной солидарности, чем реальные успехи в борьбе за всеобщее освобождение. И, разумеется, идея мессианского переизобретения прошлого противоречит тезису о существовании «традиции угнетенных».

Наконец, жесткий детерминистский подход Козеллека выглядит не более обоснованным в политико-философском плане. В отличие от Беньямина, у Козеллека происходит смещение в сторону преемственности и континуитета прошлого и настоящего. В его трудах абсолютно верно схватываются ключевые тенденции западной политической истории Нового времени. Но абсолютизация процессов большой длительности обозначает слепоту к разрывам исторической ткани, противоречиям, а также к проблеме роли политического субъекта в истории. Конечно, всеобщую, претендующую на универсальность историю понятий Козеллека легко критиковать за недостаточную рефлексивность и недооценку роли настоящего и субъекта познания, но при этом в своих ранних сочинениях – и отчасти в поздних – Козеллек указывал на фундаментально противоречивый, конфликтный и незавершенный характер истории. Другими словами, Козеллек тоже противоречит сам себе: он одновременно показывает как преемственность исторического процесса, так и то, что это процесс незавершенный, испещренный конфликтами и нестыковками.

Выход из этого теоретического тупика представляется маловероятным без нового обращения к философии истории Карла Шмитта – и ее переосмысления. В отличие от Козеллека и Беньямина, сильной стороной Шмитта является концепция события, революционного действия, подводящего черту под старым и учреждающего новый мир. Собственно, поэтому его концепция предполагает не только существование больших объективных процессов, не только множественность времен, не только презентизм, но и выход к новому, в будущее, которое не является ни механическим продолжением настоящего, ни переосмысленным прошлым. Любопытно, что французский философ Ален Бадью развивает весьма похожую философию события-истины, примерами которого оказываются появление христианства, Великая французская революция и 1917 год⁷⁵. В нашу кризисную эпоху именно такая философия истории, которая предполагает выход из состояния эсхатологического паралича, представляется наиболее актуальной.

75 BADIOU A. *Being and Event*. New York: Continuum, 2005.

Одержимость бессознательным. Демонология и психоанализ, или К критике радикальной теологии

ДМИТРИЙ
СКОРОДУМОВ

Как возможна теофания сегодня? Дух просвещения, индустриальное производство и холодный рационализм в XX веке – «веке звере» или «веке мобилизации»¹ – казалось, окончательно вытеснили из общественного сознания все религиозное, превратив ощущение чуда в культурную маргиналию, которая практически никак не влияет на «взрослые» рациональные дела. В мире науки и техники уже не было места божественному присутствию. Этому миру религия интересна разве что тем, что выступает маркером для ведения статистики и осуществления контроля – вопросы конкретного содержания религиозных практик, их внутреннего смысла совершенно не интересны инструментальному разуму.

Права ли радикальная теология, которая говорит о наступлении безрелигиозного времени, эпохи молчания или даже смерти Бога? Теоретики постсекуляризма утверждают, что все религиозное, божественное и чудесное ушло не так далеко: когда человек, зачарованный прогрессом и техникой, отвернулся от мира духов и богов, этот мир никуда не делся – он продолжил сводить с ума людей с удвоенной силой, доводя их до депрессий и суицидов.

*Дмитрий Анатольевич
Скородумов (р. 1989) –
философ, сотрудник
кафедры социально-
гуманитарных наук
Приволжского исследо-
вательского медицин-
ского университета.*

РАДИКАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ И МОЛЧАНИЕ БОГА

Вследствие критической работы над священными текстами, которую проделала либеральная теология XIX века, вследствие демифологизации Библии, ускорения научного прогресса и успеха технической цивилизации, подарившей миру множество удобств, люди практически полностью перестали верить в чудо. Если Теодор Адорно спрашивает, как можно писать стихи после Освенцима, то Дитрих Бонхоффер задается вопросом,

1 Тейлор Ч. *Секулярный век*. М.: ББИ, 2017. С. 525.

как можно оставаться религиозным человеком, живя в бесчеловечных реалиях нацистской Германии. Этот опыт богооставленности определяет основу движения «Мертвого Бога», радикального христианства, возникшего в середине XX века. Один из его участников – Томас Альтицер – ставит такой диагноз современности:

«Истинно, сегодня каждый человек, который открыт для опыта, знает, что Бог отсутствует; но только христианин знает, что Бог умер, что смерть Бога – это окончательное и бесповоротное событие, что смерть Бога положила начало в истории новому и освобожденному человечеству»².

Альтицер видит в христианстве материалистический и атеистический заряд, для него христианство – это уникальная религия «смерти Бога», в которой Бог, сотворивший мир и все, что в нем, воплощается в теле простого человека и умирает на кресте. Христиане верят в то, что после распятия наступило воскресение, но Альтицер говорит, что никакого воскресения не было и не могло быть. Если воплощение Бога было подлинным и всецелым, то Бог обязан был принять все человеческое в себя, в том числе и человеческую смерть. Люди умирают раз и навсегда, и Бог, если он стал человеком, должен был умереть окончательно. Если же он воскрес, то само воплощение оказывается всего лишь спектаклем, оно теряет свою подлинность и окончательность. Кенозис Бога должен идти до самого предела: самое высшее и могущественное – Бог – становится самым низшим и слабым – комочком материи, рожденным в хлеву; плотником со дна социальной иерархии античного мира. Более того, Бог должен стать смертным и умереть на самом деле – только так он может стать действительно абсолютным и всемогущим, ведь иначе нечто остается исключенным из Бога, а именно – ограниченность и смертность. Бог должен включать в себя все: вместе со своей бесконечностью и всемогуществом – так же свой предел и свою слабость, считает Альтицер.

В самоумалении Бога есть еще и мощный этический посыл: Бог обрекает себя на смерть в воплощении и умирает для того, чтобы сделать человека свободным – освободить его от своей опеки, от самого себя, а вместе с собой от всего сверхчувственного мира. Смерть Бога должна обнажить для человека слабость любой идеологии, любых сверхчувственных сил, которые хотели бы господствовать над людьми, – они обнажают себя в виде мертвого тела Бога. Согласно Славою Жижеку, смерть Христа является метафорой смерти всякой идеологии, моментом ее падения. Тотальность идеологии обрушивается,

2 Альтицер Т. *Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма*. М.: Канон+, 2010. С. 92.

и мы сталкиваемся с ее бессилием – это открывает нам глаза и освобождает нас. Воскресение в этой оптике означает восстановление идеологического порядка. Именно поэтому для Жижека интересна Страстная суббота – день, когда Бог уже умер, но еще не воскрес, – разрыв или пустота на месте идеологии. Пустота, подобная флагу венгерского восстания 1956 года: с государственного стяга была срезана коммунистическая символика, оставив посередине дыру.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

В самоумалении Бога есть мощный этический посыл: Бог умирает для того, чтобы сделать человека свободным – освободить его от своей опеки, от самого себя, а вместе с собой от всего сверхчувственного мира. Смерть Бога должна обнажить для человека слабость любой идеологии, любых сверхчувственных сил, которые хотели бы господствовать над людьми.

При этом Томас Альтицер не отрицает чудеса – они имели место раньше, но сейчас закончились, так как *само чудо* положило этому конец, оно подвергло себя самоотрицанию. Чудеса остались в том времени, когда Бог еще был на небе. Что же касается современности, то ныне божественность полностью воплощена в материи – материальная реальность в своем движении и есть последнее чудо, частью которого сами люди и являются. Сакральный мир – это тот же секулярный и профанный мир, иного мира не существует. С Богом бессмысленно общаться сегодня обычными религиозными способами: он не отвечает на молитвы, не принимает жертв, больше не открывает себя людям – мы все живем в эпохе тотальной богооставленности, в которой должны действовать сами, помогая друг другу и сотрудничая друг с другом, утверждает Альтицер. Кажется, что здесь радикальным христианам сложно возразить: современный мир опирается в своих решениях на статистику, экономические выкладки и прогнозы ученых, а не на библейские тексты и смутные предсказания оракулов. Сейчас невозможен в качестве военно-политического события крестовый поход, невозможно решение юридических вопросов Божьим судом. И хотя сегодня многие пишут о наступлении постсекулярной эпохи – это не означает возвращение тех времен, когда божественное присутствие ярко ощущалось во всей общественной жизни, как это было в Античности или Средневековье.

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОАНАЛИЗА

Владимир Шалларь пишет:

«Постсекулярность обозначает не “возвращение религии”, а ожидание пришествия грядущих богов (иначе понятая постсекулярность есть “продвинутая секуляризация” – захват последних остатков религиозности секулярными логиками, когда подлинная религиозность нашего (без)времени может быть только без-божной)»³.

Вторая часть этой цитаты вторит Дитриху Бонхофферу и его концепции безрелигиозного христианства: постсекулярность понимается как углубление обмирщения человеческой жизни и еще большее разрастание ощущения богооставленности. В этом контексте религиозные фундаменталисты только способствуют расширению без-божности тем, что не замечают или не хотят видеть «смерть Бога», регрессируя своим сознанием к ушедшим эпохам. А вот первая часть цитаты – «ожидание пришествия грядущих богов» – ставит интересные вопросы. Кто эти «грядущие боги» – метафора или реальная сила – и чем обернется их пришествие? Каким образом вообще можно говорить о богах и религии сегодня? Дмитрий Узланер в работе «Постсекулярный поворот» пишет о четырех линиях генеалогии постсекулярного: социологической, нормативной, постмодернистской и теологической.

Социологический взгляд основывается на изменившейся социальной реальности, в которой религия вновь становится действенной силой: религии хотя и не могут стать самодостаточными монолитными образованиями, но разнообразно переплетаются с политикой, экономикой, культурой, образуют «гибриды», становящиеся неотъемлемой частью современного плюралистического общества.

Нормативная линия – это политический либерализм, в рамках которого между носителями религиозного и секулярного сознания должны существовать диалог и коммуникация. Идеология секуляризма сама по себе не является частью политического либерализма. Все взгляды на религию имеют свое право на существование, если они не мешают рациональному диалогу. Религиозные меньшинства в секулярном мире не должны ущемляться – их голос должен быть услышан.

Постмодернистская позиция связана с тезисом о плюрализме истин. Секулярный взгляд на мир – лишь один из метанарративов, который в ситуации постмодерна теряет претензию на свою исключительность. Секулярный метанарратив существ-

3 Шалларь В. *Ангелы и способы производства*. Эгалите: Неверленд, 2024. С. 3. (См. также рецензию на эту работу: Сюткин А. *Затруднения с политической англелогией: дружеские разногласия с Владимиром Шалларем* // Неприкосновенный запас. 2024. № 2(154). С. 205–215. – Примеч. ред.)

вует наряду с другими религиозными нарративами – все они становятся «инструментами на верстаке». Постмодернистский подход пытается извлечь из религии ценное для философии содержание, чтобы тем самым обогатить мышление. Подобными интервенциями в теологию занимаются, к примеру, Славой Жижек, Джорджо Агамбен, Йозель Регев.

Очень тесно переплетается с третьей линией четвертая – *теологическая*, – которая предполагает «подшивку» теологии к современной философии, приводящей к радикальному пересмотру теологических оснований.

Кроме этих четырех линий, намеченных Дмитрием Узланером, можно обозначить и пятую (переплетающуюся со всеми остальными) – *психоаналитическую*, – в рамках которой разговор о Боге становится разговором о бессознательном. Психоанализ дает язык, с помощью которого можно вновь заговорить о богах, ангелах и демонах как о чем-то действенном и реальном. Психоанализ, если сомкнуть его с теологией, позволяет увидеть духовных существ как то, с чем мы взаимодействуем постоянно в нашей повседневной жизни, как нечто, проявляющее себя в случайностях, забывчивостях, остротах. В этой оптике вскрывается страшный факт: духовный мир не только нигде не исчез – но, наоборот, вся наша психика буквально кишит этой странной неорганической «жизнью». Такая смычка теологии и психоанализа может показаться всего лишь вопросом языка: бессознательное, преследующее пациента, проявляющееся в неприятных симптомах, становится своеобразным демоном. С первого взгляда можно понимать демона как метафору, как робкую попытку религиозного сознания хоть как-то высказаться о глубинных процессах, протекающих в человеческой психике. Но, даже если образ демона – это всего лишь метафора бессознательного, это уже неплохо. Образы имеют собственную логику развития и движения, исследование которой может привести нас к интересным открытиям, способным пролить свет на работу бессознательного, или же глубже понять ту роль, которую играет религия в современном мире.

Вступая на эту почву, надо быть осторожным. Работа с яркими образами, с материалом средневековой и античной демонологии и ангелологии может захватить воображение и привести к психозу, если не соблюдать технику безопасности. Исследование бессознательного порой способствовало возникновению у ярких и талантливых учеников Зигмунда Фрейда странных состояний, близких к помешательству, как это было в случае с Вильгельмом Райхом (с его ловлей инопланетян) или Карлом Юнгом (с его видениями потусторонних существ). Самому же отцу психоанализа большей частью удавалось сохранять научную трезвость и аналитическую строгость ко всем содержа-

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

ниям бессознательного, благодаря чему он мог успешно продвигаться в исследовании глубин человеческой психики. Хотя даже его заразила «истерия ура-патриотизма», которая захватила в 1914 году многие воюющие страны⁴.

Психоанализ Зигмунда Фрейда был порождением эпохи модерна: сохранять трезвость Фрейду помогал его последовательной атеизм. Если мы хотим размышлять в постсекулярном духе и хотим обосновать какую-то *реальность* духовного мира через работу бессознательного, то как при этом можно сохранить научную трезвость? Йозель Регев в своем «Кратком трактате о методе» обращает внимание на понятие «удерживания-вместе-разделенного». Если мы оказываемся в ситуации выбора между двумя объяснениями реальности (например научного и мистического), следует помнить о третьей возможности – балансировании и колебании между двумя этими вариантами. Когда наше мышление подталкивается к одной или другой крайности, можно попытаться занять позицию, учитывающую оба варианта. Это будет позиция постоянного перехода от одной крайности к другой, в ходе чего два полюса удерживаются вместе и позволяют более сложно и комплексно смотреть на мир. Эта методология позволяет, с одной стороны, говорить о реальности духовного мира, а с другой стороны, относиться к нему как ко *всего лишь* бессознательному, держаться на безопасной дистанции, выступающей своеобразной защитой.

Что же представляет собой в этом свете утверждение радикальных теологов о молчании Бога, тезис о том, что Бог не отвечает на молитвы? Он выражает их нежелание и неготовность разговаривать с Богом и обращаться к нему. Действительно, если Бог проявляет себя в движениях бессознательного, то есть в тех мыслях, которые внезапно приходят нам на ум, когда мы в молитве обращаемся к нему, то это значит, что с Богом можно разговаривать. Но радикальная теология отмечает эту возможность, вставая на почву просвещенческой науки, называя все это игрой воображения и причудами психики. Возможно, что за этим решением скрывается страх встречи с Другим, страх поворота к Другому. Страшно представить, что наше «внутреннее» оккупировано какой-то иной жизнью, что Другой ближе к нам, чем мы сами, так как он является нашим бессознательным, с которым нам надо договариваться. Радикальная теология в этом смысле похожа на готическую литературу. Готика пишет о потустороннем мире предостерегающе: не заглядывай туда – иной мир враждебен человеку, там обитают создания, для которых люди не больше чем природный мусор или подножный корм. В своих книгах Говард

4 Люкиссон П. И. *Фрейд: история болезни*. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 346 (нумерация по электронному изданию).

Лавкрафт четко проводит мысль: лучше держаться подальше от обитателей глубин космоса или океана, если ты хочешь сохранить свой разум и жизнь. Но здесь возможен и иной ответ – романтический: человек должен обратиться к духовному миру и позаботиться о нем, чтобы найти и понять самого себя.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

Если мы оказываемся в ситуации выбора между двумя объяснениями реальности, следует помнить о третьей возможности – балансировании и колебании между двумя этими вариантами.

Для Томаса Альтицера Бог мертв: если человек разговаривает с ним – это значит, что он разговаривает с мертвым телом Бога, с сатаной. Альтицер считает, что следует заниматься не молитвой и созерцанием, а практикой, направленной к миру и людям. В американском контексте 1960-х это действительно можно понимать как своеобразный страх самоанализа. Но в отношении Дитриха Бонхоффера так говорить неправильно, ведь его контекст – это нацистские застенки, это эпоха мобилизации, лишаящая людей времени на молитву, времени, необходимого для того, чтобы человек мог погрузиться в себя и настроиться на общение с чем-то иным.

ОДЕРЖИМОСТЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ

Начиная с фильма «Изгоняющий дьявола» (1973), снятого Уильямом Фридкиным по роману Уильяма Питера Блэтти, кинематограф вновь и вновь изображает на экранах ритуал экзорцизма. Образ демона, проникшего в человека, до сих пор будоражит воображение зрителя и вызывает сильные эмоции. Что особенного в фигуре одержимого и почему от вида изгибающегося бесноватого тела стынет кровь в жилах?

В фильме «Изгоняющий дьявола» сверхъестественное зло покушается на святая святых современной цивилизации – детскую жизнь. При этом беда приходит словно из ниоткуда и, кажется, нет никакого способа ее остановить. Первую половину фильма испуганные родители пытаются вылечить свою маленькую дочь от неизвестной болезни при помощи современной медицины. Авторы фильма уделяют этому много экранного времени: ребенка обследуют при помощи сложных диагностических аппаратов, но целый консилиум врачей не находит никаких признаков заболевания – с медицинской точки зрения девочка совершенно здорова. Надежды родителей на могущество современной науки терпят крушение, вы-

бивая почву из-под ног, обнажая жуткую непрогнозируемую реальность, бездну неизвестного, скрывающуюся за фасадом повседневности. Мы видим хрупкость рационально выстроенного и продуманного мира, который оказывается бессильным перед духовной угрозой. Одержимость девочки при этом изображается очень ярко и живописно: ее хрупкое тело изгибается под невозможными углами и совершает жуткие нечеловеческие движения. Она левитирует, голова ее вращается на 360 градусов, а рот извергает потоки нечистот: мы видим, как это маленькое и нежное существо оказывается в руках потусторонней всемогущей силы, которая управляет ребенком, как куклой. Это сильный образ покорного одержимого тела, телакуклы, которое перестает подчиняться всем ограничениям и законам физической реальности. Одержимое тело получает сверхъестественную силу и ловкость – оно может раскидывать взрослых мужчин, лазить по стенам и рвать пути. Личность девочки тоже замещается: от ее лица начинает говорить другое существо – древний демон, знающий множество языков и не имеющий ни грана морали.

Все это отчасти напоминает сильно гипертрофированные симптомы большой истерии, которую наблюдал Зигмунд Фрейд во время стажировки в клинике Сальпетриер у Жана Шарко и проявления которой его очень сильно впечатлили. Это сходство неудивительно, ведь автор «Изгоняющего дьявола» создал фильм под влиянием книги немецкого психолога и философа Константина Остеррайха, знакомого с психоанализом и написавшего труд по проблеме одержимости⁵. В фильме мы видим, что тело одержимого полностью захвачено и уже не подвластно индивиду, что его личность вытеснена в бессознательное, словно бы Я и Оно в человеке поменялись местами. Благодаря этому образу можно провести четкую грань между нормальным и ненормальным человеком. Образ одержимого задает норму, создает оппозицию, которая позволяет отделить нас самих, здоровых и нормальных, от людей бесноватых, захваченных дьявольской силой.

Что если воздействие этого и подобных фильмов как раз и заключается в том, чтобы внушить человеку мысль, что он нормальный. Когда мы видим на экране беснующегося человека, то убеждаемся в своей адекватности – зритель может с уверенностью и успокоением думать: «Я не такой, я не одержимый». Действительно, тело зрителя ведь не изгибается в припадке, и он не говорит на иных языках, смысл которых не понимает. Однако подобное утверждение вводит зрителя в заблуждение и скрывает тот факт, что любой человек в той или иной мере

5 OESTERREICH T.K. *Die Besessenheit*. Langenzalza: Wendt & Klauwell, 1921.

находится под властью бессознательного, которое и есть нечто демоническое, перехватывающее порой власть над ним самим. Самая изощренная форма одержимости – та, которая очень похожа на нормальность: она выражается не в телесных симптомах, а в согласии ума с демоническими помыслами.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

Любой человек в той или иной мере находится под властью бессознательного, которое и есть нечто демоническое, перехватывающее порой власть над ним самим.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК СКРЫТЫЙ РАЗУМ

Зигмунд Фрейд высказывает предположение, что бессознательное – это своего рода «скрытый разум», который находится в человеке, но ему не подчиняется:

«Мы должны быть готовы допустить наличие у нас не только второго сознания, но и третьего, четвертого, возможно, бесконечно-го ряда состояний сознания, которые неизвестны ни нам, ни друг другу»⁶.

Следует помнить, что бессознательное, по Фрейду, не резервуар слепых инстинктов. Напротив, бессознательное – это что-то, похожее на иной разум, находящийся в нас, принимающий осознанные решения, манипулирующий информацией, но остающийся при этом непрозрачным для нас.

Важная идея Фрейда заключается в том, что в бессознательное вытесняются не аффекты и влечения, а представления (*Vorstellungsrepräsentanz*), которые эти влечения репрезентируют. Лакановская школа психоанализа сделает акцент на понятии *Vorstellungsrepräsentanz*, которое в словаре Жана Лапланша и Жан-Бернара Понталиса переводится на русский язык словосочетанием «представление как репрезентация». С помощью этого понятия Жак Лакан обосновывает языковой характер бессознательного: в бессознательном находятся *означающие*, которые репрезентируют влечения.

Для иллюстрации этой идеи можно привести пример. При виде некоторого предмета, например, чаши причастия, у человека возникает тревога. Тревога здесь является аффектом, а чаша – представлением, с которым этот аффект связан. При всяком появлении этого представления (разговоре о чаше или каких-то ассоциациях с ней) человека охватывает смутное беспокойство.

6 ФРЕЙД З. *Бессознательное* / Он же. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Фирма СТД, 2006. Т. 3. С. 139–140.

во, что свидетельствует о работе бессознательного, о том, что с этим представлением связана какая-то вытесненная история. Тревогу можно снять двумя способами: либо воздействовать непосредственно на телесный аффект, либо воздействовать на представление (например не думать о нем, забыть его). Кажется, что второй, интеллектуальный, способ является предпочтительным: надо подумать, разобраться в содержании своей психики, расставить все по местам, а не давить аффект усилием воли – это может привести к перенапряжению и разбалансировке всей системы человеческого организма. (Подобное рассуждение не говорит о том, что надо потворствовать тем бессознательным причинам, которые вызвали аффект, стремясь, например, полностью отдаться гневу, отчаянию или чему-то другому.)

Работу с представлениями можно рассматривать как информационный метод, а подавление аффектов усилием – как энергетический. Информационная работа интересна тем, что позволяет управлять большими энергетическими мощностями при помощи слабых и незначительных воздействий: стрелочный перевод (работа с представлениями) на железной дороге, будучи незначительным усилием, позволяет управлять движением мощного локомотива (влечениями и аффектами). В данном случае представление чаши является «анклавом бессознательного», прорвавшимся в сознание и нарушающим нормальное функционирование человеческой психики. К тому же это представление само, как правило, уже замещено: страх и тревогу вызывает не сама чаша, а, например, любовный импульс, который был с ней как-то ассоциативно связан.

В нашем контексте важно то, что содержанием бессознательного оказываются не «дикие инстинкты», а представления, ассоциативно связанные и переплетенные друг с другом, образующие своеобразные цепочки представлений, прорывающиеся в сознание с той или иной степенью интенсивности. Эти прорывы бессознательного очень подробно описывает Зигмунд Фрейд в «Психопатологии обыденной жизни». Оказывается, что оговорки, возникающие в нашей речи, каламбуры, внезапно пришедшие на ум, ошибки припоминания не случайны, что они связаны цепочкой других представлений с бессознательным, которое их и определяет. Эта цепочка или сеть означающих должна восходить к некоторому первому вытесненному или к нескольким независимым друг от друга вытесненным означающим.

Обращаясь к теологической (демонологической) метафоре, можно сказать, что подобные вторжения бессознательного в сознание – это своего рода помыслы, которые влагают в человеческий ум бесы; первое же вытесненное означающее – это и есть имя демона, которое, как правило, является ключом к власти над ним. Демон рождается в тот момент, когда

происходит вытеснение: сознание раскалывается, некоторая его часть оказывается захваченной бессознательным, эта отделенная часть начинает искажать психику и человеческую речь (как внутреннюю, обращенную к самому себе, так и внешнюю – обращенную к другим). Вместе с такой патологией речи возникают и аффективные соматические симптомы. В человеческой психике может сформироваться патологический узел, который будет заставлять его в своих мыслях возвращаться к какому-то болезненному опыту; постоянное прокручивание в голове травматичных воспоминаний будет создавать напряжение в организме, которое может привести к нервному срыву, неадекватным реакциям, упадку сил.

Как бороться с таким демоном, поражающим человеческую речь? Средневековые тексты говорят о слове как о главном оружии «во внутренней, интериоризированной войне с дьяволом», слово уподобляется в христианских текстах «мечу, молнии, стреле и т.д.»⁷. Можно предположить, что повторение определенных слов перераспределяет внимание человека, а вместе с ним и либидинальное напряжение внутри сети означающих, что затем должно отразиться и на аффективном соматическом уровне.

«Речь христианского подвижника в идеале стремилась стать набором цитат – только такая речь по-настоящему защищает душу от происков дьявола. Некоторым раннехристианским святым, по видимому, и в самом деле удавалось полностью изгнать из речи “свое слово” – в пользу слова “чуждого” и высшего, священного и тем самым защищающего душу»⁸.

Данный метод похож на своеобразный гипноз или заговаривание. Современный психоанализ его прекрасно знает, но считает крайне неэффективным:

«Современным динамическим психотерапевтам трудно представить нечто более устаревшее в лечении психических заболеваний, нежели метод экзорсизма. Однако, как указал Бенедетти, можно найти некоторое сходство между методом экзорсизма и методами, используемыми для лечения тяжелых форм шизофрении»⁹.

Этому методу можно противопоставить другой: исследование помыслов, недоверие к собственной речи и анализ ее – древняя христианская практика, существовавшая первоначально среди монахов. Исследование или откровение помыслов

7 Махов А.Е. *Hostis Antiquus: категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря.* М.: Intrada, 2006. С. 84.

8 Там же. С. 85.

9 ЭЛЛЕНБЕРГЕР Г.Ф. *Открытие бессознательного-1. История и эволюция динамической психиатрии. От первобытных времен до психологического анализа.* М.: Академический проект, 2018. С. 49.

при этом отличаются от обычной исповеди, заключающейся в признании своих грехов.

ОТЦЫ ЦЕРКВИ О ДЕМОНАХ: ДУХОВНАЯ БРАНЬ И САМОАНАЛИЗ

Что сами отцы церкви пишут о демонах? Их сочинения наполнены ясными и недвусмысленными свидетельствами о связи демонов с помыслами, приходящими человеку на ум. Григорий Синаит прямо пишет: «Помыслы суть слова бесов»¹⁰, «Демоны наполняют образами ум»¹¹. Ему вторит Антоний Великий: «Демоны не суть видимые тела; но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темные, ибо, принявши сии помышления, мы принимаем самих демонов и явными их делаем в теле»¹².

Мишель Фуко в своих лекциях, посвященных заботе о себе в античности, наряду с философией касается и христианства. Он замечает, что христианство перенимает у стоицизма практику «экзаменации помыслов», но добавляет в нее нечто новое. Марк Аврелий в своих размышлениях призывает избавляться от иллюзий и трезво смотреть на объективный мир. Представления ума для Марка Аврелия – путь к объективному познанию внешнего мира, природы. Представления надо анализировать и испытывать, чтобы увидеть ничтожность и временность вещей, связанных с ним. Стоицизм рассматривает представления в их связи с внешним миром, а христианство – с внутренним, с психической реальностью, внутри которой они существуют. Христианство же озабочено вопросом источника этих представлений и их чистоты. От кого представление, пришедшее на ум, – от Бога, дьявола или от самого человека? Христианский анализ представлений – «это распознавание состояний души (*déchiffrement de l'intériorité*): то, что станет самоистолкованием субъекта»¹³. Что из себя представляет это самоистолкование субъекта? Это что-то близкое самоанализу в психоаналитическом смысле этого слова. Человек начинает критически относиться к своей речи, выстраивает дистанцию по отношению к ней и начинает ее анализировать. В ходе самоанализа человек может встретиться с истиной самого себя.

Жак Лакан называл христианство «истинной религией»¹⁴. Под этим он имел в виду то, что христианство является мощной

10 Григорий Синаит. *Творения*. М., 1999. С. 27.

11 Там же. С. 28.

12 Антоний Великий. *Наставления // Добротолюбие: В 5 т.* М.: Сибирская Благозвонница, 2010. Т. 1. С. 22.

13 Фуко М. *Герменевтика субъекта*. СПб.: Наука, 2007. С. 327.

14 LACAN J. *The Triumph of Religion: Preceded by Discourse to Catholics*. Malden: Polity Press, 2013. P. 66.

идеологией, способной дать готовые ответы на все вопросы, лишая человека желания самостоятельного поиска. Христианство законопачивает разрыв в реальности и тем самым снимает тревогу, в то время как психоанализ должен подстегивать человека искать истину самого себя, истину своего желания. Жак Лакан считал, что христианство не может создать условия для полноценного анализа, так как для этого необходим аналитик, который будет сохранять нейтральную, незаинтересованную позицию, позволяя человеку двигаться в любую сторону. Христианский священник же, да и христианство в целом, уже ориентируют человека в определенную сторону – в сторону библейских заповедей и канонов. Таким образом, христианский самоанализ стал бы не свободным раскрытием истины человека, а его христианизацией, своеобразной формовкой согласно христианским шаблонам. На это можно возразить, что сам аналитик тоже не нейтрален, у аналитика тоже есть бессознательное, которое воздействует на анализанта, «заражая» последнего собой. Зигмунд Фрейд писал, что в ходе анализа бессознательное аналитика воздействует на бессознательное пациента. В то время как в ходе христианского самоистолкования человек подпадает под воздействие бессознательного какого-то церковного авторитета или Святого Духа. Карл Вэйтс и Тереза Тисдейл в книге «Лакановский психоанализ и западное православное христианская антропология в диалоге» замечают, что недоверие Жака Лакана к христианству вызвано тем, что Лакан не знал православных богословов, которые делали акцент на апофатическом познании Бога. «Сама Вещь, которая “не то что является ничем – ее просто нет”, имеет поразительное сходство с православной концепцией Бога в его сущности»¹⁵. Согласно апофатическому богословию, Бог – это ничто из сущего, он не имеет отношения ни к чему известному нам. Бог может действовать любым, самым неожиданным образом, к которому надо быть открытым, как и к любым самым неожиданным вариантам разворачивания событий в реальности. В этом плане самоистолкование пред лицом Бога, который есть ничто, с целью познания его воли, близко к лакановской этике желания. Лакан в своем семинаре «Этика психоанализа» утверждает: «Единственное, в чем человек [...] может быть виновен, так это в том, что он поступил своим желанием»¹⁶. Речь идет не о желании какого-то заранее определенного блага, а о беспредметном стремлении, движимом постоянной нехваткой. Та Вещь, к которой стремится человек, которая является причиной его желания, – ничто из того, с чем человек мог бы столкнуться в своей жизни.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

15 WAITZ C., TISDALE T.K. *Lacanian Psychoanalysis and Eastern Orthodox Christian Anthropology in Dialogue*. New York: Routledge, 2022. P. 109.

16 ЛАКАН Ж. *Семинары. Книга 7. Этика психоанализа (1959–1960)*. М.: Гнозис; Логос, 2006. С. 406.

Демонические силы стремятся к тому, чтобы человек отвернулся от Бога, – они стремятся отвратить человека от поиска истины себя. Они стремятся к тому, чтобы человек стал руководствоваться в своем желании не «беспредметным стремлением», не открывающейся волей Бога, а какими-то конкретными благами – материальными или духовными. Демоны стремятся охладить человека, чтобы тот перестал искать Бога, а значит – перестал заниматься самоистолкованием и анализом помыслов. Бесы хотят, чтобы человек слепо доверился помыслам, которые приходят ему на ум, и тем самым автоматизировал свою жизнь, ввергнув себя в режим вечного повторения одного и того же. Именно в связи с темой повторения неприятных переживаний Зигмунд Фрейд и рассматривает загадочное влечение к смерти, которое он вводит как гипотезу в статье «По ту сторону принципа удовольствия». Там же он называет это влечение «демонической чертой»¹⁷.

Иоанн Кассиан Римлянин сравнивает ум с водяной мельницей, которая постоянно приводится в движение все новыми и новыми порциями воды – помыслами, которые появляются в уме от разных источников. Перед всяким принятием помысла необходимо промедление, необходима критическая дистанция, осознание, что мысль, которая пришла тебе на ум, может быть не твоя (может уводить тебя от твоего желания). Помыслы, которые приходят на ум, не должны тотчас приниматься или отвергаться – их надо проверять и рассматривать. Евагрий Понтийский прямо указывает на необходимость подвергать свои мысли анализу:

«Кто хочет испытывать злобных демонов и приобрести навык к распознаванию их козней, пусть наблюдает за помыслами и замечает, на чем настаивают они и в чем ослабляют, при каком стечении обстоятельств и в какое время какой из них особенно действует, какой за каким следует и какой с каким не сходится; и ищет у Христа Господа разрешения всему этому. Демоны очень злятся на тех, которые деятельно проходят добродетели со знанием дела (и приводят в ясность все), желая “во мраце состреляти правыя сердцем”»¹⁸.

Кажется, что есть в христианстве и другой метод: отсекают помыслы в самый момент их зарождения, не анализируя и не рассматривая их – «духовная брань». Аскетика описывает цикл развития помысла: от прилога (зарождения помысла в уме) через сочетание (собеседование с помыслом) и сосложение (согласие с помыслом) к пленению помыслом и страсти (формированию привычки). Нил Сорский в монашеском уста-

17 ФРЕЙД З. *По ту сторону принципа удовольствия* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 3. С. 246.

18 ЕВАГРИЙ ПОНТИЙСКИЙ. *Евагрия монаха наставления о подвижничестве* // *Добротолюбие...* Т. 1. С. 289.

ве замечает, что помысел лучше всего отсекает на моменте прилога (когда мысль появляется в душе), что с помыслом не стоит вступать в собеседование, что его не стоит рассматривать, чтобы не соблазниться им. Нил Сорский пишет, что «прилог – это происходящее от врага внушение»¹⁹, как бы уже заранее устанавливая, что всякий помысел, который появляется в уме, имеет бесовскую природу. Но ведь помыслы могут быть и от Бога, и от естества самого человека. Чтобы отвергнуть или принять помысел, надо предварительно понять, от кого он, проанализировать его. Экзаменация помыслов необходимо предшествует всякой духовной брани: мистика предшествует аскетике – без первой последняя становится бессмысленной дисциплинарной практикой самоподчинения.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

Демонические силы стремятся к тому, чтобы отратить человека от поиска истины себя. Они стремятся к тому, чтобы человек стал руководствоваться в своем желании не открывающейся волей Бога, а какими-то конкретными благами – материальными или духовными.)

Индика: от невроза к психозу

2 мая 2024 года российская студия «Odd Meter» выпустила игру «Indika», представляющую собой симулятор монахини в Российской империи начала XX века. Игра обладает простым и незатейливым геймплеем: смесь квеста и пространственной головоломки. Однако она захватывает красивой атмосферой, проработанным миром и сюжетом. «Indika» – это философское высказывание о Боге, религии и свободе. Слабый геймплей и интересно поданная история превращают эту игру в интерактивный фильм, который можно истолковать в рамках темы этой статьи – тем более, что главная героиня, монахиня Индика, одержима сводящим ее с ума бесом.

Игра была неоднозначно встречена критиками. Некоторые высоко оценили игру, так как ее сюжет вскрывает микрофашизмы и репрессивность, коренящиеся в патриархальной семье, авторитарном государстве и церкви, прорастающей на чувстве вины и суеверии людей. Другие ругают игру, отмечая гротеск-

19 Нил Сорский. *Устав скитской жизни*. Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1991. С. 17.

ный образ России, создаваемый «Индикой». Игра и вправду выполнена в серых, мрачных тонах: действующие лица уродливы, архитектура циклопична и неуютна, все покрыто снегом и грязью, все пронизано бессмысленностью и безнадежностью – но неужели это и есть высказывание игры? Преподносить мрачную атмосферу российской реальности в качестве основной идеи художественного произведения не требует большой изобретательности. Учитывая все вышесказанное о демонах и бессознательном, можно предложить третье истолкование идеи и посыла игры. Но, чтобы к нему перейти, необходимо сначала изложить канву происходящих в игре событий.

Протагонист игры – девушка, психически травмированная в юности. Ее соблазнил цыганенок, которого потом застрелил ее отец на ее же глазах. Она обвиняла себя в произошедшем, так как подставила юного цыгана, не вступилась за него. Сначала она дала своему возлюбленному ключ от отцовского магазина, позволив ему вынести деньги, а потом, когда отец поймал вора, она сказала, что не знает его. В результате цыгана застрелили на месте. Эти события привели к чувству вины, из-за которого Индика начала слышать внутри своей головы голос, говорящий пакости и богохульства, – она стала одержимой. Девушку отдали в монастырь, где она мучилась галлюцинациями, мешавшими ей принять святыне дары из чаши причастия. В монастыре она терпела унижения со стороны насельниц. В ходе ряда случайностей Индика покинула монастырь и попала в компанию беглого каторжника с гниющей рукой. Этот мужчина грезил идеей исцелить свою руку при помощи чудотворной реликвии. Пройдя трудности и испытания, они достигли церкви, где находилась реликвия. Но священник не захотел допустить их до святыни. Тогда Индика слезно взмолилась батюшке, рассказав про желание своего друга исцелить руку, раскрывая его уголовное прошлое, фактически сдавая его властям. В ответ на возмущение каторжника Индика утверждала, что священник никогда не нарушит тайну исповеди. Конечно, произошло обратное – святой отец вызывал полицию. Случилась потасовка, в ходе которой священника ненароком убили прямо в церкви, а каторжанин и монахиня сбежали с реликвией. Особенно цинично выглядело, как каторжанин после убийства священника с благоговением подошел к реликвии и начал прикладываться к ней, желая обрести исцеление гниющей руки. Разумеется, никакого чуда не произошло. Каторжанин в итоге сбежал, а монахиню поймали и арестовали. В клетке она позволила изнасиловать себя тюремщику в обмен на ключ, но ее опять обманули, и никакой свободы Индика, конечно, не получила. Момент изнасилования – ключевой момент, из-за которого ее чувство вины и ощущение морального падения

достигли предела, что привело к новым галлюцинациям и диссоциации личности. Она увидела, как в камеру заполз черт и сбросил на тюремщика шкаф. (Никакого черта, конечно, не было – это сделала она сама, – так игра изображает расщепление ее сознания.) Тюремщика придавило, и падшая Индика смогла сбежать. После своего морального падения монахиня начала видеть в зеркале вместо себя черта. Это наваждение пропало, когда девушка вновь нашла реликвию, которую похитил каторжанин и сдал в ломбард. Одержимая открыла реликварий и увидела, что внутри ничего нет. Она осознала, что все это время люди молились подделке, что сама религия – это обман и выдумка. После этого она вновь начала видеть в зеркале собственное отражение, голос в голове и ее другие галлюцинации тоже пропали. «Исцеление» одержимой показывает, что вместе с отказом от религиозных суеверий ушло и чувство вины, которое заставляло Индику ощущать себя бесноватой. Потеряв веру в Бога, Индика вместе с этим также избавилась и от бесовского советчика, досаждавшего ей все время.

Игра выполнена в эстетике теологии «смерти Бога». Все религиозное преподносится как вредная выдумка, сводящая людей с ума, заражающая их губительным чувством вины и приносящая страдание. Бог и дьявол в игре – это одно и то же: оба они представители сверхчувственного мира, который в эпоху «смерти Бога» потерял свою действенность, стал вымыслом и сказкой. Игра показывает порочность всякой трансцендентной инстанции, к которой мог бы обращаться человек. И «Бог», и дьявол не что иное, как две стороны одной медали, закрывающие для человека истину его собственного желания. Сами игровые механики показывают бессмысленность понятий святости и благодати: в ходе игрового процесса можно накапливать «очки святости», которые в итоге никак не влияют на игровой процесс. «Очки святости» обнуляются после изнасилования героини, а потом так же внезапно восстанавливаются после молитвы у поддельной реликвии, показывая свою искусственность и абсурдность. Но если «Бог» и дьявол – это иллюзия и плод большого несчастного сознания, терзаемого психотравмами и чувством вины, то в чем же состоит *реальность* мира этой игры? Как устроен этот мир и какова его истина? Если помыслы и творческие идеи приходят из бессознательного, которое можно назвать духовным миром, то кто такой дух этой игры и что он хочет нам внушить? На этот вопрос несложно ответить. Посыл игры вполне согласуется с теологией «смерти Бога»: необходимо жить проблемами этого мира, участвовать в общественной жизни, верить только в себя и свои силы и не гнаться за выдуманной святостью. Что же за дух мог бы так мыслить?

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
ОДЕРЖИМОСТЬ
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ...

Данная позиция является как раз той, которую и хотел внушить Индике демон. Он хотел убедить девушку в том, что Бога нет, и для этой цели даже «пожертвовал» собой, перестав говорить в голове больной, чтобы она подумала, что излечилась. Ее «исцеление» становится еще большим падением в иллюзию, подготовленную бесом. На это намекают некоторые детали игры.

Игра начинается с изображения падения девушки в какую-то бездонную яму, что напоминает падение Алисы в кроличью нору, ведущую в Страну чудес – сновидческую иллюзию. Тот мир, который окружает Индику, так же не похож на настоящую реальность: во-первых, все окружающее гипертрофированно мрачное и злое; во-вторых, многие вещи, животные и здания непропорционально больших размеров. Подобный гигантизм опять отсылает к Стране чудес, показывая несообразность героини миру, в котором она оказалась, выражая сказочность «Российской империи». Если мир Алисы был порожден ее сном, то мир Индики порожден (или преобразен) ее развивающимся психозом. Этот мир является делом рук демона, сводящего девушку с ума. Демон нарисовал перед Индикой мрачную реальность, в которую она поверила. Строго говоря, в этой реальности «Бог» действительно является демоном, так как эта реальность – продукт злоевого транса, в который погрузил монахиню злой дух. Именно демон «заставил» ее совершить множество глупостей, которые делала девушка по ходу игры, отчего повествование даже кажется неправдоподобным – человек не может случайно столько раз ошибаться. Именно бес толкнул ее в объятия цыгана, который до этого украл у нее велосипед, именно он заставил ее предать и в итоге убить своего «возлюбленного». Именно поэтому она выдала каторжанина священнику, что привело к смерти последнего. Эта бесовская одержимость – ее бессознательное желание, проявление влечения к смерти, которому она следовала не в силах дать себе отчет в этом. Индика была одержима с раннего детства – она бессознательно любила беса и служила ему. У нее было невротическое расстройство, которое проявилось из-за конфликта и противоречия между ее бессознательными разрушительными импульсами и сознательным нежеланием их принимать. Из-за этого и возникло чувство вины, появившееся из-за напряжения между сознанием и бессознательным. В конце игры бессознательная сила ломает защиту Я, и Индика окончательно погружается в психоз и иллюзию. При этом исчезает напряжение и пропадают невротические проблемы. В классификации Нила Сорского, она оказывается на финальной стадии пленения грехом: внушенные помыслы смешиваются с ее душой и становятся ее природой. Она приобретает

привычку смотреть на все «трезво» и перестает верить в чудо – чего и добивался демон бессознательного. Об этом пишет Иоанн Кассиан Римлянин: самая опасная форма одержимости – это не та, где бесы управляют телом человека (как в фильме «Изгоняющий дьявола»), а та, где они с согласия самого человека захватывают его душу, пленяя лукавыми помыслами²⁰.

«Индика» напоминает другую игру – «Америкэн Макги: Алиса» – про повзрослевшую Алису, которая сходит с ума после пожара, где погибают ее родители. Алиса оказывается в мрачном и суровом варианте Страны чудес, полном насилия и жестокости. Отталкивающий облик сказочного мира выражает психическую травму Алисы – она винит себя в смерти родителей. После прохождения игры и победы над финальным боссом Страна чудес восстанавливает свой нормальный вид – в реальности же Алиса покидает психиатрическую больницу, где она лечилась. Изменение характера воображения девушки и ее возвращение в нормальный мир говорит о том, что Алиса проделала внутреннюю работу в правильном направлении, она смогла пройти самоанализ. А вот мир, окружающий Индику, никак не меняется: он остается таким же исключительно трагическим и жутким, а значит – нереальным.

Христианскую теологию и психоанализ можно свести вместе в контексте постсекуляризма и коинсидентальной философии. В радикальной теологии, утверждающей смерть и отсутствие Бога, есть слабое место: действенную силу Бога и духовного мира можно обосновать через работу и движение бессознательного. Метафора демона, примененная к глубинным содержаниям психики, позволяет рассматривать историю христианской аскетики как историю методов работы с бессознательным. Концептуальным персонажем, объясняющим связь теологии и психоанализа, выступает одержимый. Находя точки пересечения, важно не пытаться при помощи религиозных символов выстроить свою версию психоанализа, как это сделал Карл Юнг с аналитической психологией. Не следует также превращать психоанализ в христианскую психотерапию «духовного бессознательного», как делает это Жан-Клод Ларше²¹. В рамках коинсидентального метода важно терпеливо удерживать вместе два разных видения (теологию и психоанализ), позволяя теологии говорить собственным языком о том, что в психоанализе называют бессознательным.

20 Иоанн Кассиан Римлянин. *Собеседование аввы Серена (первое) о непостоянстве души и о злых духах* // Он же. *Писания*. М.: АСТ; Харвест, 2000. С. 363.

21 ЛАРШЕ Ж.-К. *Духовное бессознательное: православная концепция бессознательного и ее применение в лечении психических и духовных недугов*. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2021. С. 5.

Кислотный социализм, или Утопия возможности пересборки

Red Enlightenment: On Socialism, Science and Spirituality

GRAHAM JONES

London: Repeater, 2023. – 296 p.

Древнее речение сохраняет силу: они приходили, чтобы построить новый мир, хотели вдохнуть в ленивые тела жар, научить их новым законам, истребить наше влечение к какому-то иному совершенному миру. Они не были услужливо-приятными, как таланты; они были бесконечно одиноки и, с точки зрения любых конкретных целей, – обременительно-революционны.

Ханс Хенни Янн. *Алхимия современной драмы*

СИКВЕЛ, КОТОРОГО НЕ ОЖИДАЛИ

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Прежде всего надо отметить, что этой книге крайне не повезло с названием. В ней нет ничего того, что средний читатель скорее всего представит, прочитав столь броский заголовок: ни просвещения для красных, ни просвещения под знаком красного, ни (как ни странно) примирения религии и социализма. Зато то, что в ней есть – при всех имеющихся недостатках, – гораздо интереснее и важнее всех этих языковых химер.

«Красное просвещение», безусловно, броское название, но оно вызывает какие-то совершенно не те ассоциации и, вероятно, заранее отсекает весьма значительную часть аудитории, которой было бы интересно эту книгу прочесть и которая действительно могла бы ею заинтересоваться. В таком случае как бы стоило назвать текст Джонса? Можно было бы выбрать что-то, более отвечающее его содержанию, например: «Как системно устроен сегодня мир за окном, и как мы можем сделать его лучше, улучшив свое понимание деталей устройства и взаимодействия этих систем». Длинновато, ближе к сути.

Уже исходя из места издания и общих предпосылок можно предположить, что «Red Enlightenment» должна быть хорошим компаньоном к работам Марка Фишера (сооснователя издательства «Repeater», упоминаемого в тексте не раз). По крайней мере так кажется до середины книги, когда подозре-

ние перерастает в уверенность: погодите, но это же *и есть* та самая работа, которую в итоге не написал Фишер, – отвечающая на вопрос «Что делать?», а не «Кто виноват [капитализм] и как именно он навредил нашей культуре и психике?».

В ходе прочтения первых пяти глав (всего в книге их восемь) «Red Enlightenment» остается устойчивое впечатление: да, перед нами как раз развернутая программа весьма смутно анонсированного Фишером перед смертью кислотного коммунизма – только под другим и не слишком удачным названием. Автор не просто предлагает нам свои мысли по поводу того, как было бы здорово примирить духовность и рабочий класс – нет-нет, это все была морковка перед ослом, – Джонс выстраивает на бумаге «мультидисциплинарную онтологию», в соответствии с которой предлагает переустроить мир.

Возможно, мы все представляли «Кислотный коммунизм» как-то по-другому – в конце концов, любая ненаписанная или утерянная книга лучше существующей и доступной, ведь она сделана из фантазии. Но, нет, «Red Enlightenment» – как кажется по ходу прочтения первой половины книги – вполне подходит. Может быть, и даже скорее всего, Фишер написал бы ее другими словами и с другими примерами. А в целом вполне то самое: никакой иронии, никаких шуток – только последовательная и всеохватная программа по выводу человечества из тупика, периодически перебиваемая довольно необязательными автофикшн-отрывками. Видимо, чтобы мы не забыли, что автор – живой человек, а не красный робот.

Фишеровская меланхолия в отношении к предмету, кстати, тоже практически отсутствует – что уже должно было бы навести на некоторые подозрения, учитывая весьма чувствительные проблемы, которые обсуждаются в тексте. Зато практически с первых глав присутствует абстрактный задор памфлета: даешь! мы должны! совершенно необходимо – и так далее. Это списываешь на общую болезнь роста дискурса и по ходу объясняешь себе в смягчающе-оправдывающем ключе. Вероятно, зря. Но об этом позднее.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Депрессивный визионер Фишер в финальном недописанном тексте¹ лишь намечил, хотя и ярко, проблему поиска альтернативы капиталистическому реализму² для мира, в котором *there is no alternative*, и еще более тонким пунктиром предпо-

1 Фишер М. *Кислотный коммунизм (недописанное предисловие)* // Неприкосновенный запас. 2020. № 6(134). С. 13–35.

2 FISHER M. *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* London: Zero Books, 2009.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

ложил возможные пути ее решения. Даже не пути, а скорее те области, в которых стоит искать вдохновение – в частности, он апеллировал к 1960-м и тогдашним практикам пересборки сознания, как индивидуального, так и группового.

Джонс в «Red Enlightenment» уже сразу переходит к критике, разъясняя, что именно и как необходимо поменять в сознании трудящихся – и в обществе в целом (вспоминается «значит, надо превратиться, чтобы стало очень здорово» Егора Летова, и вспоминается не случайно). Более того, он сразу рвется к следующему этапу, пытаясь при этом решить несколько сопутствующих задач одновременно – пожалуй, бóльшая их часть принадлежит явно не к настоящему времени.

Надо сказать, этот амбициозный и весьма дерзкий подход поначалу действительно производит впечатление. Вероятно, его логично ожидать от относительно молодого автора – Джонс родился в 1985 году. Насколько озвученный при этом метод и, как неоднократно и настойчиво повторяет автор, «выстраиваемая им “мультишкалярная онтология”» последовательны, основательны и заслуживают внимания? Вполне – если действительно примерять эту линейку ко всем явлениям без догматических исключений.

Насколько обозначенные глобальные перемены реализуемы в принципе, а насколько являются просто утопией по типу Солнечного города (скорее в смысле книги Николая Носова про Незнайку, а не Кампанеллы)? Вот это уже тема для отдельного, серьезного разговора – который, несомненно, не приближит нас к реализации всей этой утопии, но поможет понять эту книгу.

Вернемся на время к основной теме, заявленной в начале автором и издателем, – социализму и *spirituality*, которую в него предлагается встроить/вернуть. Можно предположить, что при немного другом позиционировании «Red Enlightenment» могла бы стать весьма популярной книгой у молодого поколения, которое снова понемногу начинает открывать для себя необходимость в той самой «духовности» (насколько же русский аналог слова звучит уже сразу нагруженным ветхими и больными смыслами) – при этом не доверяя ни официальным религиозным институтам, ни инфобизнесу их *New Age* суррогатов.

Для молодых людей, особенно в XX и XXI веке, пропитанных информацией о множественных возможных моделях описания мира, совершенно нормально в какой-то момент почувствовать, что их – в сложившемся вокруг них конкретном социально-культурном тоннеле реальности (как говорили во времена публикации «Prometheus Rising»³ – окружает полная фальшь.

3 Non-fiction книга Роберта Антона Уилсона (WILSON R.A. *Prometheus Rising*. New Falcon, 1983) по мотивам его же диссертации 1979 года, которая посвящена проблеме восприятия реальности и расширения со-

Логичным следующим шагом будет попытаться найти «выход из матрицы» (как говорили во времена фильма «The Matrix» 25 лет назад).

Большинство таких искателей выхода, что тоже статистически нормально, довольствуются в итоге символическим бунтом – алкоголь, сигареты, протестная музыка и несерьезный образ жизни. Некоторые доходят до искусства и самовыражения в нем – а потом все это исчезает, и по мере старения человек становится нормальным членом общества. Сравнительно малая доля таких бунтующих молодых людей увлекается более буквальными способами «выхода из матрицы»: употребляют всяческие вещества, начинают практиковать разной степени опасности оккультные учения или вступают в прямой конфликт с законом, совершая преступления. Итог у всего этого обычно предсказуем.

А ведь – какая ирония! – никогда еще не было так легко, как в наши дни, увидеть структуру «матрицы» и довольно быстро понять, как из нее можно «выйти». Речь, разумеется, о капиталистическом реализме как несущей конструкции современного мира и том типе общественных, институциональных и культурных структур, которые он сформировал и поддерживает.

Сегодня буквально нет ничего более подрывного, чем поставить под сомнение сложившуюся экономическую модель мироустройства, презрев тэтчеровское заклинание «there is no alternative». Это самый легкий способ и увидеть корень большинства проблем, и снять груз с души – а также, в рамках неизбежной платы за зрение, стать изгоем и перестать получать удовольствие от чего бы то ни было (по крайней мере в плане мейнстримового искусства). Зато это открывает перед усомнившимся бесконечное пространство для переосмысления реальности и познания ее заново как пластичной.

Взявшись за свою книгу, Джонс, по-видимому, исходил из того, что Фишера уже все прочитали, продумали и приняли как неизбежность и необходимость переустройство существующего положения вещей (очень оптимистичное, увы, предположение). Он сразу идет дальше: каким образом нам следует заново провести координатные линии по контурным картам того, что у нас в голове; насколько эти карты вообще соответствуют некоей территории; что такое эта территория, если исходить из эмпирики и сделать поправку на то, что сами эмпирические данные могут складываться по-разному, в том числе из-за фильтров среды и класса?

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

знания и развивает идеи Тимоти Лири про «восьмиконтурную модель психики». В «Прометее» впервые подробно разъясняется концепция «туннелей реальности».

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДУХОВНОСТИ

Формально в начале книги заявлено, что мы будем решать (или по крайней мере попытаемся глобально осмыслить) задачу ключевой важности, с которой, по-видимому, не справилось ни одно из существующих или существовавших социалистических государств и обществ. Задача такова: а как быть честному товарищу с его стремлением к духовности? В чем отличие этой ситуации от той, которая складывается при капитализме? По поводу последнего вопроса автор книги делает интересную ремарку, по сути, утверждая, что в сложившемся институциональном виде религия скорее разобщает трудящихся, чем объединяет:

«Религия сегодня постоянно обрамляется с точки зрения потребительской логики личного выбора, и это влияет на самовосприятие верующих и сообществ. Люди с большей вероятностью создадут социальные связи через работу, образование и хобби, которые выводят их за пределы сплоченных религиозных сообществ, а наличие [у людей в группе] различных мировоззрений только добавляет лишней уровень сложности и беспокойства, которого исторически не наблюдалось» (глава 2, абзац 5⁴).

А вообще – давайте со всей этой духовностью при капитализме и социализме разбираться, говорит Джонс. Только для начала уточним: что такое социализм, что такое капитализм и что такое духовность?

«Наше внимание коснется истории Вселенной, человечества, древней философии, будущего разума и попытки вообразить коммунистический горизонт. Мы пройдем через средневековые крестьянские войны, восстания рабов и киберсоциализм 1960-х. Мы призовем музыку, танец, искусство и сделаем обыденное ярким. И при этом мы всегда должны смотреть за пределы обыденности, в галлюцинаторное, за границу смерти, в глаза бесконечности» (вступление, абзац 12).

Когда автор анонсирует это, он не шутит: перечисленное будет действительно рассмотрено, и рассмотрено скрупулезно. Это интересное путешествие, которое длится пять глав. Нам объясняют, в частности, что не было единого Просвещения как такового, а был ряд конкурирующих, хотя и векторно однонаправленных дискурсов, причем некоторые из них вполне включали в себя наличие в картине мира Бога наряду с наукой (автор подчеркнуто выделяет Баруха Спинозу). Это, считает

⁴ В электронной версии «Red Enlightenment» страницы не пронумерованы, а их количество, заявленное издателем, не совпадает с бумажной версией книги. Во избежание путаницы здесь и далее указываются источники цитат в книге по принципу глава/абзац.

Джонс, показывает нам возможность принципиального совмещения «науки» и «духовности», а значит, и встраивания религиозных импульсов в социалистическую утопию.

О каких религиозных импульсах речь? Далее, и это не шутка, нам пересказывают, как устроены почти все мировые религии, с подробным разбором каждой из них. Автор сетует – почему-то со ссылкой на экономиста, нобелевского лауреата Амартию Сен, у которого он также, по-видимому, позаимствовал термин *empowerment* (в тексте в какой-то момент от него начинает рябить в глазах), – на отсутствие диалога и адекватного взаимопонимания между философией и религией Востока и Запада. Вместо этого, все обычно сводится (разумеется, со стороны так называемых «западных колонизаторов») либо к экзотизации, либо к примитивизации и отстраненному изучению без проникновения в суть. «Ориентализм» Эдварда Саида, кажется, напрямую не упоминается, но подразумевается как типичная модель критики подобного дискурса.

«Ни в одном из вышеперечисленных подходов другие системы мышления не рассматриваются по умолчанию как равные и, следовательно, не происходит взаимовыгодного взаимодействия» (глава 1, абзац 20), – констатирует с сожалением Джонс. Здесь возникает вопрос: как автор представляет себе подобный диалог, например, в философии, учитывая иногда колоссальную сложность рассматриваемых вопросов и того, как далеко могут увести языковые нюансы. Из возможных примеров такой (судя по всему, не имевшей место, а смоделированной) идеальной коммуникации можно вспомнить разве что хайдеггеровский фрагмент «Из разговора относительно языка между Японцем и Вопросающим»⁵. Напротив, из примеров анализа невозможности взаимного понимания (на примере различной логики формирования античной/христианской и исламской мысли) вспоминается «Логика смысла» Андрея Смирнова⁶.

Однако *сам вопрос* о каких-либо структурных и технических (а не только этических и колонизаторских) причинах взаимного непонимания разных культур и религий Джонсом не ставится. Все можно решить, если трудящиеся объединятся, перестанут думать неправильно и начнут думать правильно. В этот момент у читателя вновь может возникнуть ощущение, что с текстом что-то не так.

Этот пример взят из первой главы и развивается во второй, «Spirituality». Третья, «Science», посвящена разбору современного научного метода, объяснению того, что наука – это не

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

⁵ На русском опубликован в: ХАЙДЕГГЕР М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993.

⁶ Смирнов А.В. *Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры*. М.: ЯСК, 2001. Не путать с книгой того же автора: Он же. *Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению*. М.: ЯСК, 2021.

универсальный способ мировосприятия и не догма, а принцип экспериментального подтверждения и так далее. К этому моменту уже начинаешь немного уставать от настойчивого объяснения автором очевидных вещей, несмотря на то, что мысль Джонса понятна: провести ревизию всего, что мы считаем, что знаем, и определить, если мы такие умные в своем знании, почему же тогда мир устроен столь странно и несправедливо и как нам его поправить.

В этом есть рациональное зерно. Сегодня у очень многих есть высшее образование, нередко по гуманитарным специальностям, есть свободный доступ к «Википедии» – и вообще ко «всей сокровищнице человеческих знаний». Огромное количество людей склонны считать себя умными и образованными, но так ли это на самом деле? (Иначе – почему мы живем в капиталистическом реализме?) Образованность – это ужасная иллюзия, которую нужно разрушить.

Классовое невежество, безальтернативность капитализма идут от *необразованности* в широком смысле: отсутствия политической сознательности и общих знаний о мире, а не в узком смысле отсутствия диплома. Нужно повышать образованность нового типа – не институционального, который готовит специалистов, выгодных капитализму, а социалистического, который будет массово создавать людей эпохи Возрождения, ну, или Просвещения. Которые смогут, как в фильме «They Live»⁷, просто надеть очки своего знания и увидеть импульсы угнетения и ложные стимулы капитализма за красивыми фасадами слов и товаров.

Примерно понятно, что пытается сделать Джонс. Он следует логике Эйзенштейна, который планировал в конце 1920-х создать фильм «Капитал»⁸, используя формальные приемы Джеймса Джойса в «Улиссе», которые привели режиссера «Октября» в восторг. Марксистский импульс к деконструкции и пересборке Эйзенштейн модернистски воспринял как прорыв во вселенную монтажа, уникальную возможность увидеть действительность как поток, *fluxus*, складывающийся в реальном времени и в рамках причинно-следственных связей, формирующий историю и реальность, которая считается твердой и неизменной.

У Эйзенштейна фокус был прежде всего на экономическом процессе – а вот автора «Red Enlightenment» интересует буквально все: от искусства и религии до реформы образования и доступности спортзалов. Интересует, к сожалению, довольно поверхностно, чтобы не сказать цинично, исключительно на

7 Американский фантастический триллер Джона Карпентера 1988 года. Разгромлен критиками после выхода на экраны. Сегодня считается одним из ранних удачных примеров радикальной критики капитализма в массовой культуре.

8 См.: VOGMAN E. *Dance of Values: Sergei Eisenstein's Capital Project*. Zurich; Berlin: Diaphanes, 2019.

уровне системного взаимодействия и пользы для социалистической революции. Обращает на себя внимание, что ровно один раз в тексте упоминается Вальтер Беньямин:

«Павших героев прошлой борьбы призывают ориентировать нас на продолжающееся, долгосрочное повествование о борьбе, то, что Вальтер Беньямин называл “мессианским временем”» (глава 5, абзац 13 с конца).

Стоит восстановить полный контекст источника цитаты, а также напомнить, что данный тезис в итоге в трактат «О понятии истории» не вошел:

«Создав представление о бесклассовом обществе, Маркс секуляризовал представление о мессианском времени. И это было хорошо весьма. [...] Пустое и гомогенное время превратилось, так сказать, в прихожую, где можно было с большим или меньшим спокойствием ожидать наступления революционной ситуации. [...] В действительности же не существует момента, который не нес бы с собой своего революционного шанса»⁹.

НОВООБРАЗОВАНИЕ

Подлинное (то есть красное – в духе Маркса) просвещение понимается Джонсом, по-видимому, как предельная искренность «настоящего» образования – получения фактов системного знания о мироздании и обществе – в противовес образованию буржуазно-капиталистическому, которое в фактах избирательно, политически ангажированно, воспитывает, дисциплинарно подавляя, в итоге производит индивидов-специалистов, которые не в силах изменить ничего в большой картине Системы просто потому, что они не разбираются в ее аспектах за пределами своего станка (и неважно, что сегодня этот «станок» может быть языком программирования или сложной системой операций автоматизации).

Уничтожить дихотомию гуманитариев и технарей – это, возможно, самое революционное предложение со стороны Джонса. Вероятно, небогатые специалисты по прозе Джеймса Джойса или средневековой истории Уэльса воспримут это предложение на ура, но как быть с айтишниками, которые зарабатывают столько же, сколько руководители самых известных вузов, и могут, не моргнув глазом, потратить на что-то необязательное (развлечения и прочее) немалые суммы? Вероятно, они посмотрят на предложения Джонса с недоумением. Как социалистическое правительство прекрасного будущего поступит с этим

⁹ Беньямин В. *О понятии истории* // Художественный журнал. 1995. № 7 (<https://moscowartmagazine.com/issue/73/article/1551>).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

классом работников умственного труда – в книге ответа, к сожалению, нет.

Идеи автора «Red Enlightenment» про реформу образования выплескиваются за пределы одной главы и рассыпаны по всей книге. Иногда кажется, что он говорит все это в первую очередь сам себе:

«Все этим [образовательным процессом], конечно, должны руководить политически сознательные преподаватели, организованные и встроенные в институты, которые подчеркивают социально-экономические аспекты науки (например не забывают о причинах климатического кризиса), развивают глобальное сознание посредством гуманитарных наук и коллективно-освободительных аспектов художественных практик» (глава 8, абзац 15).

Но откуда возьмутся вот такие преподаватели? Кто сформирует эту систему образования? На какие деньги? В чьих интересах? Как и кем это все будет воплощено?

Вместе с тем сложно спорить, что это все действительно необходимо. Может быть, дело в сопротивлении восприятия? В том, что Джонс фактически ретранслирует многие лозунги столетней давности (и уж точно почти шестидесятилетней, из мая 1968-го), не слишком заботясь их адаптацией для читателя XXI века? У ранних фонографических записей есть такое свойство: со временем с ними происходит что-то деструктивное, и через десятилетия на момент оцифровки записанные голоса звучат гораздо выше по тону, что делает, во-первых, все старые голоса похожими (Лев Толстой, Владимир Ленин, Алистер Кроули звучат, как братья), а во-вторых, придает им непреднамеренную комичность. Вероятно, аналогичным образом со временем культурное восприятие огрубляется и по отношению к идеалистическим лозунгам, программам и попыткам переустройства общества. Сегодня при чтении таких текстов нам *кажется*, что их авторы звучат как смешные фанатики, но – вообще говоря – нет ничего смешного в угнетении, оглуплении и порабощении людей капиталом.

Четвертая глава книги, «Socialism», очень хороша и, пожалуй, неплохо бы смотрелась в качестве отдельного памфлета. Пятая, «Metaphysics», лирическая и иногда доходит до чистой поэзии: «The perfect relationship ends. The nightmare relationship ends. The flame flickers, the clock strikes midnight, the party ends»¹⁰ (глава 5, абзац 9 с конца). Шестую и седьмую подробно разберем дальше, а восьмая, как в хорошем учебнике, суммирует пройденное и намечает пути практической реализации тезисов. Но это на первый взгляд. На самом деле в восьмой главе

10 Я оставил этот пассаж без перевода, чтобы показать фонетическую аллитерацию цитируемого текста, больше свойственную поэзии.

творится что-то совсем непонятное, что ставит под вопрос ценность всей книги в целом.

По ходу чтения мы узнаем ряд занимательных фактов. Например, что Маркс и Энгельс написали «Манифест Коммунистической партии» от имени Союза коммунистов – группы, которую они помогли сформировать в результате слияния с христианской коммунистической организацией «Союз справедливых», чьей заявленной целью – до объединения – было «установление Царства Божьего на Земле, основанного на идеалах любви к ближнему, равенства и справедливости» (глава 2, абзац 29). Вывод из этого, по мнению Джонса, таков, что в самих основах красного дискурса лежит незадействованный потенциал духовности. Или – что на Маркса и Энгельса значительное влияние оказало изучение общественных устоев американских индейцев-ирокезов. Вывод из этого: надо и сегодня использовать опыт замкнутых социальных и этнических групп в противостоянии Большой Системе капитализма. Причем Джонс, не приводя примеров, предлагает это каким-то образом объединять с современными электронными массмедиа.

В поздних коротких работах¹¹ Алена Бадью прослеживается мысль о том, что проблема современных левых – в потере контакта непосредственно с субстанцией, с материей, из-за чего они барахтаются в водовороте исключительно идеалистических понятий, по поводу которых можно спекулировать бесконечно. Вероятно, это можно сказать не только про левых, но и вообще про отравленное интернетом и соцсетями человечество в принципе – вот только у правых, традиционно декларирующих свою приверженность к дремучим и приземленным вещам, получается тогда довольно весомое (и неприятное) преимущество.

Так что чисто теоретически Джонс прав. В отсутствие массового просвещения по красному типу в новом мире левым будет все труднее вливаться в диалектику разворачивания материи / жизненного процесса и обнаружить себя в революционной ситуации (в ленинском смысле). Основная проблема состоит в том, что при выборе правой или левой стороны мы принимаем доктрины пакетами, вместе со всеми неоднозначными моментами, которые их отягощают, в надежде на последующее нахождение компромиссов, которые, однако, не находятся – и потом на доктринах висят мертвым грузом не вполне адекватные им идеи. Но вроде бы книга Джонса как раз посвящена разбору таких пакетов на составляющие их слои с целью

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

11 См., например, стенограмму выступления 2006 года в Мельбурнском университете «Bodies, Languages Truths» (www.lacan.com/badbodies.htm) и статью: BADIOU A. *Capitalism, The Sole Culprit of the Destructive Exploitation of Nature* // Sensologic. 2018. December 12 (<https://cengizerdem.wordpress.com/2018/12/08/alain-badiou-capitalism-is-the-sole-culprit-of-the-destructive-exploitation-of-nature/>).

избавиться от того, что несущественно для основного дела. Или же не совсем?

ВОЗДУШНО-КНИЖНЫЕ ЗАМКИ

Поставим вопрос о значении «Red Enlightenment» прямо – как это любит делать на страницах книги сам автор. Так что же – перед нами новый «Капитал» или хотя бы новый «Капиталистический реализм»? Увы, нет.

Начнем с того, что самого автора в тексте по большей части нет. Он совершенно не чувствуется, он прячется за абстрактными лозунгами, и даже в историях об умирающем отце в автофикшн-вставках не ощущается ничего человеческого, они даны именно в качестве дидактических примеров. Более того, некоторые тезисы Джонса вызывают просто недоумение – неважно, в контексте или без него. Например, про образование:

«Нам [в прекрасном социалистическом будущем], конечно, необходимо будет сохранять критический взгляд при изучении таких [научных] работ, поскольку ученые, будучи, как правило, выходцами из среднего класса, могут невольно привнести в свою работу либеральные идеологические тенденции» (глава 3, абзац 24).

Родившемуся в СССР сразу мерещатся вполне определенные призраки с бдительными глазами и лагерная кружка академика Сергея Королева.

В пятой главе «Метафизика» автор-атеист сравнивает эксперимент, который предполагает религиозные переживания у строго секулярного человека, с сеансом видеоигры (*sic!*), якобы расширяющей возможности восприятия. Представляется, что все же это не то же самое – ни по последствиям, ни по самому опыту, – а просто неверное сравнение, вводящее в заблуждение.

Там же, в пятой главе, Джонс предлагает (глава 5, абзац 12) «холодно и рационально» использовать «естественные» религиозные импульсы для построения социализма. Хочется напомнить автору, что религии много тысяч лет, а марксизму нет еще и двухсот. Любая религия сама может «холодно и рационально» использовать что угодно, включая марксизм, для увеличения числа своих последователей. Снова налицо непонимание того, как устроена и функционирует область, которую Джонс собрался реформировать на планетарном уровне. Но и снова приходится признать, что сама по себе предлагаемая автором операция по извлечению из квадратного корня будней абстрактной «духовности», которая не соотносится ни с одной из религий, но при этом не впадает ни в пластиковый *New Age*,

ни в протофашистский пафос «традиционализма», довольно любопытна.

Дальше по тексту, впрочем, Джонс вообще отбрасывает даже такое умственно-схематичное понимание спиритуального, сводя все к практической возможности пойти вместе в разведку:

«Могу ли я вступить в товарищеские отношения или сотрудничать с кем-то, не зависит от того, верят ли они в сверхъестественное или нет; важно то, как их онтология влияет на их действия и как она могла бы повлиять на действия организаций и сообществ, если бы [эта онтология] распространилась» (глава 5, абзац 9).

А постсоветского человека могут весьма повеселить рассуждения британца о том, к каким последствиям может привести использование между людьми при общении слова «товарищ»:

«[Обращение “товарищ”] выводит за рамки сухого понятия политического сходства и пробуждает воплощенное чувство товарищества, как прямого отношения, так и воображаемого сообщества, наряду с воображением общего прошлого и будущего, необходимым для онтологической безопасности» (глава 4, абзац 2 с конца).

Что делать?

Перейдем теперь к самому главному: как эту солнечную утопию Джонс предлагает на практике реализовать. Это основное *know how* книги (потому что она действительно отвечает на вопрос «Что делать?») – и ее основная слабость (потому что это утопия).

Итак, автор «Red Enlightenment», по сути, утверждает следующее: чтобы переустроить общество и создать новый, лучший мир, нам, всем равнодушным людям, надо перестать смотреть на вещи упрощенно, проективно и эмоционально и начать на них смотреть комплексно, рационально, аналитически. Одним словом, просвещенно.

Мыслить так, как мы мыслили бы в утопии фишеровского кислотного коммунизма: всегда, при каждом действии и рассуждении принимать во внимание все огромное количество системных факторов, замещая этим (просвещающим) пониманием (замутняющие) проекции и ярлыки, которые обычно приклеиваются к ситуациям и личностям при акте восприятия и мышления в современном мире – мире, самом стремительном в истории человечества.

Все это вызывает в памяти диалог про смерть Портоса из фильма «Жить своей жизнью»¹². В этой сцене философ Брайс

12 «Жить своей жизнью» («Vivre sa vie», 1962) – четвертый полнометражный фильм Жан-Люка Годара, главную роль в котором сыграла его тогдашняя жена Анна Карина.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

Парен, играющий сам себя, перетолковывает описание гибели мушкетера в своеобразном ключе. В финале «Виконта де Бражелона»¹³ Портос погибает, придавленный обломками пещеры, в которую он заманил несколько десятков вражеских солдат и в которой взорвал бочку с порохом, но сам не сумел выбраться, пораженный внезапным параличом.

«British Medical Journal» считает, что Александр Дюма в этой сцене впервые в литературе описал симптомы «вертебро-базиллярной недостаточности» (оставим в стороне вопрос, насколько уместно ставить медицинский диагноз литературному персонажу 150-летней давности¹⁴). По мнению Парена/Годара, произошло следующее: Портос, человек действия, когда поджег фитиль и начал убегать, внезапно первый раз в жизни задумался о природе движения: как так возможно, чтобы сначала сделала шаг левая нога, а потом правая, а потом опять левая – и вот этот зыбучий песок Зенона его и парализовал, лишив шанса спастись.

Каким образом, спрашивается, человек, который и вправду проникнется идеями «Red Enlightenment», избежит этой ловушки? У нас остается нерешенной (если она вообще решаема) базовая проблема, из-за которой, собственно, все остальные и возникают. «Просто начните думать сложно, чтобы понимать мир лучше» – совет хорош, конечно. Но предположим, что люди – в частности, те, кого до сих принято называть *рабочим классом*, – потому и находятся в плену капиталистической системы, что думают по простым лекалам, а не свободно и мультискалярно анализируют реальность, как предлагает Грэм Джонс. Но они думают там просто оттого, что думать сложно – это сложно, особенно с привычки.

Эта мультискалярная онтология, которую кропотливо выстраивает Грэм Джонс, не может поселиться в сознании каждого наемного работника. Наверное, в какой-то идеальной утопической ситуации может – но тогда это будет совсем другой набор обстоятельств и их акторов, и остается неясным, как перепрыгнуть эту пропасть. Как каждую секунду видеть все причины и следствия в истории и Вселенной, все цепочки решений, которые привели к текущему моменту, осознавать каждый этап процесса, проекции, которые твое сознание накладывает на каждого произвольного индивида (еврей, иммигрант, либерал, пролетарий, интеллигент, левак, трампиист, обыватель, разрушитель конвенций)...

13 «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» («Le Vicomte de Bragelonne ou Dix ans après», 1847–1850) – финальная часть трилогии Александра Дюма о Д'Артаньяне и трех мушкетерах. Из-за огромного объема роман издавался чаще всего в нескольких томах, описываемое событие происходит в последнем, «Железная маска».

14 RONNOV-JESSEN V. *The Death of Porthos, or The First Description of Vertebrobasilar Insufficiency in Fiction* // British Medical Journal. 1988. Vol. 297. P. 1685.

Людей нельзя *заставить* воспринимать жизнь таким образом. Это непреодолимый шаг. Об этом и должен быть самый главный ответ, который я хотел бы получить от книги Джонса, но его там не нашел – и не уверен, что его можно легко дать или дать вообще. Более того, исторически мы наблюдали как раз противоположное: народные массы хорошо реагируют на простые идеи, отлитые в идеально простые и понятные лозунги.

Тот уровень просвещения, которого требует для совершения всеобщей революции от простого человека Грэм Джонс, – это уровень уже не *просвещения*, а *просветления* Будды (благо по-английски они обозначаются одним словом *enlightenment*). Да, если каждый будет близок к Будде (или продвинутому буддийскому практику) по уровню своего видения мира как множества взаимодействующих механизмов разного масштаба и составности, тогда *a priori* строить социализм, наверное, будет значительно проще. Особенно, если увидеть конечное, подлинное состояние этого перенаселенного дхармами мира как Пустоту. Но как достичь такого уровня сознания?

Это главный вопрос, потому что проблемой являются даже не *образованность* в классическом смысле, а инерционные силы импульсов, желаний и страхов – буддийские *помрачения*, которые мешают постоянно видеть мир прозрачно и во всей его полноте. Это многотысячелетняя инерция восприятия, и неврологическая, и культурная. И как это решить? Заставить всю планету медитировать (по заветам Махариши и Дэвида Линча)? Запустить LSD в водопровод (абсурдная популярная страшилка 1966 года, которая живет до сих пор в качестве городской легенды)? Окультуривать трудящихся, знакомя их с сокровищами искусства? Я взял эти варианты не из головы: в какой-то момент Грэм Джонс рассматривает каждую из упомянутых сфер и тихо ускользает дальше, не давая внятного ответа на вопрос, как же именно предлагается повысить сознание трудящихся.

Как подразумевается из самого названия книги и ее первых глав, видимо, именно *spirituality* должна стать волшебным средством расширения возможностей действия и повышения уровня сознания, которые станут ключом к революции. Но такая серьезная и жизненно важная область попросту недостаточно аргументированно и обоснованно разбирается на страницах книги. Более того, после второй главы автор словно забывает про свой главный тезис и пускается – на протяжении 150 страниц – в общие рассуждения на тему, как переустроить общество. Когда в последней главе, спохватившись, он возвращается к теме *spirituality*, то запутывается окончательно, попутно увязая в попытке высказать (выкрикнуть?) еще несколько лозунгов, не привязанных вообще ни к чему.

МУЛЬТИСКАЛЯРНОЕ ИЗБИЕНИЕ

Присмотримся внимательнее к языку и логическому обиходу этой книги. Достаточно беглого взгляда, чтобы удостовериться, что Джонс обращается к убежденным левым – в основном к левым сетевым активистам, – используя хорошо знакомый и принятый в их кругах лексикон. Затрагивается, разумеется, постколониализм с обязательной перспективой отмены гегемонии Запада («Запад больше не является единственным действующим протагонистом, но только участником коллективного путешествия», глава 1, абзац 15 с конца), осуждается институциональный расизм со стороны белых. В последней главе Джонс внезапно вне всякого контекста выдает пространственный и довольно неодоغمатически-яростный монолог в защиту трансгендерных людей. В качестве аргумента приводится факт, что Джонс «работал LGBTQ-парикмахером и подружился со многими трансгендерными людьми, и теперь он чувствует себя обязанным подчеркнуть отвергнуть трансгендер-исключающие точки зрения» (глава 8, абзац 18).

Резко меняющийся по ходу повествования стиль (особенно ближе к концу книги), когда, к примеру, автор в одном абзаце переходит от нормативной стилистики ленинского манифеста к рассуждениям в духе «почему я так утверждаю в своей социальной сети, тред 1/75», тоже ухудшает впечатление от текста. Сложно серьезно воспринимать автора, который сначала в сотый раз использует мудреное выражение «мультишкалярная онтология», а затем тоном старшеклассника предлагает «сокрушить государство» и «избить фашиста» (глава 8, абзац 42).

В той же финальной главе Джонс грезит о студенческих городках при радикально реорганизованных университетах, которые превратились из структур власти в центры распространения подлинного, бесконечно широкого знания. Бесплатные социалистские спортзалы соседствуют с обществами расширения сознания, арт-галереями, пространствами гендерных экспериментов (что бы это ни значило) и прочими затеями, достойными апгрейд-версии носовского Солнечного города.

ТАК И ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Джонс говорит: чтобы революционные преобразования в обществе действительно состоялись, нужно поменять сразу все:

«[Этот проект] требует изменения сознания людей, создания новых организаций и трансформации старых, [...] перестройки наших городов, наших рабочих отношений, семьи и образования,

[...] альтернативы доминированию рынков и либеральному псевдодемократическому государству» (глава 6, абзац 3 с конца).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

Но как это сделать? Попыток ответить на этот очевидный вопрос в цитируемой книге нет. Джонс предстает скорее как пророк и визионер в духе Маркса (как он его понимает), и его, кажется, не особенно волнует практическое осуществление заведомо утопического проекта. С какого конца по отдельности за проблему ни взяться, прочие структуры, увязшие в капитализме, придавленные его огромной массой, не смогут участвовать в нарастающей цепочке изменений. Получается, нужно взяться со всех концов сразу? Но как это сделать? У Ленина сто лет назад получилось, но для этого понадобилась мировая война. Одна страница из Симоны Вейль о том же самом выглядит гораздо более убедительно, чем три сотни страниц призывов и распоряжений Джонса:

«Что на самом деле имеют в виду те, кому слово “капитализм” представляется синонимом абсолютного зла? [...] По-видимому, убивать и даже умирать самим проще, чем поставить перед собой несколько совсем простых вопросов, как например: образуют ли некую систему законы и условия, регулирующие в настоящее время экономическую жизнь? В какой мере является необходимой связь между тем или другим экономическим феноменом и остальными? До какой степени модификация одного или другого экономического закона отразится на остальных? В какой мере страдания, наносимые социальными отношениями нашей эпохи, зависят от тех или других условий нашей экономической жизни, а в какой – от совокупности всех этих условий?»

В какой мере являются они причинами других факторов – как факторов устойчивых, имеющих сохраниться после преобразования нашего экономического организма, так и факторов, которые могут быть уничтожены без слома того, что называют “системой”? Какие новые страдания – временные ли, постоянные ли – повлечет необходимым образом тот метод, что избирается для такого преобразования? Какие новые страдания рискует принести новая социальная организация, которую мы хотим установить?

Если мы серьезно изучим эти проблемы, тогда, может быть, у нас будет на уме кое-что, когда мы говорим, что капитализм – зло; но тогда уже и речь пойдет о капитализме как о зле только относительно и можно будет предлагать преобразование общественной системы только в видах перехода к меньшему злу. Кроме того, можно будет говорить лишь о преобразовании, строго определенном»¹⁵.

Симона Вейль поставила интересный мысленный эксперимент, как могло бы выглядеть социалистическое религиозное государство. Правда, она на бумаге строила все-таки христи-

15 Вейль С. *Статьи и письма 1934–1943 годов*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. С. 36–38.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

анство с элементами марксизма, а не марксизм с элементами христианства. Вайль рассуждала всерьез, достаточно вспомнить ее пассажи, посвященные тому, как могла бы выглядеть смертная казнь в таком государстве нового типа и как убедить, чтобы она всегда происходила по воле Господа. Мысль жутковатая, но важная для серьезного планирования дел такого уровня. Излишне говорить, что в своей книге Грэм Джонс ни к чему подобному даже близко не подошел. Его интересует другое: избежь фашиста, разрушь государство, бесплатные спортзалы и парикмахерские *товарищам* по онтологии.

Для кого эта книга? В начале ее чтения казалось, что для всех, – в финале, увы, наверное, почти ни для кого. Едва ли книга привлечет серьезных левых активистов и теоретиков. Не подойдет она и тем, кто находится в религиозном поиске. Может быть, «Red Enlightenment» будет кому-то интересна в общеобразовательном ключе? Но тогда лучше почитать специальные книги по каждой из затронутых в «Red Enlightenment» тем.

Как справедливо заметил Ален Бадью, все возможные вопросы по поводу *ситуации* давно поставлены, все ответы давно даны, остается только действие. Действие, чтобы выйти из капиталистического неолита.

Последние слова Портоса у Дюма:

– Портос! Портос! – кричал Арамис. – Портос, где ты? Ответь!
– Здесь, здесь! – шептал Портос угасающим голосом. – Терпение, друг, терпение!

Терпение – это то, что нам всем сейчас очень нужно. Похоже, что это надолго.

Приторный скрипт и машинный холод: языковые коктейли эпохи искусственного интеллекта

МАРИЯ
РАХМАНИНОВА

Одно из главных знаний, подаренных нам философией XX века, – о языке. Язык – первичный фрейм нашего с миром взаимопреломления. Регистры языка предельно перформативны – они определяют не только объективную сторону этих интеракций (их конструктивность/деструктивность, потенциал к солидарности/разобщенности и так далее), но и субъективные континуумы самоощущения и самоопределения. Язык всегда больше нас. Это он задает своими траекториями диапазон возможного и невозможного в каждой конкретной ситуации: индивидуальной, коллективной, экзистенциальной, исторической и политической. В этом смысле место нашей возможной свободы отчасти связано именно со степенью нашего владения языком и прогностического понимания его сейсмоактивности в разных ландшафтах повседневности.

В последние двадцать лет рефлексии о языке постепенно стали звучать и на постсоветском пространстве – существенно видоизменяя и коммуникативный ландшафт повседневности, и этико-лингвистический канон языковых высказываний и презентаций.

Мария Рахманинова (р. 1985) – философ, независимая исследовательница, соосновательница журнала «Akrateia».

**ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ**

Наряду с очевидно благоприятными переменами (например ростом этической и политической чувствительности к языку) это также обусловило появление новых инерций – особенно в области коммуникации, парадоксально отданной на откуп сомнительным автоматизмам (впрочем, как и многие наиболее значимые сферы социальной реальности вроде родительства или романтических отношений). На практике это очень скоро привело к тому, что алгоритмы новых режимов речи, категорий, понятий и интонаций начали механически и бездумно встраиваться в старые экзистенциальные паттерны.

Это эссе о том, какие опасности для сообществ и их обитателей продолжают таить в себе свежеслепленные языковые сценарии; почему их так сложно заметить, несмотря на весь их опустошительный потенциал; и о том, что всему этому можно противопоставить.

ОДОМАШНИВАЯ ДИСТАНЦИЮ

В противостоянии силам освобождения системы власти всегда знали, где и как сдавать назад – перенимая и переваривая на свой лад самые эффективные императивы своих антагонистов. В их черед не стал исключением и классический анархистский императив солидарности внутри сетевых сообществ. Подхваченный в 1960-е предприимчивыми ньюэйджерами-однодневками (вроде Стюарда Бранда), уже очень скоро он был поставлен на службу технократическому разуму – и в результате тотально перезагрузил капитализм как проект, сообщив ему новое дыхание. Как отмечает бывший главный редактор «New Republic» Франклин Фоер, «вместо того, чтобы привести к фундаментальному перераспределению власти, новые сети попадают в руки новых монополий, всякий раз более могучих и хитроумных, чем прежде»¹.

Та же участь постигает и язык. Слепо и фрагментарно копируя коммуникативные поверхности либертарных дискурсов, в конце XX века капитализм принимается спешно обновлять скрипт своей морально устаревшей корпоративной культуры – что, в общем, неудивительно: к концу 1990-х только ленивый не иронизировал над ее утомительной чопорностью и тяжело-весным формализмом. И так, не только футболка и кроссовки бросают вызов деловым пиджакам и галстукам – «облегченный» стиль корпоративного общения, несмотря на сохранение

1 ФОЕР Ф. *Без своего мнения: как Google, Facebook, Amazon и Apple лишают вас индивидуальности*. М.: Эксмо, 2020. С. 37. (Деятельность компании «Meta Platforms Inc.» по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram – запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22 марта 2022 года по основаниям осуществления экстремистской деятельности. – Примеч. ред.)

некоторых классических формул этикета также начинает заметно оттеснять коммуникацию эпохи бумеров.

Запрос на это отчасти формируется перезагрузкой самой концепции труда, трудового пространства и трудовой смены (теперь приходится как-то обходить правовые завоевания трудящихся XX века – но не аутсорсингом единым). На помощь приходит сценарий превращения работы в «дом». Для столь амбициозной (но крайне перспективной) ревизии облика труда капиталу постиндустриальной эпохи приходится изобретать убедительные приемы. Одной из манипулятивных тактик доместикации круглосуточной работы оказывается снижение градуса официоза в ее языках.

Одновременно под натиском освободительных тенденций – с их кинематографическими и текстовыми рефлексиями, с их яростным низовым социальным протестом – капитализму приходится постоянно тревожиться за свой имидж. Культура меняется, и теперь быть хищным, циничным и грубым означает быть непривлекательным, терпеть репутационные потери и неуклонно устаревать: после того, как критическая теория сорвала с капитала индустриальной эпохи все маски, обнажив таящийся под ними уродливый механизм, кому понравится каждый день созерцать его в зеркале? Все это привело к тому, что теперь корпорациям фактически остается лишь стискивать зубы и шаг за шагом вписываться во все мыслимые коммуникации *eco-, gender-, labor-* – все что угодно, лишь бы не получить укор в циничной *бесчувственности*.

Именно корпорация механически назначается отныне «главным пороком». И столь же механически корпорации принимают ся состязаться в обратном – в не менее гротескной *чувствительности*. Впрочем, на фоне общей инфантилизации социальности (уже не только потребительской, но и политической) это в целом даже не выглядит слишком противостоестественно.

МАРИЯ РАХМАНИНОВА
ПРИТОРНЫЙ СКРИПТ
И МАШИННЫЙ ХОЛОД...

ЗАБОТА VS ХИЩНАЯ СЕРВИЛЬНОСТЬ

Так, тренд на сюсюкающую «бережность», бездумно, неуклюже и крайне приблизительно снятый с кропоткинского первоисточника об эволюционных основаниях взаимопомощи², начинает свой путь в социальную повседневность. Едва ли удивительно, насколько этот неосентиментализм не обременяет себя прояснениями своего анархистского бэкграунда. И едва ли странно то, как мало кого это смущает: в обществе потребления коммуникативные новинки ничем не отличаются от матери-

2 См.: Кропоткин П.А. *Взаимопомощь как фактор эволюции*. М.: Редакция журнала «Самообразование», 2007.

альных. Разве что немного повышают символический статус своих потребителей: как более «искушенных» и «возвышенных». В пути обрастая рюшами, блестками, сердечками и всеми подобающими атрибутами эстетики торгового центра, «язык заботы» очень быстро утрачивает экзистенциальную связь со своим первоисточником и превращается в магистральный коммуникативный тренд клиповой культуры быстрых и ни к чему не обязывающих связей. А заодно – становится новым эсперанто капитала и подчинения.

При этом аморфность современного капитала и его машинерии зачастую не позволяет однозначно идентифицировать именно рыночный характер каждой в отдельности социальной интеракции. Диапазон отношений между человеком, обществом и метатекстом о мире снова и по-новому оказывается под ударом глобального капитала: наученные горьким опытом, отныне его нарративы могут вполне успешно притворяться хоть бенедиктинскими монахинями. Впервые эту проблему начинают регистрировать публицисты, журналисты и редакторы:

«Первой брешью в стене стал так называемый “брендированный контент” или “нативная реклама”. Все эти приемы были призваны решить проблему рекламы в интернете: баннеры превратились в раздражающий фактор, читатели стараются не замечать их, и, таким образом, они стали малоэффективным способом придания известности бренду. Баннеры физически оказываются на полях редакционного материала. Теперь брендированный контент должен быть замаскирован под обычное наполнение сайта. Это реклама, но составлена она так, чтобы внешне выглядеть как журналистский материал: [теперь неясно] это статья о новых научных методах отказа от курения в “Time” – или об изменениях на рынке труда в “New York Times”»³.

Если даже профессиональные труженики пера утрачивают способность различать редакционный материал и рекламу, стоит ли удивляться, что эта граница ускользает от людей, в чью сферу компетенции обычно не входит столь высокая чувствительность к тексту?

Процесс этой «атрофии» затрагивает самые разные области – в том числе гражданский активизм, образование и социальную заботу. Отвечающий современным имиджевым требованиям «язык заботы» все больше становится в них магистральным трендом. Однако, как и все ангажированное теологией капитала⁴, ритуальное копирование «слов бережности» служит либо

3 ФОЕР Ф. Указ. соч. С. 179.

4 Здесь под ней понимаются исследуемые политическими философами (Эрнстом Канторевичем, Джорджо Агамбенем и другими) теологические основания секулярной власти и иерархии, характерные для проекта модерна.

буквально материальному капиталу – то есть сиюминутным интересам бизнеса, – либо, что еще циничнее, капиталу символическому. И ориентированному на него нарциссичному желанию выглядеть современно и привлекательно-великодушно. Раз распознанная в качестве привлекательной, участливая «доброта» становится одной из самых модных масок эпохи. Во всех случаях инструментализации «языка заботы» его адресат сталкивается лишь с искаженными и бледными оттисками/отголосками кропоткинского/реклюзианского⁵ первоисточника (обычно даже неизвестного новым пользователям). Что это означает на практике? Вне зависимости от того, служит ли такой язык средством продать услуги или способом отточить модные реверансы новой социальной привлекательности, он оказывается гораздо опаснее холодного языка учреждений. Так, долго убеждая подойти ближе и открыться чуть больше, он, наследуя общей модальности капитала, точно так же бьет по лицу дверь с табличкой «Учет» – но с куда более близкого расстояния и потому куда чувствительнее. Что ж, с его генетическими предшественниками этот регистр языка вполне роднит то, что он составляет лишь инструментальную поверхность, за которой нет ничего, кроме пустоты и тотального безразличия. *Nothing personal, just business*. В этом смысле язык чиновника оказывается все же несколько честнее: по крайней мере он не притворяется, что ему не наплевать.

Аморфность современного капитала и его машинерии } зачастую не позволяет однозначно идентифицировать } именно рыночный характер каждой в отдельности } социальной интеракции. }

Кроме такого повышения уязвимости адресата, выхолощенный «язык заботы» имеет и другие последствия.

Во-первых, невозможность защищаться, когда «все так мило», хотя, казалось бы, что защита – это реакция на переход границ. Даже если такой переход замаскирован обезоруживающей речью, это не снижает его разрушительности. При этом соразмерно грубый ответ рискует выглядеть как хамство и нерелевантная агрессия – даже если его интенсивность не дотягивает до размера причиненного вреда. Эта когнитивная ошибка – одна из самых хищных ловушек эпохи приторного скрипта: даже опытных путников она подчас вынуждает к аварийному поведению.

5 Реклю Э. *Эволюция, революция и нравственные идеалы анархизма*. М.: Либроком, 2009.

Во-вторых, впервые знакомясь с «языком заботы» именно в поле капитала (а не по первоисточнику), сторонники альтернативных форм социальности не застрахованы от того, чтобы некритично перенести вместе с ним в коммуникацию и то, что в этом «языке» было не от первоисточника, а именно от капитала: лень и невнимательность ума, безразличие, цинизм и пустоту слащавой формы. Это создает риски вообще для всех, кто наберется решимости обратиться к альтернативным проектам социальности: натолкнувшись на привычный цинизм и холод с непривычно близкой дистанции, немудрено сделать вывод об утопичности таких проектов в целом. Не зная, какой путь проделал паттерн состоявшейся коммуникации, сложно заподозрить, что вначале он был похищен, затем разбавлен, а после возвращен – но уже в искаженном виде. Все как анонсировал в «Мифологиях» Ролан Барт⁶. Здесь-то и срабатывает эффект «бабочки Чжуан Цзы»: встречая дискурс о заботе чаще в бумажном макете, чем в подлиннике, но не имея надежных средств отличать один от другого, крайне затруднительно понять, когда и какие последствия ожидать и когда одни и те же слова означают солидарность, а когда блестящую приманку.

Что можно всему этому противопоставить?

Во-первых, *штирнерианскую*⁷ бдительность в защите собственной автономии и готовность отстаивать ее при срабатывании сигналов тревоги.

Во-вторых, *собственную осознанность в работе с регистрами языка* коммуникации. В этом смысле список языков, к которым совершенно незачем прибегать без злого умысла, однозначно следует дополнить мнимо заботливым языком гротескно вовлеченной бережности. Чаще вместо нее куда уместнее нейтральный язык уважительной, но конструктивной дистанции, умеющей считаться с чужими границами.

В-третьих, *социальную бдительность*: если «голос заботы» почему-то вдруг звучит из среды профессиональных работников, бенефициаров или просто невольных воспитанников капитала, принимать его за чистую монету довольно рискованно: слова о солидарности и взаимопомощи здесь – только статисты, обслуживающие символические (и не очень) иерархии.

В-четвертых, *внятные критерии отличия оригинала от копии*: в подлиннике слова о заботе, поддержке, братстве предполагают экзистенциальную ответственность и означают возможность вполне определенных дальнейших маршрутов. Например, доверительные интонации и формулы психологического груминга подразумевают наличие реального интереса и участия – и совершенно точно не стыкуются с внезапной отстраненностью

6 См.: БАРТ Р. *Мифологии*. М.: Академический проект, 2008.

7 См.: ШТИРНЕР М. *Единственный и Его собственность*. СПб.: Азбука, 2001.

чиновника, которому вообще-то совершенно все равно. Если это не выполняется, перед нами – муляж. И самое действенное средство против его очарования – требование непротиворечивости, предполагающее популяризацию первоисточников идей взаимопомощи и разоблачение эпизодов дискурсивной манипуляции этими идеями в имиджевых целях.

ФАМИЛЬЯРНОСТЬ VS БЛИЗОСТЬ

Обновленный «софт» капитала видоизменяет не только поверхности языка – убедительно имитируя все, чем он не располагает и о чем не имеет ни малейшего представления (заботу, солидарность и интерес). Трансформируется и сама хореография языковых ситуаций.

Логику, лежащую в основе этой новой версии, уместно сравнить с логикой азотистых удобрений, призванной ускорять процессы с возможностью пропустить утомительные и «лишние» стадии. Постиндустриальный капитализм вообще склонен помечать как «лишнее» все, что заставляет ждать и вдобавок не служит дофаминовым петлям капитала. Обычно – под предлогом, что «это уже не нужно, устарело, на это больше ни у кого нет времени». Несмотря на свою отталкивающую одиозность и вопиющую концептуальную несостоятельность, предлог этот каким-то магическим образом мгновенно и крайне успешно инсталлировался в самосознание современности – от садоводства до романтических отношений. Он-то и определил еще одну ключевую языковую подмену в самых разных коммуникативных интеракциях: непроговариваемую *подмену близости – фамильярностью*.

Алгоритм этой подмены примерно таков.

Шаг первый. Вместо речевой прелюдии, предвосхищающей встречу, – резкий залп сумбурной лести: «для разогрева». Не в силах устоять на ногах от неожиданности, адресат теряет управление собственными границами. Действительно, даже при полном равнодушии к лести выпутаться из нее крайне затруднительно – во всяком случае без риска репутационных потерь. С этой позиции оказывается грубым не только холодный ответ – пусть даже и релевантный реальному уровню близости оппонентов, – но также и ответ, просто более холодный по сравнению с предпринятым манипулятивным фейерверком.

Существует обширная антропологическая литература о подарках, которая берет начало от «Очерка о даре», написанного французским антропологом Марселем Моссом в 1925 году, и об «экономиках дарения», функционирующих на совершенно

иных принципах, чем рыночные экономики⁸. Так, испокон веков неожиданный дар закономерно вызывает в людях тревогу, страх и негодование: его негласно требуется не только отдарить, но и отдарить равноценно. Здесь-то нас и подстерегает опасность: в отличие от обществ, построенных на экономике дара, общество потребления не артикулирует шкалы эквивалентов подобных даров. Вместо этого оно устанавливает их произвольно и подразумевает имплицитно. В данном случае предполагаемый соразмерный подарок – шаг навстречу, пропускающий сразу серию этапов, необходимых и неизбежных при естественном развитии взаимодействия и одновременно трудоемких и значимых.

Шаг второй. Успешно срезав первый участок пути, можно переходить к следующему. Для этого очень эффективно дополнить огорошивающую лесть – сниженной (или даже обценной) лексикой, сленгом, сюсюканьем и прочими мнимо расслабляющими деталями, призванными установить панибратство задолго до того, как близкие к нему интонации вообще могли бы стать уместными при естественном ходе вещей. Это грубое наступление отразить еще сложнее, чем залпы лести: риск показаться в ответ холодным, безучастным и невежливым и погубить тем самым возможные «добрые отношения» в самом начале существенно возрастает. Однако, стараясь его избежать, быстро вязнешь в той же ловушке: еще один длинный участок пути срезан в кратчайшие сроки – с минимальными потерями для атакующего.

Шаг третий. До полной власти над своим адресатом ему остается лишь нарушить его оцепенение горстью разнообразных интимностей: приторных картинок в переписке, фамильярных признаний, вопросов и образов. И после этого уже вполне беззастенчиво требовать усердия в поиске форм взаимности – чтобы не показаться «бесчувственным» и «неблагодарным». Этот короткий путь «через пустырь» хорошо знают начальники и начальницы «новой волны»; знают его и другие жрецы и жрицы капитала, уверенно плавающие в его водах, постоянно меняя обличия. Об этом алгоритме важно знать несколько вещей.

Первое. Ни за одним из подобных нарративов не стоит ничего, что имеет в виду либертарный первоисточник, к которому они с той или иной степенью отчетливости косвенно отсылают. Неважно, называют они его абстрактно «человечностью» или же более конкретно – «нашими очевидными анархистскими ценностями» (разумеется, не утруждая себя прояснением этой мнимой очевидности реальным знакомством с традици-

8 См.: ГРЭБЕР Д. *Долг: первые 5000 лет истории*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

ей). Все это – лишь слепки поверхностей, тактическая мимикрия хищника, созвучная последним трендам на социальную привлекательность.

Второе. Фамильярность всегда похожа на шантаж и всегда обязывает. Но часто она манипулятивна злонамеренно и прекрасно осведомлена о том, как именно выбивает почву из-под ног у своего адресата. Принудить к покупке, завлечь в услужение, сделать обязанным и вынудить откупаться или оправдывать доверие, просто нарциссически использовать для собственного имиджа – возможных проектов у этой манипуляции множество, особенно в эпоху господства репрезентации. Коммуникация же, и тем более адресат, здесь – лишь средство, расходный материал. Расходные материалы взаимозаменяемы, и, главное, о них *не сожалеют*.

Третье. Инерции языка сильны, поэтому вполне реально усвоить именно этот трендовый паттерн непреднамеренно. В этом смысле одному из сюжетов рефлексии о языке следует быть таким: каждый раз попадая в воронку неуместной фамильярности, пестрящей с самой первой встречи вычурной лестью, сердечками и умилительными гифками, не лишне сканировать происходящее на предмет скрытой заинтересованности собеседника в сближении без вызревания реальной связи – обременяющей трудом ума и обязательствами.

Постиндустриальный капитализм склонен помечать как «лишнее» все, что заставляет ждать и вдобавок не служит дофаминовым петлям капитала. Обычно – под предлогом, что «это уже не нужно, устарело, на это больше ни у кого нет времени».

Если такой интерес все-таки не обнаруживается, вероятно, этот режим речи выбран «по умолчанию». В этом случае можно пытаться уйти от него по обоюдному согласию. Замечая же подобные автоматизмы за собой, стоит задаться вопросами: не опережает ли такой интимничающий язык своими императивами взаимности естественного *созревания* отношений? А также: не свидетельствует ли интуитивный выбор именно этого типа речи о безотчетном запросе на солидарность – и в целом на общество либертарного типа? Если да, то как реализовать эти побуждения более подходящим и уважительным способом? А если нет и атмосфера солидарности нам менее симпатична, чем имперсональные ритуалы корпораций, то тем более: они куда последовательнее без неуклюжих заимствований из анархистской традиции.

МАРИЯ РАХМАНИНОВА
ПРИТОРНЫЙ СКРИПТ
И МАШИННЫЙ ХОЛОД...

INTER-ESSE VS DAS MAN

Итак, квазигоризонтальные скрипты на входе, фамильярность при подсоединении – чем еще замечательны новые тренды коммуникации? Из первых двух элементов следует еще один – важный уже не столько для участников, сколько для самого высказывания: *вымывание смысла*.

Имитация интереса становится первым шагом в имитации *близости*. Общей для обеих оказывается реальность абсолютного безразличия. «Ваш звонок очень важен для нас, мы вам обязательно перезвоним», «расскажите, что вы чувствуете...» и прочие фигуры речи все больше напоминают то ли секс по телефону, то ли разговор психиатра с пациентами психбольницы.

Часто эта интонация выбирается в качестве магистральной для целых образовательных курсов. В этих случаях гротескный и инфантилизирующий груминг нередко дополняется снижением уровня материала и каждого отдельного высказывания в нем – до буквально дошкольного (включая тренд на модные тик-ток тайминги). В последние годы эта интонация все больше захватывает медиaprостранство, поразительно успешно становясь новой нормой; а языковой формат, выхолощенный до уровня словарного запаса младшей школы, уверенно вытесняет прежний лексико-грамматический стандарт носителя языка.

В этом смысле имитация горизонтальности оказывается вдвойне парадоксальной: во-первых, патерналистский тон – мягко говоря отнюдь не горизонтален; во-вторых, презумпция умственной неполноценности и неспособности понимать язык на уровне носителя совершенно точно не похожа на «общение на равных» (якобы подразумеваемое дискурсами о социальной справедливости и горизонтальности, за которыми теперь принято стыдливо скрывать кухню современного капитала). Инфантилизация оппонента во все времена служила одной-единственной цели – снизить значение его речи. Нет причин, по которым это могло бы вдруг начать работать иначе.

Таким образом, в совокупности с бюрократическим безразличием, тщательно прикрытым приторными скриптами, инфантилизация довершает герметичность «невстречи»: заведомо отдаленное и равно незначимое любое высказывание в этой коммуникации оказывается обреченным на неразличимость. Важны лишь две вещи: а) выполнен ли ритуал, б) решена ли исходная задача, ради которой был запущен весь протокол.

С одной стороны, эта логика не нова: за какие-то сто лет она выжгла дотла большую часть плодородного академического поля – и притом не только в России, но и во всем мире. Скука заполнила аудитории и конференц-залы. Теперь ожидание ко-

фе-брейков мало чем отличается от ожидания пятниц в мире офисов и белых рубашек. Неважно, что написано в обсуждаемой статье, диссертации, книге – скорей бы фуршет. Ради него мы, так и быть, даже готовы соблюдать утомительные системы языковых приличий. Среди этой пустыни экзистенциальной ситуации *Inter-esse* (буквально: «внутри-бытию») – попросту негде случиться. «Вбытийствоваться» в смысловую констелляцию – задача, требующая и владения «протоколами» интереса, и внутреннего труда, и согласия между языком и содержанием высказывания. Такой синтез – не самый доступный навык эпохи *reels* и *ChatGPT*.

С другой стороны, кое-что новое в этой логике все-таки появилось: прежняя имитация осмысленности сменилась новой имитацией – участия и искреннего вовлечения. Такое усиление иллюзии присутствия оказалось действенным средством, чтобы наверняка избежать возрастающего риска разоблачения, неизбежного при все более очевидной и повсеместной энтропии систем, претендующих на смысл. В самом деле, громкие фейерверки заглушают бессодержательную тишину – и весьма убедительны для имитации участия. Однако, если приглядеться к каждой такой обратной связи, она никогда по-настоящему не соотносится со сказанным, но всегда оказывается абстрактно-описательной, заверяющей и грохочущей обезоруживающей лестью, после которой будто бы уже и нечего ни добавить, ни спросить. Что ж, это не странно: уважение и подлинное участие предполагают труд внимания и время на вникание; залпы конфетти прямо в лицо позволяют опустить этот утомительный этап – и вернуться к своим делам как ни в чем не бывало.

В этом смысле гипертрофированная имитация открытости в действительности парадоксально оказывается лишь ширмой для предельной замкнутости, надежной защитой от встречи с чужими мыслями, смыслами и миром как таковым. Уютный и переливчатый пузырь – не это ли идеальная модель для описания новых типов (не)присутствия в мире и отталкивания его прочь? Не это ли – безупречный фрейм для эпохи репрезентации и нарциссизма, фрустрируемого всем, что отвлекает его от самого себя? Тотальность такой поверхности позволяет различать в мире, во-первых, только зеркало, во-вторых, только тогда, когда и это не лень.

Как выйти из этого порочного круга? Без тотальной смены консенсуса культуры о языковых регистрах это едва ли возможно. Однако уберечься от опустошительности ее безразличия и не стать точкой его воспроизведения и расширения вполне реально. Главные шаги на этом пути: во-первых, готовность встретиться в живом вопрошании/слушании и сопутствующий труд внимания, мысли и чувства; во-вторых, нали-

чие содержательной обратной связи, свободной от блестящих скриптов, неправдоподобно и пошло имитирующих восторг и признание.

Гипертрофированная имитация открытости в действительности парадоксально оказывается лишь ширмой для предельной замкнутости, надежной защитой от встречи с чужими мыслями, смыслами и миром как таковым.

АФФЕКТИВНОЕ VS ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ

Одно из определяющих оснований всех перечисленных подмен – повсеместное концептуальное смешение экзистенциального и аффективного. Что сделало его возможным? Начавшаяся после Первой мировой ревизия современной картины мира – всесторонне дискредитировавшая себя опытом катастроф XX века. То, о чем давно предупреждали противники амбициозного проекта Просвещения, случилось: у ученых снова и снова получалось в основном лишь оружие (с каждым разом все более разрушительное) – и всегда как бы отдельное от тех, кто его производит, заряжает и применяет.

В этой катастрофической точке, наконец, встретились и объединили свои теоретические перспективы моральная философия и критика технократического разума. Оказалось, что у них много общего и в качестве драйвера мышления «эффект дистанции» (осмысляемый в том числе Зигмунтом Бауманом⁹) неплохо устанавливается именно определенным порядком технического праксиса. Все это запустило масштабные процессы в философии науки: переосмысление самих оснований эпистемологии вначале одиночками вроде Пола Фейерабенда, а затем постепенно и академическим консенсусом перезагрузило статусы многих элементов инфраструктуры знания. В частности, значимости не только мыслящего, но и чувствующего смыслополагания.

Пожалуй, именно его можно назвать ключевым драйвером экзистенциального отношения: действительно, как учение экзистенциализм возникает между Первой и Второй мировыми войнами – аккуратно в момент утраты европейским миром прежних смысловых ориентиров и констант. Опыт катастрофы обнажил таившийся за ними абсурд и поставил европейские

9 БАУМАН З. *Актуальность Холокоста*. М.: Европа, 2010.

общества перед необходимостью искать альтернативные протоколы смыслопроизводства.

Однако, подхватив тренд на реабилитацию чувства как нового значимого элемента ситуации философского мышления, капитал, как обычно, без смущения присвоил его, оснастив переводом на собственный язык. В ходе этого перевода компонент философского мышления загадочно исчез, оставив реабилитированное *чувство* в полном одиночестве и тем самым фактически сведя его к голому, наэлектризованному и беспомощному *аффекту*.

Долгие истории редко кто помнит целиком. Если сегодня заявить, что реабилитация чувственности и индивидуальности в эпоху эпистемологического переворота заключалась именно в этом, мало кто заметит подвох: «да, что-то такое было и, кажется, примерно так».

Однако лишенный философского мышления аффект – это просто смутный эффект поверхности, раздраженной приятным/неприятным воздействием или собственным влечением. Кажется, именно через эту дверь приятное и неприятное незаметно проникают на место прежнего бинаризма истинного/ложного, ничуть не смущаясь поверженностью бинаризмов в войнах постмодерна. Только теперь, вместо священника или ученого, они призывают в свои защитники психолога. Отныне в респектабельные одежды *значимого* может рядиться любое полуосмысленное желание или раздражение, примеряя на себя красивое имя «экзистенциального».

При этом крайне показательно, что последователи культа аффекта первым делом принимают за косплеить философов прошлого и вместо того, чтобы освободить философию от монополии власти (или хотя бы просто последовательно отстраниться от нее и придумать собственные языки), принимают за увлеченно наряжать блестками ее пыльный инструментарий, все подряд называя «рефлексией» и «инсайтом».

В сущности, эта игра с переозначиванием житейского опыта наукообразными эвфемизмами могла бы оставаться просто детской шалостью. Но языки перформативны – особенно языки власти и иерархии. Если, по замечанию Бакунина, прикасаясь к власти, даже Прометей становится Цезарем – не удивительно, что, оборачиваясь языками прошлого, некогда встроенными в иерархии, инфантильный культ безотчетного аффекта начинает повелевать, некритично ретранслируя весь протокол целиком, а не только его философскую часть. Не нужно быть Ортегой-и-Гассетом, чтобы расслышать в этих процессах предвестье платоновского рождения тирании из демократии – особенно потому, что именно язык превосходства и значимости был не отброшен (например, чтобы освободить философию от

монополии академии), но *перекроен*. Это из него в последние годы наспех рождается новый метатекст, призванный залатать неприглядную брешь в дискурсе аффекта о себе как об экзистенциальном и правомерном – во всяком случае после краха модерности как проекта.

Эта заплатка кроится из новой подмены. Чтобы и дальше разыгрывать карту реабилитированного чувства, нужно как-то, наконец, обосновать самоназвание «экзистенциальный»: располагая одним лишь голым аффектом, это невозможно делать слишком долго. Как-то нужно ввести в игру фигуру смыслопроизводства. Спасительное решение находится в хитроумном трюке: чтобы избежать действительного возвращения чувству философского мышления (это немало расстроило бы современную машинерию власти), можно добавить компонент смысла не внутрь бытийной конструкции – к чувству, но в качестве обертки – ко всей ситуации, в которой чувство одиноко и сведено к аффекту.

Например, так: «Этот аффект имеет *смысл*, потому что...». Что здесь произошло? Ловкость омонимии – и никакого мошенничества: *смысл* как производящий элемент ситуации, как мышление, сообщенное самому чувству, и *смысл* как оценочная, ценностная характеристика – вещи очень разные. Слово же при этом одно. Как многое теперь становится возможным! Даже высказывание: «Наши чувства – единственное, что имеет смысл!». Любой софист мог бы гордиться такой риторической победой: и компонент смысла формально показан, и аффект по-прежнему отключен от философского мышления и чувствующего смыслопроизводства, и, главное, отброшена необходимость разбираться с тем, что оно вообще когда-то означало и как иначе могло быть освобождено от монополии систем власти. Короче говоря, бартовское «похищение» языка снова выполняется – и снова в интересах хищных дискурсов.

Главный из них – на поверхности: манипуляция всегда обращена именно к аффектам. Ее и саму можно определить как принуждение к эмоциям, в особенности там, где они неуместны (вообще или в конкретной комбинации/интенсивности). Значимость простых аффектов для принципиального срабатывания манипуляции отмечают подавляющее большинство специалистов по техникам и психологии коммуникации¹⁰. В этом

10 См., например: Сидоренко Е.В. *Тренинг влияния и противостояния влиянию*. СПб.: Речь, 2004; AVOID R. *What's Wrong with Manipulation in Education?* // *Philosophy of Education*. 2021. Vol. 77. № 2. P. 66–80; Buss S. *Valuing Autonomy and Respecting Persons: Manipulation, Seduction, and the Basis of Moral Constraints* // *Ethics*. 2005. Vol. 115. № 2. P. 195–235; MORENO BELLO Y. *Interpreting at War: Fighting Language Manipulation* // RAQUEL LÁZARO GUTIÉRREZ Y OTROS (Eds.). *Investigación emergente en Traducción e Interpretación*. Granada: Editorial Comares, 2015. P. 116–128; MAKOWSKI J. *Zum Wesen der Sprachmanipulation. How Not to Do Things with Words. Beiträge zur Sprache in Politik, Recht und Werbung* // *Zeszyty Naukowe Wszechnicy Polskiej*. 2011. № 7. S. 75–88; и другие.

смысле именно эмоция оказывается предпочтительной средой разворачивания манипуляции, и, чем большей будет ее территория по сравнению с мышлением, тем выгоднее и перспективнее позиция манипулятора. При этом сами аффекты как явления (и их более мыслящую разновидность – чувства) винить в этом неправомерно: в данном случае речь идет лишь о стратегии игры ими как фигурами.

МАРИЯ РАХМАНИОВА
ПРИТОРНЫЙ СКРИПТ
И МАШИННЫЙ ХОЛОД...

**Не удивительно, что, оборачиваясь языками
прошлого, некогда встроенными в иерархии,
инфантильный культ безотчетного аффекта начинает
повелевать, некритично ретранслируя весь протокол
целиком, а не только его философскую часть.**

С этим обстоятельством связан мощный тренд на чувственность (мнимо освобождающий и раскрепощающий). Системы власти научены горьким опытом открытой игры и теперь вовсю соблюдают меры предосторожности, охотно пользуясь овечьей шкурой: под видом «преодоления опасных тенденций рационализма модерности», они не просто делают все, чтобы легитимно отключить системы мышления в целом, с фанфарами водружая на их место системы аффектов. Параллельно, в духе фукольдической истории о стерилизации городских пространств и исчезновении потайных углов, под видом «эмансипации телесности» они включают техническое освещение всюду, где могла укрыться интимность, и помещают ее под прожектор всеобщего наблюдения. В своей работе «24/7. Поздний капитализм и цели сна» Джонатан Крэри пишет: «Фармацевтическая промышленность в сотрудничестве с нейробиологией дает яркий пример финансиализации и экстернализации того, что некогда считалось “внутренней жизнью”»¹¹.

Декларативно этот жест преследует, разумеется, исключительно благие цели: освобождение сексуальности, политическое осмысление тела, раскрепощение и так далее. Но в целевой среде хлор убивает не только бактерии, а вообще все живое. Интимность исчезает вслед за последними структурами уединения и дистанции. А вместе с ней – и огромное множество чувств и эмоций (еще одно противоречие в софистике капитала, апеллирующей к значимости чувств). Их утрата сопровождается, однако, смутным воспоминанием/подозрением об их значимости. Что будет делать человек, застигнутый этим внезапным опустошением? Где и в чем будет искать компен-

11 Крэри Дж. *24/7. Поздний капитализм и цели сна*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. С. 49.

сацию этих интенсивных состояний? Кажется, ответ очевиден. И вот, бенефициаром разворачивающейся драмы становится уже не только фармацевтическая промышленность, беспрецедентно разбогатевшая на распространении аддикций от своей продукции с момента популяризации дискурсов об аффектах и расстройствах, но также и известный черный рынок, лоббируемый правительствами государств по всему миру.

Действительно, бесперебойность, переменчивость и интенсификация знания о все новых тревогах, желаниях и диагнозах не может не обращать на себя внимания. Кажется, именно здесь, выражаясь языком Альтюссера, протекает заключительный процесс интерпелляции¹². Запуск новых универсальных коктейлей химических элементов гарантирует обезличивающую унификацию внутренних ландшафтов и обеспечивает усредненную гомогенность аффективного, экзистенциального и телесного опытов. Так, индивидуальное без остатка размывается в социологическом. А поскольку оно, как мы увидели выше, отныне транспарентно, место возможного своеобразия, волеизъявления и вообще отклонения оказывается чисто технически невозможным. Будучи поймано, растворено «коктейлями тревоги» и «коктейлями радости», индивидуальное тонет в коллективном – вместо того, чтобы напитываться новыми соками от сил единства и солидарности и взаимно питать их. Теперь на индивидуальности друг друга не просто не остается времени – как это было в позднеиндустриальную эпоху, – отныне из них вымываются самые основания своеобразия, могущего вызывать интерес. Так, исполняется дурное чаяние Сартра: разделенные коконами скуки, с одной стороны, и тотальной предсказуемости, с другой, Другие действительно становятся «адам».

Из этого положения уже не заметить, как вмененный аффект в самом деле начинает учиться гротеску у «химических штормов», стирающих контуры островов; как живая речь подменяется роботическим скриптом (о чем уже давно тревожатся художники – от Авербаха до Лапенко); как на шее пойманного в ловушку и опустошенного инфантильного субъекта все больше затягивается дофаминовая петля. Ценность такого химического протокола для капитала – на поверхности, Джонатан Крэри описывает ее так:

«Всеобщая похоть – один из неизбежных результатов глобального масштаба рассматриваемых рынков и их зависимости от последовательных или предсказуемых действий больших групп населения. Это достигается не путем создания одинаковых индивидов, как утверждали теоретики массового общества, а путем уменьшения или устранения различий, сужения диапазона форм поведения,

12 Альтюссер Л. *Идеология и идеологические аппараты государства* // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 14–58.

которые могут эффективно или успешно функционировать в большинстве современных институциональных контекстов»¹³.

МАРИЯ РАХМАНИНОВА
ПРИТОРНЫЙ СКРИПТ
И МАШИННЫЙ ХОЛОД...

Таким образом, сведение экзистенциального к аффективному, а также стирание из мира и из взаимодействия *интимности* через подмену пустым фамиллярным *интимничаньем* оказываются лишь половиной беды. Второй половиной становится фармацевтическая/наркотическая стандартизация полотна аффектов, оторванных от философского мышления под благовидным предлогом борьбы с инерциями Просвещения.

Индивидуальное тонет в коллективном – вместо того, чтобы напиваться новыми соками от сил единства и солидарности и взаимно питать их. Теперь на индивидуальности друг друга не просто не остается времени, отныне из них вымываются самые основания своеобразия, могущего вызывать интерес.

Главный итог этих манипуляций с субъектностью – ее максимальная усредненность и предсказуемость (на основании известных свойств и эффектов химических веществ и их комбинаций). Никаких отклонений и случайностей – ни изнутри, ни извне: любой опыт, отличный от допустимого системой, недоступен и субъективно (индивид тотально перекроен), и объективно – будучи тщательно дискредитированным как «устаревший», «ненужный», «сомнительный» и так далее. Так мы оказываемся надежно заперты в тюрьме вмененных аффектов – принуждены желать, томиться и страдать по одному на всех протоколу. Точно ли это – то самое освобождение от досадных инерций модерности, именем которого все затевалось?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И люди, и созданные по их образу и подобию машины принципиально обучаемы. Обучаемы и системы, возникающие из симбиозов их активностей. Особенно внимательны среди них системы власти – самые нарциссичные и потому ни на минуту не способные забыть о себе в акте познания. XX век многому научил и первых, и вторых, и третьих. Поэтому поле, на котором игра ведется сегодня, неизмеримо сложнее прежних и не-

¹³ КРЭРИ Дж. *Указ. соч.* С. 50.

измеримо многослойнее. Репрезентация – в качестве главного алгоритма присутствия в этом поле – поглотила не только политику: еще во времена Франкфуртской школы *кажимость* начала вытеснять более очевидный регистр отчужденного бытия – *обладание*. С тех пор она многократно усложнилась и определила ценностные ориентиры культуры эпохи виртуальной реальности. Фактически это означает, что теперь мы на каждом шагу вынуждены продираться через все ее уровни, с трудом различая ее ловушки и мистификации, ее зыбкие контуры и плотности.

В этом эссе мы уделили внимание некоторым из них. Прежде всего – расположенным в области коммуникации: повседневной, деловой, активистской или романтической. Рассмотрев трансформацию коммуникативных сценариев на языковом, философском и психологическом уровнях, мы нащупали и предварительно обозначили некоторые противоречия новых манипулятивных сценариев взаимодействия, которыми пользуются системы власти и которым они незаметно обучают всех остальных. При этом общим для всех рассматриваемых нами процессов на всех уровнях оказывается механизм подмены, фальсификации, мимикрии (впрочем, закономерный в эпоху *кажимости/репрезентации*).

По-видимому, если альтернативный ему протокол возможен, то он связан с тривиальным философским противопоставлением *бытия – кажимости, а со-присутствия – репрезентации*. Но на сей раз – на нетривиальных основаниях и с нетривиальных ракурсов. Для того, чтобы принять этот вызов, не лишне обзавестись картами сейсмоактивности действующих в этом пространстве типов власти и ее утилизирующих протоколов (их черновой набросок и был одной из главных задач эссе). Таким видится нам предварительный шаг к отмене совершаемых подмен и противопоставлению диалектической логики циничной и опустошительной «логике азотистых удобрений».

В широком смысле это требование следует отнести к глобальному проекту реабилитации и возвращения сложности (о котором сегодня все чаще говорят философы и художники всего мира – от Петра Рябова до Франклина Фоера и Джонатана Крэри). Применительно к коммуникации это означает требование развития любой близости (профессиональной, дружеской и прочих) из медленного движения взаимного бытия и языка в сторону возрастания. Такое развитие невозможно без усложнения экзистенциальных связей, взаимного интеллектуального вовлечения и кропотливого труда причастности.

Однако эта динамика не исключительно субъективна: для нее важны и некоторые условия объективной реальности. Среди прочих – противостояние нарастающему тренду на стериль-

ную транспарентность городских/межличностных/внутренних пространств. Первый регистр осмыслен и помещен в карантин еще Фуко¹⁴; два других все еще слабо проблематизированы и присутствуют в культуре главным образом под видом освободительных тенденций. Отчасти действительно располагая эмансипаторным потенциалом, преимущественно именно они ответственны и за мимикрию фамиллярности под близость, и за подмену экзистенциального беспомощно-аффективным.

Другим важным объективным условием (впрочем, тесно связанным с транспарентностью) оказывается мода на ультимативную тотальность аффекта. Вглядываясь в нее, несложно разглядеть довольно бесхитростный протокол ее императива минус-субъектности. Под благовидным предлогом борьбы с «хищной рациональностью проекта модерна» индивид дискурсивно сводится к полю аффектов. Эта редукция сопровождается убедительным побуждением его исчерпывающе узнавать себя в этой новой идентичности и описывать себя в ее соблазнительных терминах: «я есть то, что я ощущаю». Поскольку аффект – системообразующий драйвер манипуляции, такое принятие фактически равнозначно новым, беспрецедентным степеням уязвимости. Отсюда до полной подчиненности такого индивида ровно один шаг: остается лишь поместить шаткую поверхность под его ногами в напряжение между фрустрацией тревоги, желанием удовольствия и скукой отключенного ума. В этом направлении успешно состязаются маркетинг и идеология.

Что можно противопоставить всем этим новым вызовам в глобальном смысле? И что может включать в себя затронутый проект «реабилитации сложности»?

Во-первых, определение, наблюдение, разоблачение и приостановку как можно большего числа роботических режимов подмены: в языке, коммуникации и смыслопроизводстве – независимо от того, ангажированы они внешними системами власти или же без злого умысла запускаются через инерции культуры.

Во-вторых, масштабное возражение роботическому скрипту аналоговым языковым бытием – способным к спонтанности, новизне и свободе. Иначе говоря, бытием и мышлением за пределами зацикленного искусственным интеллектом выбора из двух готовых вариантов, загруженных политически небеспристрастными системами внешних данных.

В-третьих, противостояние транспарентности внутренних, межличностных и внешних ландшафтов. С одной стороны, для сохранения режима интимности, позволяющего вызре-

14 Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 161.

вать смыслам и интенсивностям; с другой, для защиты индивидуального от растворения в универсальном и усредненном протоколе коллективного – в равной степени безразличного и к личности, и к солидарности, и к миру в целом. Напротив, тотальная прозрачность обеспечивает машинную предсказуемость, мешающую предполагать в индивидах, коллективах и ситуациях как своеобразие, так и ценность.

В-четвертых, борьбу за возвращение сложности на место плоских клише, вмененных под предлогом «естественного упрощения культуры» (с которым почему-то требуется считаться как с безобидным природным явлением). Однако необязательно быть Джеймсом Скоттом, чтобы понимать: чем проще ландшафт, тем сложнее в нем укрыться от ока власти и ее манипуляций. Области языка, коммуникации и мышления – одно из основных мест сражений с ее системами. А значит, для них это верно прежде всего.

Перечисленные маршруты – далеко не единственные, но вполне подходящие для глобальной консолидации против технически оснащенного противника, служащего старым богам.

Историческая репрезентация *revisited* – кейсы

АНАТОЛИЙ
КОРЧИНСКИЙ

Историческая репрезентация – старая тема, пережившая в конце XX века во многом губительную для своего научного статуса моду¹, – кажется, может приобрести новое звучание в эпоху актуального теоретического поворота к реалистическим и материалистическим установкам в гуманитаристике и социальных науках². Сегодня некоторые авторы предлагают отказаться от этого понятия и заменить его чем-то другим³, а некоторые призывают обратиться к более глубоким уровням функционирования *представлений*, вспомнив, что за чисто семиотическими и изобразительно-миметическими аспектами *знака* и *образа* стоят сложные и неочевидные процессы, связанные с воображением⁴, материально-телесной вписанностью репрезентирующего и репрезентируемого в охватывающий их план бытия⁵,

- 1 Гинзбург К. *Репрезентация. Слово, идея, вещь* // Он же. *Деревянные глаза. Десять статей о дистанции*. М.: Новое издательство, 2021. С. 143.
- 2 Деланда М. *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 7–15.
- 3 Ямпольский М. *Без большой теории?* // Новое литературное обозрение. 2011. № 4(110). С. 59–83.
- 4 Iser W. *Das Fiktive und das Imaginäre. Perspektiven literarischer Anthropologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.
- 5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 614; Ямпольский М. *Без большой теории?*

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

*Анатолий Корчинский
(р. 1980) – филолог,
заведующий кафедрой
теории и истории
гуманитарного знания
Российского государ-
ственного гуманитар-
ного университета
(Москва).*

аффективными потоками⁶, динамической природой знаков и образов⁷ и тому подобное. Кажется, второй путь интереснее и продуктивнее – тем более, что уже выдвигаются новые аргументы в защиту репрезентации как объекта и предмета современных исследований⁸.

Иногда развитие самих репрезентативных практик и их теоретической концептуализации предстает как линейная история взлета и падения репрезентации. С этой точки зрения оказывается, что художественная репрезентация переживает свой расцвет в классическом искусстве и – соответственно – свой закат в искусстве модернизма и авангарда, начавшийся, однако, уже в романтизме⁹. Точно так же историческая репрезентация выглядит теряющей значение с началом эрозии современного историзма в его доминирующей форме и набившей оскомину в так называемом «постмодерном» дискурсе, прославленном своими эпистемологическими и этическими тупиками. Но сегодняшняя презентистская ситуация странным образом способствует тому, чтобы начать мыслить судьбу историзма и исторической репрезентации менее поступательно и, может быть, более комплексно¹⁰, учитывая, в частности, не только собственно академическую историографию, но и иные исторические культуры¹¹, которые оказываются богаты как всевозможными образами исторической памяти, так и эвристическими приемами, обнадеживающими относительно исторической правды¹². Причем интересно, что в такой нелинейной перспективе, допустим, современное искусство (будь то реализм или авангард) может оказаться совсем не могильщиком исторической репрезентации, а мощнейшим ресурсом ее саморефлексии¹³, не столько переводом исторических тем в актуальную повестку¹⁴, сколько указанием на онтологическую действительность исторического мира¹⁵, который представляет собой «пространство исто-

6 Кобылин И.И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25–38.

7 ПЕТРОВСКАЯ Е. *Теория образа*. М.: РГГУ, 2010; Она же. *Возмущение знака. Культура против трансценденции*. М.: Common place, 2022.

8 ГАРСИЯ Т. *В защиту репрезентации* (<https://s357a.blogspot.com/2019/02/blog-post.html>).

9 Ямпольский М. *Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

10 ANKERSMIT F. *The Necessity of Historicism* // Journal of the Philosophy of History. 2010. Vol. 4. № 2. P. 226–240; BEVIR M. *Historicism and Critique* // Philosophy of the Social Sciences. 2015. Vol. 45. № 2. P. 227–245; Олейников А. *Современная историчность и политика времени*. 2021 (<https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni>).

11 RÜSEN J. *Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken* // Fühmann K., GRÜTTER H.T., RÜSEN J. (Hg.). *Historische Faszination. Geschichtskultur heute*. Köln: Böhlau, 1994. S. 3–26; WOOLF D. *The Social Circulation of the Past*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

12 БЕНН С. *Одежды Клио*. М.: Канон Плюс, 2011. С. 65–101; Годфри М. *Художник как историк*. М.: V–A–C Press; Artguide Editions, 2021. С. 5–21.

13 АНКЕРСМИТ Ф.Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Канон Плюс, 2009. С. 205–212.

14 УАЙТ Х. *Практическое прошлое*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

15 РИКЕР П. *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 396.

рически обусловленных возможностей»¹⁶, то есть характеризуется контингентностью как одним из базовых критериев материальной реальности.

Важно при этом, что подобная *третья* теория исторической репрезентации, возникающая после – а вернее, около – судя по всему, должна быть не только реалистической, но и этической, и политически заряженной. Не случайно Беньямин и Агамбен говорят о мессианском прочтении прошлого как истории угнетенных, Гинзбург и Рикёр обосновывают свою онтологию исторического ссылками на невозможность сомневаться в событии Холокоста, поздний Уайт настаивает на практическом измерении исторического опыта и так далее. Более того, судя по всему, именно сегодня и именно в контексте новых реалистических и материалистических онтологий становится возможным не противопоставлять субъект и объект исторической репрезентации, понимая всю силу собственной вовлеченности историка или художника в исторический процесс, свою неотделимость от прошлого (и будущего). Это, в частности, позволит приблизиться и к пониманию самого феномена репрезентации в контексте нашей исторической «современности». Игорь Кобылин пишет, анализируя концепцию репрезентации Тимоти Митчелла:

«“Современность” как репрезентация, маскирующая свою непристойную колониальную изнанку и свои множественные, разбросанные по всему миру истоки, может быть разоблачена только из “модернистской” же перспективы, конституированной сущностным разрывом “представления” и “реальной” действительности. “Модерн” как различие не дает натурализоваться “модерну” как идеологической симуляции. Мы являемся “нововременными” именно в тот момент, когда замечаем, что не были ими»¹⁷.

Нижеследующая подборка, будем надеяться, станет началом регулярных разговоров о различных аспектах исторической репрезентации на страницах «НЗ». Она представляет собой небольшую серию кейсов, представленных на одноименном научном семинаре, который проводится в Российском государственном гуманитарном университете с 2023 года. Главный интерес настоящих и будущих исследовательских опытов – то, как в текстах и других культурных артефактах разных эпох создаются образы исторического мира (времени, пространства, людей, культурных и природных объектов) и исторического опыта. В работах предполагается исследовать, как устроено

16 Гинзбург К. *Судья и историк*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 117.

17 Кобылин И. *Модерн против модерна: «современность» как двойное различие* // Неприкосновенный запас. 2014. № 6(98). С. 146.

историческое воображаемое и способы его символической фиксации.

Семинар как исследовательский проект посвящен пересмотру аргументов, касающихся старой проблемы, обрисованной выше: как возможны представления *об истории* / представления *истории* в различных дискурсах и медиумах. Как уже отмечено, в последние десятилетия имеет место весьма неоднозначное отношение к этой теме: от крайнего скепсиса и требования нерепрезентативного подхода к истории до апологии номиналистского пафоса в области построения вероятностных картин прошлого или же – собственно реалистических интервенций.

Современное искусство может оказаться совсем не могильщиком исторической репрезентации, а мощнейшим ресурсом ее саморефлексии, не столько переводом исторических тем в актуальную повестку, сколько указанием на онтологическую действительность исторического мира.

Предмет нашего интереса не только и не столько академическая историография, сколько альтернативные, в том числе маргинальные, формы фиксации исторического опыта: литература и другие искусства, эго-документы, визуальные, аудиальные и иные материальные практики современной (и не только) культуры. В этом номере «НЗ» представлены три работы, которые объединяет попытка проблематизировать историческую репрезентацию в русской (и отчасти европейской) литературе 1920–1940-х.

Алексей Масалов в очерке «Революционные онтологии и историческая репрезентация: “Ладомир” Велимира Хлебникова и “О понятии истории” Вальтера Беньямина» замечает любопытную рифму между моделированием истории в двух великих текстах литературного и философского авангарда. На первый план выходит поэтическая критика и радикальная трансформация историзма и исторической репрезентации, в том числе внутри той самой традиции, в которой работают поэт и мыслитель, – марксистского исторического материализма. Исследователь отмечает, что при всех различиях между произведениями, в частности, утопизмом первого и катастрофизмом второго, в них есть существенная общность:

«[Оба] приходят к сходному пониманию революционной онтологии, в которой реальное и виртуальное переплетаются в мессианском

времени, одновременно катастрофическом и освободительном, тем самым развивая – каждый по-своему – марксистскую концепцию истории».

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
REVISITED – КЕЙСЫ

Наталья Бакшаева в статье «Болшевская коммуна: эго-документ в контексте исторической репрезентации» на материале архивных источников, в частности, дневника руководителя коммуны для перековки юных преступников Сергея Юрина, исследует дискурсивную специфику эго-документа, реконструируя очертания моделей пространственно-временного конструирования воображаемой общности, а также приемов построения культурной памяти о феномене коммуны в годы после ее ликвидации. Основной исследовательский сюжет статьи не в том, насколько подлинным оказывается источник, а в том, как выстроенный в нем нарратив интегрируется в советский мемориальный и историографический дискурс.

Иван Савушкин в работе «“Не та Россия”: апофатическая стратегия репрезентации в эго-документах русского зарубежья» ставит проблему особого измерения дневникового письма, которое отчетливо коррелирует с художественно-публицистическими попытками русских эмигрантских писателей выстроить ретротопическую картину утраченной России и отличается структурной негативностью, напоминающей апофатический метод описания, принятый в богословии. Отсылка к апофатике оказывается тем более уместной, что выстраиваемая и переживаемая ретротопия основывается на мощном импульсе сакрализации этого воображаемого хронотопа эмигрантов и резонирует с их восприятием истории.

Революционные онтологии и историческая репрезентация:

«Ладомир» Велимира Хлебникова и «О понятии истории» Вальтера Беньямина

Алексей Масалов (р. 1994) – филолог, критик, куратор, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Исторический материализм закрепился как одна из центральных идей марксистской философии и часто трактуется в рамках оппозиции идеального и материального. Такую трактовку, например, дает Ленин и следующая ему советская традиция, которая понимает историческое развитие у Маркса так:

«[Движение] к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества»¹.

В этом плане онтологический порядок такого развития базируется исключительно на «реальной» материи, а основой исторической репрезентации становится:

«Совокупность всех [...] столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий»².

Показательна революционная онтология самого Маркса, в которой историческое развитие и его репрезентация рефлексированы как путь (или изображение пути) к установлению мирового коммунизма:

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет

1 Ленин В.И. *Карл Маркс* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 26. С. 57–58.

2 Там же. С. 58.

написать на своем знамени: “Каждый по способностям, каждому по потребностям!”»³.

Однако марксистская, и в целом – революционная, мысль еще первой половины XX века знает и примеры иного отношения к исторической репрезентации, и роли в ней как материальных условий, так и виртуальных⁴ (в делёзианском смысле) объектов. Так, поэма Велимира Хлебникова «Ладомир» (1920), на мой взгляд, является не только примером модернистского искусства с его тягой к утопиям и Абсолюту, но и случаем своеобразной, отличной от ленинской, трактовки марксизма и его модели исторической репрезентации. Примером рефлексии подобных установок в этом тексте становится использование марксистского понятия «труд» в смысле, близком тому, что присутствует в приведенной выше цитате, однако в свою коммунистическую онтологию Хлебников включает не только людей, но и виртуальные мифопоэтические образы:

И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят ять⁵.

У Хлебникова в онтологический порядок входят как люди, так и растения, животные, природные объекты, боги, исторические и мифологические персонажи, что создает коммунистическую утопию сразу на нескольких уровнях поэмы: заумного языка⁶ и его неологизмов («Это шествуют творяне, /

3 Маркс К. *Критика готской программы* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 20.

4 Для Жюль Делёза «виртуальное» также является материальным: «Виртуальный образ (чистое воспоминание) не является ни психологическим состоянием, ни сознанием: он существует за пределами сознания, во времени, и нам так же ни к чему доказывать виртуальное присутствие чистых воспоминаний во времени, как и актуальное существование невоспринимаемых объектов в пространстве» (Делёз Ж. *Кино*. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 380).

5 Хлебников В. *Ладомир* // Он же. *Творения*. М.: Советский писатель, 1986. С. 283.

6 Понятие «заумный язык», или «заумь», было выдвинуто в манифесте Алексея Крученых и Велимира Хлебникова «Слово как таковое» (1913). На данный момент существует огромная литература по изучению фонетической, лексической и грамматической специфики подобных попыток по созданию языка, уходящего от бытовых значений, номинативной и коммуникативной функции. См.: Шкловский В. *О поэзии и заумном*

Заменивши Д на Т»), образной структуры («И идут люди, идут звери / На богороды современниц. / Я вижу конские свободы / И равноправие коров»), а также пространственно-временной парадигмы («Где Лондон торг ведет с Китаем, / Высокомерные дворцы, / Панамою надвинув тучу, их пепла не считаем, / Грядущего творцы») или же «Вот море, окруженное в чехол / Холмообразного стекла, / Дыма тяжелого хохол / Висит чуприной божества»). Тем самым марксистский материализм обрастает мифопоэтикой, а трудовая теория стоимости соединяется с геометрией Лобачевского и пантеизмом.

О своеобразной трактовке марксизма Хлебниковым вспоминают и его современники. Так, Илья Березарк, участник литературной группировки «Ничевоки», пишет:

«Меня особенно поразило знакомство Хлебникова с “Капиталом” Маркса. Он цитировал наизусть отрывки из этого замечательного труда и давал им свое, подчас оригинальное, хоть и спорное, толкование. Но самое главное – это то, что Хлебников считал себя человеком, преданным революции, призванным служить революционному народу своим поэтическим даром. Он очень живо интересовался всем происходящим в родной стране. Он хорошо понимал все события революционных лет, интересовался ими не книжно, не отвлеченно. Он хотел во всех деталях понять жизнь обновленной, как он как-то выразился, “вывернутой страны”. И для этого он странствовал то пешком, то в теплушках, то на случайных крестьянских подводах»⁷.

Из другой перспективы, несколько позднее и при других обстоятельствах, к подобной трактовке марксизма обращается философ Вальтер Беньямин в работе «О понятии истории» (1940), где центральным образом становится мифопоэтический ангел истории:

«У Клее есть картина под названием “Angelus Novus”. На ней изображен ангел, выглядящий так, словно он готовится расстаться с чем-то, на что пристально смотрит. Глаза его широко раскрыты, рот округлен, а крылья расправлены. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его

языке // Он же. *Собрание сочинений. Том 1: Революция.* М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 226–244; ГАСПАРОВ М.Л. *Считалка богов. О пьесе В. Хлебникова «Боги»* // Он же. *Избранные труды. Том II. О стихах.* М.: Языки русской культуры, 1997. С. 197–211; Богомолов Н.А. «Дыр бул щыл» в контексте эпохи // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 172–192; JАNESEK G. *Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism.* San Diego: San Diego State University Press, 1996; и так далее.

7 БЕРЕЗАРК И. *Встречи с Хлебниковым. К 80-летию со дня рождения поэта* (<https://ka2.ru/hadisy/berezark.html>).

крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал»⁸.

АЛЕКСЕЙ МАСАЛОВ
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ОНТОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ...

Метафоричность описания ангела создала целую традицию интерпретации этого фрагмента – от Гершома Шолема, считающего, что «в фантазмагорическом видении картина “*Angelus Novus*” становится для Бенямина образом его Ангела как оккультной реальности его самого»⁹, до Джорджо Агамбена, сравнивающего ангела истории Бенямина и ангела меланхолии Дюрера¹⁰, и так далее. Примечательно, что и этот мифопоэтический образ сближается с концепцией Маркса, который, согласно Хейдену Уайту, видел «исторический процесс [...] “панорамой греха и страдания”»¹¹, внутри которой искал основания для коммунистической утопии.

Такой герметичный язык и многомерность текста Бенямина, соединяющего теоретический манифест, философский трактат и художественные фрагменты, делает возможным свободное комбинирование исследовательских тезисов и мифопоэтических образов куклы, называемой «исторический материализм», упомянутого ангела истории, мессии и тому подобных. В VI тезисе Бенямин пишет об исторической репрезентации следующее:

«Исторически артикулировать минувшее не значит познать его таким, “каким оно было на самом деле”. Задача в том, чтобы овладеть воспоминанием, как оно вспыхивает в момент опасности. Исторический материализм стремится к тому, чтобы зафиксировать образ прошлого таким, каким он неожиданно предстает историческому субъекту в момент опасности. Опасность грозит и содержанию традиции, и тем, кто ее воспринимает. И для того и для другого опасность заключается в одном и том же: в готовности стать инструментом господствующего класса»¹².

Критика принципа Леопольда фон Ранке – одного из основоположников «объективной» историографии XIX века и по совместительству лояльного монархиста – важна для политического измерения исторической репрезентации у Бенямина. Этот принцип познания прошлого, «каким оно было на самом деле», и становится инструментом господствующего класса в трактовке традиции. Отсюда и опора на воспоминание и кри-

- 8 Бенямин В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГУ, 2012. С. 242–243.
- 9 Шолем Г. *Вальтер Бенямин и его ангел* // *Иностранная литература*. 1997. № 12. С. 192.
- 10 АГАМБЕН Д. *Человек без содержания*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 145–147.
- 11 УАЙТ Х. *Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 325.
- 12 Хлебников В. *Ладомир*. С. 240.

тика культурных ценностей, содержащих в себе следы варварства и угнетения:

«И подобно тому, как культурные ценности не свободны от варварства, не свободен от него и процесс традиции, благодаря которому они переходили из рук в руки. Потому исторический материалист по мере возможности отстраняется от нее. Он считает своей задачей чесать историю против шерсти»¹³.

Принцип познания прошлого, «каким оно было на самом деле», становится инструментом господствующего класса в трактовке традиции. Отсюда опора на воспоминание и критика культурных ценностей, содержащих в себе следы варварства и угнетения.

К настоящему времени сложился внушительный корпус самых разных интерпретаций тезисов Беньямина¹⁴, я же обращусь к сравнению с текстом Хлебникова, для которого культурные ценности и прогресс традиции так же становятся маркерами репрезентаций господствующего класса:

И замки мирового торгова,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
[...]
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
[...]
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костыли¹⁵.

Еще одним аспектом, связывающим взгляды на историю Хлебникова и Беньямина, становится образ выхваченного в момент опасности воспоминания, когда «сам борющийся, угнетенный класс [...] выступает как последний из закабаленных, как отомститель, завершающий от имени поколений поверженных дело освобождения труда»¹⁶. Эта идея, взятая у Маркса, находит

13 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 241.

14 См., например: OSBORNE P. *The Politics of Time: Modernity & Avant-Garde*. London; New York: Pluto Press, 1995; ЖИЖЕК С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал, 1999; MOSÈS S. *The Angel of History: Rosenzweig, Benjamin, Scholem*. Stanford: Stanford University Press, 2009; АРЕНДТ Х. *Вальтер Беньямин. 1892–1940*. М.: Грюндриссе, 2014.

15 Хлебников В. *Ладомир*. С. 281–283.

16 Беньямин В. *О понятии истории*. С. 245.

свое выражение и в «Ладомире»: «Море вспомнит и расскажет / Громовым своим раскатом, / Что дворец был пляской нажит / Перед ста народов катом»¹⁷. Месть моря становится реализованной метафорой, воплощением мести угнетенного класса, которому, согласно пантеистическим взглядам Хлебникова¹⁸, и уготован ладомир, который «означает какую-то всеобщую связь мировых явлений или единство бесконечного многообразия, действительно присутствующее и неуловимое»¹⁹. А вот слова Хейдена Уайта о Марксе:

«Маркс предсказывал, что истинная история человека начнется только с победы пролетариата над его буржуазными угнетателями, с уничтожения классовых различий, увядания государства и установления Социализма как системы обмена, основанной на принятии трудовой теории стоимости»²⁰.

Таким образом, через критику историзма и культурных ценностей господствующего класса у обоих авторов возникает переход к построению революционной онтологии в ее катастрофическом, но в то же время освободительном виде. У Хлебникова это воплощается и в образах «мировых циклонов», «пожаров», «потопов», «бурь» и «землетрясений», господствующих в поэзии революционных лет²¹ – в частности, в анализируемой поэме, которую «как бы охватывает мировой взрыв»²². У Беньямина подобное изображение возникает через «подрыв континуума истории» посредством критикующего прогресс и представления о поступательном движении понятия «актуального настоящего», в котором проступают черты мессианского времени. Историческая репрезентация выводится из того, что «исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где тот предстает ему как монада; в этой структуре он узнает знак мессианского застывания хода событий – иначе говоря, революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое»²³. Славой Жижек, интерпретируя эту часть тезисов, пишет:

«Революция совершает “тигриный прыжок в прошлое” не потому, что ищет в прошлом, в традиции некую поддержку. Нет, это прошлое, повторяющееся в революции, “приходит из будущего”, это прошлое уже содержит в себе открытое измерение будущего»²⁴.

17 Хлебников В. *Ладомир*. С. 284.

18 См.: Степанов Н. *Велимир Хлебников. Жизнь и творчество*. М.: Советский писатель, 1975. С. 189–196.

19 Дуганов Р.В. *Велимир Хлебников: природа творчества*. М.: Советский писатель, 1990. С. 72.

20 Уайт Х. *Указ. соч.* С. 365.

21 Там же. С. 69.

22 Там же.

23 Беньямин В. *Указ. соч.* С. 248.

24 Жижек С. *Указ. соч.* С. 145.

Близкий подход к мессианскому времени демонстрирует и Хлебников в «Ладомире» через образы революционного насилия, которое, по мнению Хенрика Барана, есть «следствие исторического возмездия высших законов времени, которые, согласно концепции Хлебникова, восстанавливают равновесие, нарушенное неправыми делами былых поколений»²⁵. Именно такую картину и создают характерные эпизоды:

Цари, ваша песенка спета.
Помолвлено лобное место.
И таинство воинства – это
В багровом слетает невеста.
И пусть последние цари,
Улыбкой поборая гнев,
Над заревом могил зари
Стоят, окаменев.
Ты дал созвездию крыло,
Чтоб в небе мчались пехотинцы.
Ты разорвал времен русло
И королей пленил в зверинцы.
И он сидит, король-последыш,
За четкою железною решеткой,
Оравы обезьян соседыш,
И яда дум испивши водки.
Вы утонули в синей дымке,
Престолы, славы и почет.
И, дочь думы-невидимки,
Слеза последняя течет²⁶.

Подобные картины и подобное отношение к революционному насилию, а также сложное соотношение мотивов богоборчества и образов религиозного универсума («И небоскребы тонут в дыме / Божественного взрыва»; «И идут люди, идут звери / На богороды современниц») оказываются близки и Беньяминовской «современности как “актуальному настоящему”, в которое вкраплены осколки мессианского времени»²⁷, и его же понятию «божественного насилия»²⁸, которое, по мнению Оксаны Тимофеевой, «может быть жестом отчаяния, возмездия или бессилия»²⁹.

Понятие «божественного насилия» Беньямин вводит в эссе «К критике насилия» (1920–1921), где противопоставляет его насилию закона, или «мифическому насилию»:

25 БАРАН Х. *О Хлебникове. Контексты, источники, мифы*. М.: РГГУ. 2002. С. 43.

26 ХЛЕБНИКОВ В. *Ладомир*. С. 284.

27 БЕНЬЯМИН В. *О понятии истории*. С. 249.

28 ОН ЖЕ. *К критике насилия // Он же. Учение о подобии...* С. 88.

29 ТИМОФЕЕВА О. *Апологии насилия в XX веке: человеческое и нечеловеческое // Логос*. 2022. № 3. С. 115–116.

«Если мифическое насилие правоустанавливающее, то божественное – правоуничтожающее; если первое устанавливает пределы, то второе их беспредельно разрушает; если мифическое насилие вызывает вину и грех, то божественное действует искупляюще; если первое угрожает, то второе разит; если первое кроваво, то второе смертельно без пролития крови»³⁰.

Двойственное отношение к насилию можно увидеть и у Хлебникова, что отмечает Хенрик Баран: «Кровавые сцены, которые временами смакуются, в других случаях заставляют [его] ужаснуться»³¹. Иными словами, оппозиция мифического и божественного насилия, данная Беньямином, также оказывается близка Хлебникову, хотя она и выражена иначе и в других категориях.

Для Хлебникова упомянутое выше словосочетание «божественный взрыв», согласно Рудольфу Дуганову, «кажется естественным и необходимым, чтобы выразить высшую степень ужаса и величия, беспощадности и всеобщности революции; *божественный взрыв* означает одновременно разрушение и созидание, уничтожение и возрождение – в конечном счете, хаос и космос одновременно»³². В этом и видится близость хлебниковских построений, противостоящих насилию закона и мирового торгового, концепции «божественного насилия» Беньямина, когда мировой взрыв в анализируемой поэме первого приводит к утопии мессианского времени в ее финале, одновременно позитивном и разрушительном в своих образах:

И время громкого суда
Узнают истины купцы.
Шагай по морю клеветы,
Пружинь шаги своей пяты!
В чугунной скорлупе орленок
Летит багровыми крылами,
Кого недавно как теленок
Лизал, как спичечное пламя.
Черти не мелом, а любовью,
Того, что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи»³³.

Сравнение трансформации идей исторического материализма у Велимира Хлебникова и Вальтера Беньямина показывает, что при всей разности этих модернистских фигур у них есть

30 Беньямин В. *К критике насилия*. С. 90.

31 Баран Х. *Указ. соч.* С. 42.

32 Дуганов Р.В. *Указ. соч.* С. 70.

33 Хлебников В. *Ладомир*. С. 292.

ряд общих черт. Хлебников, увлеченный идеями трансформации языка и мира, геометрией Лобачевского и выявления общих законов времени, с одной стороны, и Беньямин, исследующий литературу, культуру и фотографию в эпоху технической воспроизводимости через синтез марксизма и еврейского мистицизма, с другой, приходят к сходному пониманию революционной онтологии, в которой реальное и виртуальное переплетаются в мессианском времени, одновременно катастрофическом и освободительном, тем самым развивая – каждый по-своему – марксистскую концепцию истории, которая «руководствуется видением *интегративных* тенденций, различных на макрокосмическом уровне»³⁴.

Хлебников и Беньямин приходят к сходному пониманию революционной онтологии, в которой реальное и виртуальное переплетаются в мессианском времени, одновременно катастрофическом и освободительном.

Такое противостояние истории как культурной ценности господствующего класса не только формирует утопии революционного возмездия за угнетенное прошлое, но и закладывает фундамент для материалистических онтологий уже постутопического характера – от номадизма Делёза и Гваттари до магического марксизма Энди Мерифилда, осмысляющих возможности сопротивления во второй половине XX – начале XXI веков.

34 Уайт Х. Указ. соч. С. 378.

Болшевская коммуна: эго-документ в контексте исторической репрезентации¹

НАТАЛЬЯ
БАКШАЕВА

Обращаясь к фигуре ангела истории, Вальтер Беньямин говорит об образе прошлого, на который ангел «пристально смотрит» и хочет «вновь соединить разбитое»². Историк работает с прошлым, как художник-реставратор в технике кинцуги³: он пытается заполнить трещины скрепляющей смесью. Яркие золотые склейки созданного оригинального конструкта призваны постоянно напоминать о «разбитом» прошлом. Современный философ Тристан Гарсия утверждает, что «репрезентировать – это в первую очередь отсутствовать»⁴. Репрезентация не отсылает к отсутствующему предмету, заставляя нас воображать его иллюзорное присутствие, но материально являет именно отсутствие репрезентируемого, своей ограниченностью и лакунарностью манифестируя его недоступное нам бытие.

Франклин Рудольф Анкерсмит использует⁵ понятие Хейдена Уайта «репрезентативный троп», который, как, например, организующая метафора, обеспечивает целостность исторической нарративной конструкции. Изучение внутреннего механизма репрезентации позволяет отыскать и эксплицировать образную сеть, конституирующую саму ткань представлений той или иной группы о (собственном) прошлом.

В данной статье речь пойдет о реконструкции литературной жизни Болшевской коммуны на материалах дневника руководителя (*руководы*) литературного кружка. В 1924 году на месте бывшей усадьбы Костино, близ железнодорожной станции Болшево, по приказу ОГПУ было создано первое исправительно-воспитательное учреждение для малолетних правонарушителей: Болшевская трудовая коммуна⁶, «располагавшаяся в 1924–1939 гг. на территории современного наукограда Ко-

Наталья Бакшаева
(р. 1996) – научный
сотрудник Института
мировой литературы
РАН.

1 Статья подготовлена в рамках гранта № 23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение» (<https://rscf.ru/project/23-28-01158/>).

2 Беньямин В. *Озарения*. М.: Мартис, 2000. С. 231.

3 Кинцуги – техника реставрации битой керамики с помощью лака, смешанного с золотым порошком.

4 Гарсия Т. *In Defense of Representation* (<https://s357a.blogspot.com/2019/02/blog-post.html>).

5 Анкерсмит Ф.Р. *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс, 2003. С. 115–116.

6 Коммуна сначала называлась «Трудовая коммуна ОГПУ № 1», затем – «Болшевская трудовая коммуна НКВД». В 1935–1937 годах носила имя Ягоды.

ролёва, известна как уникальный социально-педагогический эксперимент по перевоспитанию правонарушителей в свободных условиях на основе доверия, труда и самоуправления»⁷.

Перековке бывших беспризорников и правонарушителей во многом способствовал Горький, под началом которого там развернулась литературная деятельность. Исправительно-воспитательное учреждение дало шанс бывшим преступникам и беспризорникам стать нужными новому советскому государству людьми. Деятельность коммуны под руководством Генриха Ягоды и Матвея Погребинского, которых с Горьким связывали приятельские отношения, заинтересовала писателя⁸. Благодаря ему, в учреждении сформировалась библиотека, воспитанники и выпускники получили шанс продолжить обучение и даже принять участие в культурной деятельности.

Возраст подростков из коммуны был от 13-ти до 17 лет. Число воспитанников росло: от восемнадцати человек в 1924 году до пяти тысяч в 1936-м. Уже в первые годы функционирования учреждения возникла потребность в новых помещениях, строительство которых началось в 1927 году по проекту Аркадия Лангмана и Лазаря Чериковера⁹. Благодаря сохранившемуся архитектурному комплексу¹⁰, выполненному в конструктивистском стиле, и большому количеству иллюстративных материалов можно реконструировать пространственные формы, в которых воплощалась социальная активность и создавалась материальная культура коммуны. Благодаря творческому наследию большевцев есть возможность исследовать процесс спатIALIZации территории (Мишель Фуко¹¹), социального обозначения и конструирования пространства (Пьер Бурдьё¹²). Помимо обсуждаемых ниже литературных произведений, следует упомянуть первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь» (1931), в основу сценария которого легла история исправительно-воспитательного учреждения¹³.

К середине 1930-х пространство коммуны превратилось в место с насыщенной и разнообразной культурной жизнью:

«Костино представляло собой рабочий поселок с [...] большим производственным комплексом, включавшим деревообделочную,

7 Бельская С.А. *Книги Большевской трудовой коммуны (1924–1939) в централизованной библиотечной сети и музейных фондах города Королева* // Культурное наследие России. 2020. № 1. С. 29.

8 Гладыш С.Д. *Дети большой беды*. М.: Звонница, 2004. С. 58.

9 Мержанов С.Б. *Забывтый памятник* // Архитектура СССР. 1989. № 4. С. 110.

10 В 2016 году, благодаря стараниям градозащитного сообщества, этому конструктивистскому архитектурно-му комплексу был присвоен статус выявленного объекта культурного наследия.

11 См.: Фуко М. *Другие пространства* // Он же. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2006. Т. 3.

12 См.: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

13 Плотникова А.Г. *Киносценарий М. Горького о трудовых коммунах* // Культурное наследие России. 2020. № 1. С. 31.

обувную, трикотажную, химическую фабрики, механический завод. Коммунары изготавливали 60% всей спорт. продукции, производимой в СССР, активно занимались спортом, проявляли себя в литературе и искусстве, выступали в Колонном зале Дома Союзов и Театре народного творчества. [...] В разные годы здесь побывали: всемирно известные педагоги Антон Макаренко и Джон Дьюи, писатели Алексей Толстой, Анри Барбюс, Илья Ильф и Евгений Петров; лауреаты Нобелевской премии, прозаик Андре Жид, драматург Бернард Шоу; физики Жан Батист Перрен и Нильс Бор, многочисленные советские и иностранные политические и общественные деятели¹⁴.

НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА
БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА:
ЭГО-ДОКУМЕНТ В КОН-
ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Почти сразу предпринимались попытки написать историю коммуны. В издательстве «Земля и фабрика» вышли два первых выпуска альманаха «Вчера и сегодня», подготовленных бывшими беспризорниками, причем не только болшевицами. Горький поддерживал авторов, написал предисловие к первому выпуску. Публикации были им раскритикованы, но благодарные писателю коммунары не потеряли энтузиазма. После «Вчера и сегодня» в коммуне началась подготовка большой книги очерков¹⁵.

Репрезентация не отсылает к отсутствующему предмету, заставляя нас воображать его иллюзорное присутствие, но материально являет именно отсутствие репрезентируемого, своей ограниченностью и лакунарностью манифестируя его недоступное нам бытие.

Горький подошел к вопросу перековки с позиций, к которым он пришел еще в годы гражданской войны и сразу после нее. Схема была проста: профессиональные литераторы закреплялись за конкретным кружком или бригадой, руководы которых исполняли программы и установки. Болшевская коммуна не стала исключением. Литературная учеба осуществлялась в кружке, который до 1932 года находился в ведении Московской ассоциации пролетарских писателей (региональной секции Российской ассоциации пролетарских писателей), а после – Оргкомитета в Союза советских писателей.

К десятилетнему юбилею коммуны началась деятельность по подготовке книги очерков ее истории. При активной поддержке Горького был создан коллектив из пятнадцати авторов – как профессиональных писателей, так и коммунаров, близких

14 Бельская С.А. *Указ. соч.* С. 30.

15 *Болшевики: очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД* / Под ред. М. Горького. М.: История заводов, 1936.

к горьковскому журналу «Наши достижения». Работа велась два года – книга вышла уже после смерти Горького, в 1936 году.

Также известно, что кружковцы надеялись выпустить отдельную публикацию с собственными произведениями¹⁶. Помимо этого, большевцы готовились к литературно-художественному конкурсу, организованному автономной секцией драматургов при Оргкомитете Союза писателей. Критики справедливо отметили слабый уровень начинающих авторов, указали на ошибки конкурсантов и пока не рекомендовали их произведений ни к публикации, ни к постановке. Активной деятельности в кружке оказалось недостаточно для литературного роста за столь короткий промежуток времени.

Впрочем, первые шаги кружковцев нельзя назвать совсем неудачными: организация конкурса, приглашение писателей на встречи с большевцами, творческая деятельность внутри коммуны создавали неплохие условия для становления молодых авторов. Даже соперничество внутри писательского сообщества не испугало коммунаров. Одно из доказательств тому – выступление представителя Большевской трудовой коммуны Глазова на Первом съезде Союза советских писателей. К 1934 году большевцы под началом Горького и поддержке других советских писателей сумели организовать действующее литературное объединение:

«Мы также читаем материалы съезда и видим, что в основном речь идет о творческом показе нового человека, нового, социалистического общества. [...] Книга о коммуне должна явиться не только зеркалом, отражающим сегодняшний день коммуны. Эта книга должна укреплять в людях коммуны веру в себя, в свое дело, должна показать, на что способен человек, вчера смятый, опрокинутый социальным неравенством, а сегодня вставший во весь рост с помощью дружески протянутой руки пролетариата, стоящего у власти»¹⁷.

Важность «творческого показа нового человека» подчеркивали в своих выступлениях на съезде Кузьма Горбунов, Всеволод Иванов, Лидия Сейфуллина, упоминая о своем участии в литературной деятельности в Болшеве.

Дальнейшая история этого учреждения и его обитателей оказалась трагической. После ареста Ягоды коммуна была уничтожена, коммунары и педагоги убиты или отправлены в ГУЛАГ, даже упоминания о большевцах не допускались в пресе и литературе. Тем не менее в распоряжении исследователей остался сохранившийся массив источников, связанных с литературными начинаниями Горького в Большевской коммуне.

16 Архив А.М. Горького Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН. КГ-од-2-31-26.

17 *Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 577–578.

В Отделе рукописей Института мировой литературы РАН хранится дневник¹⁸ (за 1932–1933 годы) руководителя кружка – писателя Сергея Юрина (1895–1953). Благодаря ему стало возможным получить сведения о быте, повседневной жизни и творческой деятельности болшевцев. Юрин, руководитель рабочих литературных кружков Ленинграда, член Всероссийского общества крестьянских писателей и Российской ассоциации пролетарских писателей, после апрельского постановления 1932 года о ликвидации последней лишился работы. 31 мая он отправил заявление в Оргкомитет Союза писателей с просьбой «включить на госснабжение»¹⁹. В декабре писатель стал руководителем кружка в Болшевской коммуне и начал вести дневник об этом:

«Предварительное ознакомление. 24 / XII 1932. В библиотеке были Михайлов, Иловыйский, Гришин, С. Яковлев, Державин, Морозов, Белов и друг. Это – актив, уцелевший от прежде бывших занятий кружка под руководством С. Городецкого и В. Герасимовой (несколько месяцев назад). Занятия шли нерегулярные. Руководители часто не появлялись. Сегодня было заметное желание организовать кружок»²⁰.

Будучи человеком аккуратным и ответственным, Юрин делал заметки о каждом заседании. Тезисно конспектировал все выступления, посвященные политической повестке и литературной учебе в каждой секции – бригаде (кружковцы были распределены по нескольким секциям: прозаической, поэтической, драматургической, малых форм). К дневниковым записям Юрин прилагал вырезки из газет о коммуне, приглашенные билеты на съезды рабкоров, о которых рассказывал на занятиях. На страницах дневника можно найти произведения болшевцев, цитаты из текстов кружковцев, стенограммы обсуждений произведений на заседаниях, реакцию авторов на критику, планы по подготовке книги очерков об истории коммуны и произведений кружковцев для конкурса и отдельного издания.

Дневник – живой рассказ о людях: Юрин оставил заметки (или даже очерки) о своих подопечных, попутно размышляя о том, как общаться с коммунарами, как им помочь. Подобные отступления призваны были подчеркнуть необходимость работы болшевского литературного кружка в рамках проекта по «воспитанию нового человека». Валерий Тюпа обращал внимание на утверждение Поля Рикёра о том, что «самоосмысление способно происходить исключительно “в форме расска-

18 Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 13.

19 Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 639. Л. 8.

20 Там же. Ф. 591. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

за"» и что именно «повествование создает идентичность»²¹. Жанровое разнообразие заметок художественно обогащает повествование: в дневнике Юрин выступает в роли лектора, готовящегося к занятиям; «председателя занятий», каждый раз назначаемого из числа кружковцев и стенографирующего встречи; учителя и товарища, переживавшего за подопечных; писателя, художественно рассказывающего о волновавших его сюжетах. Эго-документ явно распадается на смысловые части, обусловленные дихотомией свой–чужой. Юрин совмещал несколько ролей, будучи частью коллектива в качестве руководителя, старшего товарища – и не большевца, не отождествляющего себя с членами коммуны.

Взаимодействие внутри социальной группы – литературного кружка, – описанное Юриным, позволяет установить и выявить маркеры коллективной идентичности, складывавшейся в коммуне.

Во-первых, автор дневника порицает неколлективистское поведение кружковцев. Он описывает «мальчишеские выходы» на заседаниях, во время которых воспитанники рвут рукописи после их прочтения, пропускают занятия, уходят из кружка из-за критики, «держатся единоличниками, а у нас коммуна». На фоне подобных прецедентов одобрительно оцениваются коллективные инициативы большевцев: например, воспитанники сами признаются в пьянстве и требуют общественного осуждения.

Во-вторых, Юрин включает успехи членов кружка в число общих, коллективных достижений: он цитирует газетные заметки и положительные отзывы о литературной деятельности в коммуне, оставляет подробные записи о премировании членов актива.

В-третьих, руковод составил подробную программу для каждой творческой бригады «с целью дифференцирования работы, углубления ее, усиления качества, более тесной связи сообществ с самостоятельными коллективами и печатью коммуны». Литературная учеба низовых авторов – основной фактор объединения. Теоретическая часть вмещала краткий экскурс по истории всемирной и отечественной литературы, принципы построения художественного текста. Списки чтения состояли не только из произведений классиков и известных советских текстов. Программа была весьма обширна: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Павел Васильев, Клюев, Алексей Толстой, Безыменский, Бедный, Тургенев, Брюсов, Маяковский, Есенин, Чехов, Пришвин, Бабель, Лесков, Шолохов, Пильняк, Гоголь, Булгаков, Олеша, Билль-Белоцерковский и другие; внушительен был и

21 Тюпа В.И. *Автонарративность памяти // Память как история и воображение: коллективная монография* / Сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 22.

список западных писателей – от Гелиодора до Гамсуна. На практических занятиях разбирались как произведения признанных писателей, так и низовых авторов, тем самым интегрировав последних в литературный процесс в качестве акторов. Изменения в программе или новые планы обязательно обсуждались в коллективе, мотивируя членов кружка на активное участие.

В-четвертых, немалое место в дневнике уделяется мероприятиям, объединяющим большевцев. Помимо литературной деятельности, Юрин писал о встрече кружковцев с Люберецкой коммуной и обмене опытом с другими воспитанниками, об экскурсии в Мураново, о вечере у местного художника Переца и обсуждении в его мастерской «Евгения Онегина».

В-пятых, заметна идеологическая составляющая в формировании коллективной идентичности: помимо обязательной политической повестки в плане занятий, Юрин включил в программу обсуждение литературы о труде и разбор работ Ленина. В одном из конспектов руковод привел высказывание Ленина «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

В коммуникации Юрина с воспитанниками в первую очередь бросается в глаза иллокутивная функция его речевой практики. Призыв к перековке, к формовке нового человека прослеживается во многих дневниковых записях. Нетипичные для автокоммуникативного жанра высказывания-намерения, адресованные подопечным, Юрин оформил в виде цитат из своих выступлений и конспекта лекций. Автор подчеркивал, говоря о недостатках начинающих писателей: «Главное для меня – малограмотность как политическая, так и литературная, и грамматическая». В резкой критике при разборе произведений руковод определяет слабую пьесу кружковца как «бульварную драму с уголовным сюжетом», что неприемлемо для советского коммунара, смотрящего в будущее, а не вспоминающего дореволюционное прошлое. Квинтэссенция юринской речи содержится в его обращении к кружковцам: «Вы становитесь тем человеком, про которого говорят “содержательный человек”». Большевцы приняли призыв руководителя к действию, продуктивно включившись в работу даже вне занятий: Юрин оставил заметку о коммунаре, читавшем в библиотеке книги, упомянутые на встрече. Один из дней кружковцы посвятили поэтической импровизации – сочинению эпиграмм. В емкой и острой поэтической форме воспитанники выявили маркеры Чужого: глупый, бесталаный, немыслящий, идеологически неверный. Приведем пример эпиграмм на Бобринского и Морозова, членов актива, способных и публикующихся начинающих авторов:

НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА

БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА:
ЭГО-ДОКУМЕНТ В КОН-
ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Все классное свою имеет цену,
Но у тебя хоть отбавляй
Халтурно-оперных верзил:
Отжившего поэта показал на сцене,
Но только сам себя изобразил.

Ничтожный ум, короткие мечты, –
И в черепае груза для полноты.

Коллективная идентичность кружковцев организовывалась на основе общественной и литературной деятельности. Большинство молодых воспитанников проявляли инициативу и были готовы к продуктивной работе внутри коллектива и на его благо, то есть их общность представляла собой взаимодействие интегрированных субъектов. Возможность самоидентификации кружковцев внутри коммуны способствовала активному участию в творческих проектах, за время существования коммуны воспитанники публиковались, участвовали в конкурсах. Участникам большевского литературного кружка действительно удалось выйти в люди, они оказались готовы к созданию собственной истории – распознаванию своей общности во времени и пространстве. В процессе формирования коллективной идентичности большевцы отличались от представителей иных групп, имевших «схожие организации опыта»²²: других коммунаров, подростков, бывших правонарушителей.

После расформирования коммуны члены актива кружка продолжили литературную карьеру и три десятилетия спустя вновь собрались для издания двух выпусков альманаха «Вчера и сегодня». Среди авторов были Виктор Авдеев – бывший беспризорник, член Союза писателей и лауреат Государственной премии, или Павел Железнов – также член Союза писателей и один из организаторов альманаха, опубликовавший в его первом выпуске (1931) пьесу, принятую к постановке театром Мейерхольда²³.

Коммунары шли в кружок с целью оказаться в гомогенной общности, определить себя и окружающих, говорить на одном языке, утверждая свой статус через литературу. Бывшие беспризорники пережили настоящую катастрофу, и не раз: разрыв с прошлым, потерю родителей и революцию. Став коммунарами, изменив свою жизнь, низовые авторы парадоксально идентифицировали себя одновременно как «бывшие беспризорники» и как «содержательные люди». Идентификация сохранилась и после следующей катастрофы – ликвидации коммуны. Спустя тридцать лет в альманахе они назвали себя продолжателями

22 Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 1996.

23 *Вчера и сегодня: альманах бывших правонарушителей и беспризорных*. М., Л.: Гиз-Гослитиздат, 1931. С. 169.

начинаний Горького, сохраняя статусы до 1939 года, и таким образом в каком-то смысле спасли свое прошлое²⁴.

В 1970-е благодарным воспитанникам удалось вернуть и оправдать отдельный эпизод истории, понятие «перековки» и имена людей, которые стояли у истоков создания коммуны, запрещенные к упоминанию после ее ликвидации. Во вступительной статье составители, возвращая «угнетенное прошлое», но при этом вплетая его в официальный нарратив, заключили: «Так наше Советское государство великим подвигом переделки человека отметило годы своего существования»²⁵.

НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА

БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА:
ЭГО-ДОКУМЕНТ В КОН-
ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

**Коллективная идентичность кружковцев
организовывалась на основе общественной и
литературной деятельности. Большинство молодых
воспитанников проявляли инициативу и были
готовы к продуктивной работе внутри коллектива
и на его благо.**

Дневник Юрина рассказывает исследователю о небольшом сюжете переломной эпохи в литературном процессе 1920–1930-х. Руководитель постарался описать как можно подробнее и точнее процесс деятельности литературного кружка в коммуне, прибегая к разным стилистическим решениям письма (от сухих стенограмм до эмоциональных очерков). Участие в литературном кружке подвигло молодых авторов к написанию истории коммуны. В ходе работы над творческим проектом большевцы смогли закрыть потребность в самоидентификации. Бывшие воспитанники ассоциировали себя с коммуной и после ее ликвидации спустя многие десятилетия.

24 Корчинский А.В. «Былое и думы» А.И. Герцена: перформанс истории и диалектика не-отрицания // Новое литературное обозрение. 2024. № 2(186). С. 73.

25 *Вчера и сегодня: альманах бывших правонарушителей и беспризорных.* М.: Молодая гвардия, 1970. С. 4.

«Не та Россия»: апофатическая стратегия репрезентации в эго-документах русского зарубежья

Иван Сергеевич Савушкин (р. 1999) – аспирант кафедры теории культуры РГГУ.

Для русской эмиграции первой волны, особенно для деятельной, пишущей ее части, свойственно ретроспективное конструирование образа идеальной России прошлого. И часто методом такого конструирования ретротопий была апофатика. Термин «апофатика», или «апофатизм», восходит к богословию. Вот как его определяет Владимир Лосский:

«Дионисий различает возможность двух богословских путей: один есть путь утверждения (богословие катафатическое, или положительное), другой – путь отрицания (богословие апофатическое, или отрицательное). Первый ведет нас к некоторому знанию о Боге – это путь несовершенный; второй приводит нас к полному незнанию – это путь совершенный и единственно по своей природе подобающий Непознаваемому. [...] Чтобы приблизиться к Нему, надо отвергнуть все, что ниже Его, то есть все существующее. Если, видя Бога, мы познаем то, что видим, то не Бога самого по себе мы видим, а нечто умопостижимое, нечто Ему низлежащее. [...] Идя путем отрицания, мы поднимаемся от низших ступеней бытия до его вершин, постепенно отстраняя все, что может быть познано, чтобы во мраке полного неведения приблизиться к Неведомому. Ибо, подобно тому, как свет – в особенности свет обильный – рассеивает мрак, так и знание вещей тварных – в особенности же знание излишнее – уничтожает незнание, которое и есть единственный путь постижения Бога в Нем Самом»¹.

Понимая всю метафоричность богословского термина, применяемого к небожественным феноменам, мы тем не менее хотели бы сохранить этот теологический оттенок значения, так как в исследуемом дискурсе репрезентация образа России не только непосредственно сопрягалась с религиозным опытом пишущих, но и часто подвергала этот образ прямой сакрализации. Для одной части русской эмиграции Россия продолжала свой исторический путь, даже став советской; для другой – между Россией и СССР было немислимо поставить знак

¹ Лосский В. Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Он же. Боговидение*. М.: АСТ, 2003. С. 125–126.

равенства, так как Россия закончилась в 1917 году. Но были и те эмигранты, которые, рассуждая о России, не могли прийти к однозначному выводу. Именно такой способ репрезентации, который не дает какого-то конкретного, законченного образа России, но лишь отсеивает элементы, не являющиеся частью представления об утраченной и сакральной земле, мы и называем «апофатическим».

Этот способ характерен для самых разных течений русской эмиграции. Их представители могут спорить и критиковать друг друга, но и в критике, и в полемике отчетливо прослеживается апофатизм в описаниях России. В наши цели не входит исследование широты распространения этой стратегии в дискурсах эмигрантов. Скорее мы сосредоточимся на авторских приемах ее использования, ее семантике и функциях – прежде всего в эго-документах.

Способ репрезентации, который не дает какого-то конкретного, законченного образа России, но лишь отсеивает элементы, не являющиеся частью представления об утраченной и сакральной земле, мы называем «апофатическим».

Однако прежде, чем говорить о том, какое место эта стратегия занимает в дневниковом письме, необходимо обратиться к публичным текстам русской эмиграции. Это необходимое условие, так как дневники пишущих людей не существуют сами по себе, в безвоздушном пространстве. Их необходимо систематически сопоставлять с публичными текстами того же автора. Такое сравнение двух типологически разных текстов дает возможность наблюдать корреляционные зависимости в использовании апофатического подхода к репрезентации образа России.

Как уже сказано, во многих случаях Россия эмигрантов – это ретротопия, то есть утопия в прошлом, не-место, превращающееся в навсегда потерянное идеальное не-время. Зигмунт Бауман отмечал принципиальную сосредоточенность ретротопии на отрицании:

«Через пятьсот лет после того, как Томас Мор, назвав утопией, отверг тысячелетнюю мечту человечества о возвращении в рай или устройении Небес на Земле, еще одна гегелевская триада, образованная двойным отрицанием, приблизилась к завершению полного круга. Сначала планы на человеческое счастье [...] оторвали от любых конкретных топосов, [...] так что настал черед отрицать сами планы с помощью аргументов, которые ранее доблестно и почти успешно отрицались. Пережив двойное отрицание, утопия

Мора сегодня восстала в виде ретропии – в картинах утраченного / украденного / покинутого и призрачного прошлого².

Апофатика, подобно недостижимым утопии и ретропии, не позволяет достичь конечного результата – но лишь приблизиться к нему. Эта ключевая апофатическая черта хорошо заметна в обсуждениях одной из самых популярных тем эмигрантской публицистики. Речь идет о миссии русского зарубежья. Почему это важно? Очень часто в текстах русской эмиграции начиная с доклада Ивана Бунина «Миссия русской эмиграции» на одноименной конференции эта миссия формулируется через отрицание: эмигрант должен быть *не* советским человеком – в этом, собственно, его миссия и состоит. Приведем несколько цитат из доклада:

«Миссия – это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: “миссия есть власть (*pouvoir*), данная делегату идти делать что-нибудь”. А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера – напомнить, что не только можно, но и должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочароваться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным и даже зазорным. Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжелая, но и высокая, возложена судьбой на нас»³.

И в чем же эта миссия заключается?

«Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: “Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков”. Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. “Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!” Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения. Мы не отрицаем факта, а расцениваем с точки зрения не партийной, не поли-

2 БАУМАН З. *Ретропия*. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 18.

3 Бунин И. А. *Публицистика 1918–1953* / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 192.

тической, а человеческой, религиозной. “Они не хотят ради России претерпеть большевика!” Да, не хотим – можно было претерпеть ставку Батюга, но Ленинград нельзя претерпеть. “Они не прислушиваются к голосу России!” Опять не так: мы очень прислушиваемся и – ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда. И пребудут в верности заповедям Синайским и Галилейским, а не планетарной матерщине, хотя бы и одобренной самим Макдональдом. Пребудут в любви к России Сергия Преподобного, а не той, что распевала: “Ах, ах, тра-та-та, без креста!” и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущего, вящего воссияния. Пылала! Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости? Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста! Целые города рыдали и целовали землю, когда их освобождали от этого пылания. “Народ не принял белых”. Что же, если это так, то это только лишнее доказательство глубокого падения народа. Но, слава Богу, это не совсем так: не принимали хулиган да жадная гадина, боявшаяся, что у нее отнимут назад ворованное и грабленое»⁴.

Приведенные цитаты позволяют сделать несколько важных для этого текста выводов. Во-первых, апофатическая стратегия присуща тексту Бунина и на риторико-стилистическом уровне (практически все его утверждения строятся через отрицания), и на уровне сущностном: чаще всего он сознательно не доводит свою мысль до конца: мы хотим иного течения – но какого? почему нельзя терпеть «Ленинград»? Во-вторых, мы видим, что в послыле «надо быть не такими, как они» апофатически выражается и утопический образ России. Надо быть не как они, потому что они – не Россия. Еще лучше это заметно в тезисе про неприятие народом белых. Не приняла белых не Россия, а хулиган, хам, «жадная гадина», а они – не Россия. Однако, что такое Россия, Бунин не говорит. В этом и заключается апофатизм, то есть отбрасывание неподходящих элементов при осознанном недостижении удовлетворительного – конечного и познаваемого – результата.

Интересно, что если мы обратимся к эмигрантским дневникам Бунина, то заметим, что там слово «Россия» вызывает у него сильные и зачастую негативные эмоции:

«В городе ярмарка *St. Michel*, слышно, как режут коровы. И вдруг страшное чувство России, тоже ярмарка, рев, народ – и такая безвыходность жизни! Отчего чувствовал это с такой особ[ой] силой в России? Ни на что не похожая страна»⁵.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Он же. *Дневники 1881–1953* / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 196.

Или в другом месте, несколько годами ранее, Бунин пишет о том, что читает Сергея Соловьева и удивляется тому, как жестокость и пожары всегда были частью русской истории.

Однако апофатическая стратегия мысли у Бунина в дневниках выражена несколько иначе, нежели в публицистике. Если в его публичных текстах и выступлениях она считается ментально, то в дневниковом письме она представлена скорее имплицитно. Сама мысль о сегодняшней России носит выражено пейоративный характер. Однако об этой России он практически и не рассуждает, по-видимому, потому что образ действительной России навсегда слился в историческом воображении Бунина с прошлой жизнью и он сознательно отказывается от него как от неактуального, не отображающего действительность образа. Есть примечательная запись в дневнике, сделанная в 1920 году:

«Нынче прелестн[ый] день, теплый – весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасх[альные] напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию».

Или другая запись, сделанная несколько позже:

«Прохладно, серо, накрапывает. Воротились из церкви – отпевали дочь Чайковского. Его, седого, семидесятилетнего, в старой визиточке, часто плакавшего и молившегося на коленях, так было жалко, что и я неск[олько] раз плакал.

Страшна жизнь!

Сон, дикий сон! Давно ли все это было – сила, богатство, полнота жизни, – и все это было наше, наш дом, Россия!

Полтава, городской сад. Екатер[инослав], Севастополь, залив. Графская пристань, блестящие морск[ие] офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сиб[ирский] экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку. [...] И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже посл[е] родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия»⁶.

Бунин стоит на похоронах Кедрина или на отпевании дочери Чайковского, вспоминает их, вспоминает свою историю знакомства с ними и в какой-то момент осознает, что вместе с мертвыми, которых он хоронит, он хоронит и всю свою прошлую жизнь, которая, через запятую, обобщается в термин «Россия». Интересно, что он проводит эти символические похороны на страницах своего дневника и похороны эти оказываются настоящими, полноценными. Начиная с этой записи

6 Так же. С. 167.

термин «Россия» у Бунина начинает встречаться все реже, все чаще обозначая географию, а не внутреннее состояние пишущего, как в этой записи. К примеру, в 1923–1932 годах Бунин использует этот термин всего три раза, а в 1933–1939-м он напишет слово «Россия» четыре раза. В 1941-м в связи с нападением Гитлера на СССР ситуация резко изменится: только за этот год Бунин упомянет Россию более тридцати раз, однако определенный период забвения прослеживается в его дневниках именно после символических похорон.

Интересно, что процитированная выше речь была произнесена на конференции, которая состоялась спустя три года после этих похорон. О чем это может нам сказать? Возможно, о том, что, несмотря на умолчания о родине в рамках дневникового письма, автор не может похоронить самой идеи рассуждать о России. Причем иногда рассуждения будут носить характер любования и восхищения, а иногда – открыто декларируемого ужаса:

«Вечер Куприна. Что-то нелепое, глубоко провинциальное, какой-то дивертисмент, в пользу застрывшего в Кременчуге старого актера. [...] Меня поразил хор, глаз отвык от России; еще раз с ужасом убедился, какая мы Азия, какие монголы»⁷.

Но как рассуждать о России, практически не используя ее названия? Именно апофатическая стратегия письма, как правило, является для Бунина своеобразным тайным языком, позволяющим не только избежать банализации сакрального образа, но и говорить о невыразимом – возможно, даже неосознаваемом и болезненном – опыте.

Как рассуждать о России, практически не используя ее названия? Именно апофатическая стратегия письма является для Бунина своеобразным тайным языком, позволяющим не только избежать банализации сакрального образа, но и говорить о невыразимом опыте.

Зачем в личном, интимном жанре использовать такой язык? Вероятнее всего, вытеснение России из дискурса связано с сильным переживанием травмы эмиграции. Русская эмиграция не сразу приняла факт того, что изгнание затянется на десятилетия, а процесс осознания этого обстоятельства может травмировать и вызывать потребность в «похоронах» как символической текстовой процедуре. Именно попытка не бе-

⁷ Там же. С. 183.

редить старую рану и может вызвать к жизни апофатический способ выражения, так как не возвращаться к России у автора все равно не получается.

Образ одинокой светлой печали, который появляется в сценах похорон и начинает воплощать в себе образ родины – не географической России, а какой-то иной, неявной и несуществующей. Однажды автор проговаривается, что его интересует только его внутренняя Россия, внутренняя мысль: «Действительность – что такое действительность? Только то, что я чувствую. Остальное – вздор»⁸.

Читая дневники, мы не встретим положительного утверждения «Россия для меня – это...». Зато можно встретить следы спора с окружающей действительностью.

«В Берлине опять неистовство перед Художественным театром. И началось это неистовство еще в прошлом столетии. Вся Россия провалилась с тех пор в тартарары – нам и горюшка мало, мы все те же восторженные кретины, все те же бешеные ценители искусства. А и театр-то, в сущности, с большой дозой пошлости, каким он и всегда был. И опять “На дне” и “Вишневый сад”. И никому-то даже и в голову не приходит, что этот “Сад” – самое плохое произведение Чехова, олеография, а “На дне” – верх стоеросовой примитивности, произведение семинариста или самоучки, и что вообще играть теперь Горького, если бы даже был и семи пядей во лбу, – верх бесстыдства. Ну, актеры – уж известная сволочь в полит[ическом] смысле. А как не стыдно публике? “Рулю”?»⁹

Бунин возмущает, что в театре ставят *не те* пьесы, которые ему казались бы правильными. Но почему? Можно предположить, что если представленные в репертуаре пьесы в той или иной мере реалистически отображают и критикуют жизнь в России, то сам Бунин, судя по всему, не согласен ни с этой критикой, ни с самой возможностью сколько-нибудь реалистически изобразить Россию прошлого.

Бунинскую имажинативную и дискурсивную стратегию интересно сравнить с текстами Алексея Ремизова, о котором отзывались как о «литературном чуде» из-за его своеобразной игровой творческой манеры. Ремизов создал шуточное тайное общество, Обезьянью Великую и Вольную Палату (Обезвелволпал), его кабинет и дом украшали гирлянды из бумажных чертиков, а свое рабочее место он называл «кукушкино гнездо». Для творчества Ремизова характерна эклектика письма. Его роман «Взвихренная Русь» лишен стилистического единства: начатый еще в России, но оформленный и законченный уже в эмиграции, он состоит из сменяющих друг друга газетных

8 Там же. С. 188.

9 Там же. С. 185.

вырезок, рассуждений, дневниковых записей. Михаил Осоргин напишет про этот роман так:

ИВАН САВУШКИН

«НЕ ТА РОССИЯ»: АПОФАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ...

«Рассказать книгу Ремизова невозможно. Тому, кто ее перечитает, она покажется набором мелких рассказов, сценок, чудачеств, отступлений, случайных записей, неправдоподобных снов, потрясающих подлинными именами. [...] Нужно привыкнуть к тону Ремизова, чтобы, когда дойдешь до последней умиротворяющей страницы, где-то на полустроке, внезапно, но с полной ясностью осознать, что вся эта суета манеры, вся эта не слитая смесь быта и бытия, бодрствования и сна, крови и анекдота, великого горя и мизерных радостей – все это и есть олицетворение В З В И Х Р Е Н Н О Й России»¹⁰.

В завершении этого романа Ремизов пишет рассказ под названием «В конце концов», который начинается с определения того, что такое Россия. Россия – это бесконечный спор, но о чем? Далее из становится ясно, что Россия – это спор эмигрантов о том, что они потеряли в результате революции. Кто-то потерял деньги в банке, кто-то дом, кто-то землю. А я, получается, ничего не потерял, говорит герой Ремизова, ведь у меня не было ни дома, ни денег, ни земли. Собеседники возражают герою:

«– Как не отняли! – вступился еще один: этот ни на что не жаловался, этот все “объяснял”, и что “землю отняли”, и что “дом заняли”, и что “деньги пропали”, – да вы же потеряли больше, чем землю, дом и деньги, вы лишились тех условий работы, при которых вы писали»¹¹.

Герой соглашается и начинает думать не о том, что потерял, а о том, что получил. Он получил эмоции, чувства, мысли, материал для творчества. В конечном счете, автор говорит, что единственное, что можно точно сказать о России, так это то, что она заразила всех живших в ней людей. Но чем? Она заразила автора вечным веселым предчувствием чего-то плохого. При полном желании покоя и умиротворения, при приближающейся беде за окном, зараженный Россией человек, по мнению Ремизова, начинает испытывать чувство радости и веселости.

В этой главе мы отчетливо видим, как автор использует апофатическое описание для достижения нужного эффекта. Он как бы говорит репликами своих героев: Россия – это не земля, Россия – это не деньги в банке, Россия – это не квартира, Россия – это не условия, при которых работает человек. Неужели

10 Осоргин М. *Алексей Ремизов. Взвихренная Русь. Издание «Таур» Париж // Современные записки. 1927.* Кн. 31. С. 453.

11 Ремизов А. *Взвихренная Русь.* Лондон: Overseas Publications Interchange, 1990. С. 517.

Россия – это «зараза», поразившая ее жителей? Нет, это не так, потому что герои не соглашаются с автором тезиса – напротив, они недоумевают, что Ремизов показывает через молчаливую реплику персонажей, выраженную в знаках препинания: «–?!».

Что же тогда такое Россия? В отличие от Бунина, Ремизов дает ответ на этот вопрос в самом начале обсуждаемой главы: «Россия! – разговор на долгие годы, а спор бесконечный. Всякий тут свое – и по-своему прав»¹². В структуре повествования этот тезис подтверждается тем, что глава ничем не заканчивается: реплика одного из героев, который вступает в спор с предыдущим тезисом, просто обрывается многоточием. Бесконечный спор – фигура вечной неопределенности, апофатического дискурса о России. Сама структура ремизовского нарратива демонстрирует характер этого спора: ему присуще апофатическое недостижение позитивного результата.

Единственное, что можно точно сказать о России, так это то, что она заразила всех живших в ней людей вечным веселым предчувствием чего-то плохого. При полном желании покоя и умиротворения, при приближающейся беде за окном, зараженный Россией человек начинает испытывать чувство радости и веселости.

Дневники Ремизова представляют собой своего рода литературную игру, они весьма оригинальны своими структурой и наполнением. Писатель говорит о них так:

«В записях дневника нет никаких событий и только выблеск мыслей. И нищая молчаливая просьба слепого: “Почитайте!”. И это так понятно: “набраться чужих мыслей” и выйти в отразившуюся в них жизнь»¹³.

Не будет преувеличением сказать, что для Ремизова одним из важнейших (если не самых важных) элементов реальности являются сны. Его дневники почти полностью состоят из записанных сновидений, и при развертывании повествования можно наблюдать, как сны плавно перетекают в реальность и наоборот. Можно предположить, что такой подход к дневниковому письму не требует апофатических приемов, так как в нем не предполагается выявление истины как таковой. Если

¹² Там же. С. 516.

¹³ Он же. *Дневник мыслей 1943–1957*. СПб.: Пушкинский дом, 2013. С. 22.

смешиваются сон и реальность, то все либо реально, либо не-реально. Однако следы апофатизма мы находим и у Ремизова. Вот запись от 22 октября 1944 года:

«Не могу вспомнить спокойно день похорон... Могу ли изжить, спрашиваю себя, нет, наверно, до смерти. А после смерти могу ли победить эти чувства, уже бесчувственный, но по-другому, не так, как в то утро, в тот день и в тот вечер. Я хотел бы пробить эту стену, отделяющую живое и мертвое. Но ведь тут не только чувство, а мое сознание – то, что не пропадает, так говорят, что не пропадает. Если бы я знал, что не пропадает, я бы думал, что это сознание мое в какой-то форме выразится там, по смерти, и я бы по-другому жил, не так, как эти полтора года»¹⁴.

Ремизов размышляет над проблемой жизни и смерти. Интересно, что, как и у Бунина, именно момент похорон инспирирует такого рода рефлексии. Но, в отличие от Бунина, Ремизов не приходит к какому-либо определенному выводу. Сплошные вопросы и каскад отрицаний, снимающих предыдущую мысль. Такая мысленная рамка, позволяющая рассуждать про то или иное явление без достижения конечного результата, позволяет писателю в таком же ключе не только говорить о России, но и задаваться более сложными вопросам, как, например, жизнь после смерти и тому подобное.

Подобные эпизоды встречаются нечасто, и в целом можно сказать, что для Ремизова апофатика как метод репрезентации интересна скорее в художественном и публицистическом дискурсах. Однако дневник-сонник, дневниковое письмо на грани сна и яви оказывается имплицитным указанием на принципиально пограничный, непозитивный образ реальности – в том числе исторического прошлого.

* * *

В заключение настоящего очерка можно сказать, что, хотя апофатическая стратегия в эксплицитном, так сказать «логическом», виде более выражена в эмигрантской публицистике и художественном письме, моделирующем публичный дискурс, в дневниках (а также других эго-документах) она представлена скорее на внутренних, неочевидных, но структурно значимых уровнях текста, в большей мере определяя его эпистемологию в целом, нежели те или иные отдельные элементы содержания. Исследования с более широким охватом текстов, вероятно, подтвердят это наблюдение. Применение тех или

¹⁴ Там же.

ИВАН САВУШКИН

«НЕ ТА РОССИЯ»: АПОФАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ...

ИВАН САВУШКИН

«НЕ ТА РОССИЯ»: АПОФАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ...

иных апофатических приемов письма отчасти объясняется спецификой самого дневникового жанра: большой пласт информации автор оставляет «за кадром», поскольку – по преимуществу – пишет дневник для себя и не считает нужным или возможным излишне подробно эксплицировать свои мысли. Однако, в конечном счете, мы можем наблюдать, что данное свойство дневника в каком-то смысле усиливает апофатическую тенденцию – в особенности в том, что касается репрезентации травмирующего опыта исторических событий такого масштаба, как революция и эмиграция. Это дает исследователю доступ не только к риторическим приемам публичной речи, но и к более глубоким тенденциям исторического воображения людей.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Венесуэльская беда

В 2024 году Венесуэла вновь оказалась в фокусе латиноамериканской политики. Состоявшиеся 28 июля президентские выборы и ожесточенная борьба вокруг их результатов заставили все без исключения страны континента, а также США занять ту или иную позицию относительно будущего этого государства. За 25 лет авторитарного режима такое наблюдается не в первый раз: массовые протесты, в которых участвовали сотни тысяч человек во всех крупных городах страны, проходили в 2014-м, 2017-м и 2019 годах. Эти протесты длились по три–четыре месяца, а из их участников десятки были убиты, сотни ранены и задержаны.

Но происходящее в Венесуэле сегодня кардинально отличается и по политическому значению, и по количеству вовлеченных стран, и по жестокости и

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

размаху репрессий, обрушенных режимом на общество, неготовое в очередной раз смириться с вечным пребыванием Николаса Мадуро у власти. Уже накануне выборов общим для граждан Венесуэлы было чувство рубежа, предела концентрации сил, пройдя который страна или сбросит диктатуру, или погрузится в полный мрак, беспросветность и всеобщее отчаяние. «У меня все готово: если в этот раз не получится, все продаю и уезжаю» – достаточно типичное заявление, передающее настрой многих людей в стране, четверть(!) населения которой уже разбросана по латиноамериканским странам, США и Испании. Этот текст пишется через две недели после выборов, когда исход противостояния еще не вполне ясен, но очевидно, что ощущение предельной ситуации сохраняется.

Действующий президент Венесуэлы Николас Мадуро находится у власти с 5 марта 2013 года. В тот день, согласно официальному сообщению¹, умер лидер «Боливарианской революции» и основатель режима Уго Чавес, занимавший президентский пост с 1999-го по 2013-й. Уже смертельно больной, Чавес выигрывает 7 октября 2012 года свои четвертые подряд президентские выборы у противостоявшего ему кандидата объединенной оппозиции Энрике Каприлеса, получив 55% голосов против 44,3%. После смерти вождя Мадуро, назначенный Чавесом своим преемником, становится сначала временным президентом, а затем, 14 апреля 2013 года, опять-таки согласно официальным данным, побеждает на внеочередных президентских выборах того же Каприлеса

со счетом 50,61% против 49,12% – причем победителя от проигравшего отделяют всего 223,6 тысячи голосов из пятнадцати миллионов, принявших участие в голосовании.

Объединенная оппозиция, представленная Круглым столом демократического единства (*Mesa de la Unidad Democrática*), не оспаривала результаты выборов 2012 года: согласно общему мнению иностранных наблюдателей, хотя возможности кандидатов вести кампанию были далеко не равными, подсчет голосов был честным. За четырнадцать лет пребывания у власти Чавес провел четырнадцать различных выборов и референдумов и проиграл только одно голосование – конституционный референдум (2007) об отмене ограничений на переизбрание президента и социалистическом характере государства². Чавес обожал избирательные кампании и выигрывал их честно. Напротив, Каприлес и оппозиция не признали результатов президентских выборов 2013 года и заявили об избирательном подлоге и многочисленных нарушениях при проведении голосования и подсчете голосов, потребовав пересчета. Подконтрольные режиму Национальный избирательный совет (*Consejo Nacional Electoral*) и Верховный суд (*Tribunal Supremo de Justicia*) такой пересчет провели и подтвердили победу Мадуро.

С этого времени начинается правление Мадуро, за десять лет приведшего страну к катастрофическим экономическим, социальным и политическим результатам. В 2014–2021 годах ВВП Венесуэлы сократился на 75%; страна,

1 По многим свидетельствам, Чавес умер еще 30 декабря 2012 года на Кубе, где проходил очередной курс лечения.

2 На конституционном референдуме 2009 года избиратели поддержали отмену ограничений на переизбрание на все должности в исполнительной и законодательной власти, включая президента, губернаторов штатов, алькальдов городов.

которая еще в 2011-м была четвертой экономикой Латинской Америки, к 2020-му опустилась на тринадцатое место по общему объему ВВП³. Ее ВВП на душу населения к тому времени составил 24275 доллара США; из 33 латиноамериканских экономик этот показатель был ниже только у беднейших стран континента – Никарагуа (1869,6 доллара США) и Гаити (765,4 доллара США)⁴. С 2017-го по 2020 год Венесуэла пережила период гиперинфляции, один из самых длительных в мировой истории: по явно заниженным данным Центрального банка, инфляция составила в 2017-м 862,6%, в 2018-м – 130 060%; в 2019-м – 9585,5%; в 2020-м – 2968,8%⁵.

Важно помнить, что этот экономический коллапс произошел в стране, имеющей самые большие запасы нефти в мире и еще в первое десятилетие XXI века бывшей одним из крупнейших ее экспортеров. В 1998 году, накануне прихода Чавеса к власти, Венесуэла добывала в день 3,2 миллиона баррелей, из которых экспортировала 2,1 миллиона баррелей в день. При Чавесе эти показатели постепенно сокращались, и к 2013-му производство нефти находилось на уровне 2,7 миллиона баррелей в день, а экспорт – 1,5 миллиона. Приход Мадуро совпал с падением мировых цен и положил начало вертикальному падению нефтяной промышленности

Венесуэлы. В 2021 году добыча венесуэльской нефти составляла менее 500 тысяч баррелей в день, причем практически вся она вывозилась⁶.

Экономический крах в Венесуэле является крупнейшим коллапсом, когда-либо зарегистрированным в мировой истории в стране, не пережившей внешней агрессии или гражданской войны⁷. Конечно, бесспорный вклад в это внесли экономические санкции США и пандемия COVID-19. Однако эти факторы, которые режим Мадуро обычно приводит в оправдание тяжелой экономической ситуации, будучи, несомненно, весомыми, сами по себе не объясняют глубину экономического спада. Вертикальное падение ВВП, сокращение добычи и экспорта нефти начались еще в 2017–2018 годах, до введения в январе 2019-го администрацией Дональда Трампа санкций против государственной нефтяной компании «Petróleos de Venezuela» (PDVSA)⁸. Решающую роль в экономической катастрофе, которую переживает Венесуэла, сыграла внутренняя экономическая политика режима. В первое десятилетие XXI века мировые цены на нефть выросли почти десятикратно, что резко увеличило доходы бюджета, часть которых была направлена на проведение беспрецедентной по масштабам политики социальной поддержки бедных.

- 3 Сота I. *Miguel Ángel Santos: «Venezuela no va a tener ninguna posibilidad de recuperarse si no ocurre una transición política»* // El País. 2024. 27 de julio (<https://elpais.com/america/2024-07-27/miguel-angel-santos-venezuela-no-va-a-tener-ninguna-posibilidad-de-recuperarse-si-no-ocurre-una-transicion-politica.html>).
- 4 INTERNATIONAL MONETARY FUND. *World Economic Outlook Database*. 2020. June 2 (www.imf.org/en/Countries/VEN#countrydata).
- 5 GONZÁLEZ CAPPA D. *Cómo salió Venezuela de la hiperinflación y qué significa para la golpeada economía del país* // BBC News Mundo. 2022. 11 de enero (www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-59939636).
- 6 MERINO A. *La producción y exportación de petróleo de Venezuela* // El orden mundial. 2023. 23 de enero (<https://elordenmundial.com/mapas-y-graficos/produccion-exportacion-petroleo-venezuela/>).
- 7 Либерия потеряла 90% ВВП за десять лет, но это было результатом длительной гражданской войны (Сота I. *Miguel Ángel Santos...*).
- 8 С 2015 года американское правительство вводило санкции против конкретных руководителей режима, обвинявшихся в коррупции, связях с наркоторговлей и нарушениях прав человека. В 2019-м Государственный департамент и Министерство финансов США запретили американским компаниям покупать нефть и нефтепродукты у PDVSA и передали ее американский филиал («Citgo») и активы венесуэльского прави-

За годы правления Чавеса и без того сильная зависимость Венесуэлы от экспорта нефти существенно возросла: с 1998-го по 2013 год доля нефти в стоимости венесуэльского экспорта увеличилась с 75% до 95%. Рост доходов от нефтяного экспорта оказал угнетающее воздействие практически на все остальные отрасли экономики. К этому добавились масштабные национализации земельных угодий, конфискации предприятий и торговых сетей, введение контроля над продуктовыми ценами.

В результате внутреннее производство почти всех основных продуктов питания – кукурузы, риса, сахара, яиц, мяса, растительного масла – резко сократилось, что заставило перейти к масштабному импорту продовольствия. К концу 2000-х Венесуэла ввозила 70% потребляемых ею продуктов, главным образом из Бразилии и США. Плохая и все более разрушающаяся из-за отсутствия инвестиций инфраструктура, в первую очередь дороги и портовое хозяйство, неэффективность государственного экономического управления и распределения усугубили проблему и привели к нарастающему дефициту продуктов питания в магазинах, а также к постоянным и все более длительным отключениям электроэнергии.

Нефтяная промышленность и государственная нефтяная компания PDVSA, являясь важнейшим стратегическим активом режима, все это время испытывали хроническое недофинансирование, что вело к нарастающему сокращению добычи, переработки и экспорта нефти. Внутреннее потребление горючего, цены на которое были заморожены,

непрерывно росло, что к концу 2000-х привело к тому, что Венесуэла вынуждена была наращивать импорт бензина – полный абсурд для страны, обладающей самыми большими на планете запасами нефти.

К несостоятельной экономической политике добавлялись разрушительные последствия всепроникающей системной коррупции, неизбежной в условиях авторитарного режима, уничтожившего все механизмы гражданского контроля над исполнительной властью. В 2000-х в Венесуэле сложился паразитический слой так называемой «боливарианской буржуазии» (*boliburguesia*), состоящий из партийных и государственных функционеров, бывших и действующих военных, предпринимателей, сделавших огромные состояния на связях с властью, доступе к бюджетным и внебюджетным фондам, государственному сектору. Все эти подрывавшие экономику процессы были очевидны уже при Чавесе, в период невиданного за предшествующие полвека притока нефтяных доходов. Ситуация еще более усугубилась с приходом к власти Мадуро, когда нефтяное изобилие закончилось, перераспределять стало нечего, а аппетиты властных и околоставных кругов не уменьшились.

В 2020–2021 годах, в нижней точке экономического коллапса, венесуэльское правительство провело несколько жестких экономических реформ в классическом либеральном стиле: перестало печатать деньги для финансирования бюджетных расходов, которые были резко сокращены, практически долларизировало экономику и, резко увеличив

тельства в американских банках «переходному правительству» Хуана Гуайдо. До введения санкций США были крупнейшим покупателем венесуэльской нефти: в 2005–2006 годах их доля в нефтяном экспорте Венесуэлы составляла 65%, а в 2016–2017 годах она сократилась до 30%. См.: FAUS J. *El millonario negocio petrolero de Venezuela con Estados Unidos escapa de las sanciones* // El País. 2017. 29 de mayo (https://elpais.com/internacional/2017/05/29/estados_unidos/1496017333_399364.html).

норму резервирования, свело к минимуму возможности банков кредитовать промышленность и сельское хозяйство. В марте 2022-го администрация президента Джо Байдена ослабила санкции против Венесуэлы и выдала лицензию «Chevron» на сотрудничество с PDVSA, включающую право на добычу, транспортировку и коммерциализацию венесуэльской нефти⁹. Собственно, сначала именно она, а затем и некоторые другие американские компании, получившие лицензии в конце 2023 года, и стали главным источником долларов, превратившихся за последние три года в основную внутреннюю валюту Венесуэлы. Все это позволило несколько улучшить экономические показатели, снизить инфляцию до 193% (2023) и даже объявить о росте ВВП на 4–5%¹⁰, что, естественно, несколько облегчило, но качественно не изменило тяжелейшего положения большинства населения¹¹.

Социальный кризис в Венесуэле за последние десять лет обрел поистине эпические масштабы. В 2000-е Чавес сделал очень много для того, чтобы покончить с социальным неравенством в стране – или по крайней мере для того, чтобы значительно его уменьшить. При нем произошло существенное перераспределение доходов в пользу бедных

и беднейших слоев населения: доля венесуэльцев, живущих за чертой бедности, сократилась с 49,4% в 1999-м до 29,5% в 2011-м, а уровень крайней нищеты за этот период понизился с 21,7% до 11,7%. Коэффициент Джини, отражающий неравенство в распределении доходов, снизился с 0,50 (1999) до 0,40 (2011)¹².

В 2000-х в Венесуэле шла системная реализация нескольких социальных программ – так называемых Миссий (*Misiones*). Они включали создание магазинов и супермаркетов, где продавались субсидируемые государством продукты; открытие медпунктов и клиник в бедных городских кварталах и сельской местности; запуск образовательных программ – от ликвидации неграмотности и создания начальных и средних школ до открытия специальных ускоренных университетских курсов. В 2011 году были приняты программы строительства социального жилья, развития сельскохозяйственных зон и районов проживания индейского населения. Основная цель всех этих проектов заключалась в создании государственных механизмов интеграции социально исключенных групп в общество, причем на нерыночных, антикапиталистических основаниях. В этом заключался главный

9 COTA I. *Francisco Monaldi: «El actual pragmatismo económico de Maduro se debe al ciclo electoral y no es viable»* // El País. 2024. 25 de julio (<https://elpais.com/america/2024-07-25/francisco-monaldi-el-actual-pragmatismo-economico-de-maduro-se-debe-al-ciclo-electoral-y-no-es-viable.html>).

10 MOLIERO A. *Venezuela, el país en el que una inflación de 193% puede ser una buena noticia* // El País. 2024. 9 de enero (<https://elpais.com/america/2024-01-09/venezuela-el-pais-en-el-que-una-inflacion-de-193-puede-ser-una-buena-noticia.html>).

11 Минимальная заработная плата в Венесуэле в 2024 году составляет 3,5 доллара США в месяц. Как отмечает венесуэльский экономист Мигель Анхель Сантос, для людей нет большой разницы, печатает ли правительство постоянно обесценивающиеся деньги или перестает делать это, замораживая доходы на нищенском уровне (COTA I. *Miguel Ángel Santos...*).

12 COMISIÓN ECONÓMICA PARA AMÉRICA LATINA Y EL CARIBE (CEPAL). *Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe 2012*. Santiago de Chile: Naciones Unidas, 2012. P. 65 (www.cepal.org/es/publicaciones/927-anuario-estadistico-america-latina-caribe-2012-statistical-yearbook-latin-america). Хотя сокращение бедности на двадцать и десять процентных пунктов соответственно и является весьма впечатляющим достижением, Венесуэла не была здесь лидером, уступив первое место Перу, где с 2001-го по 2011 год бедность снизилась на 26,9 процентных пункта с 54,7% до 27,8%, а нищета – на 18,1 процентных пункта с 24,4% до 6,3%.

смысл провозглашенной Чавесом концепции «социализма XXI века»¹³.

Наиболее известные из этих программ – образовательные и медицинские – реализовались главным образом с помощью кубинских врачей и учителей. В 2012 году в Венесуэле работали почти 45 тысяч кубинских медиков, чьи услуги оплачивались поставками на Кубу венесуэльской нефти. По официальным данным, торговый оборот между двумя странами составлял в 2011-м 8,3 миллиарда долларов, включая 5 миллиардов, приходившихся на оплату труда кубинского персонала¹⁴. Судя по результатам, образовательные и медицинские программы правительства Чавеса были весьма успешными: охват соответствующих возрастных категорий начальным образованием расширился с 85,2% в 1999 году (до этого на протяжении двадцати лет он практически не менялся) до 92,7% в 2011-м, а средним образованием – с 48% до 72,8%. Уровень грамотности в Венесуэле составил 95,5%, что было несколько выше среднего по континенту (91,4%)¹⁵.

Правление Мадуро не только свело на нет все реальные результаты перераспределительной политики Чавеса, но и ухудшило ситуацию по сравнению с периодом, который предшествовал ча-

визму. Несмотря на социалистическую риторику и популистскую демагогию, к концу 2010-х в Венесуэле резко выросло неравенство в распределении доходов: в 2020-м средние доходы самых богатых 20% населения в 23 раза превышали средние доходы самых бедных 20%. Пандемия еще более усугубила ситуацию: в 2021-м средние доходы верхнего квинтиля в 46(!) раз превысили доходы нижнего. На долю верхних 20% в 2020 году приходилось 54% доходов, а в 2021-м – 61%. Коэффициент Джини в 2021 году достиг 0,65, превратив Венесуэлу в одну из тех латиноамериканских стран, где распределение дохода наиболее неравномерно¹⁶. Уровень бедности в 2022-м вырос до 66,6%¹⁷.

Экономический кризис, огромное число людей, живущих в бедности и крайней нищете, разрушение городской инфраструктуры – электро- и водоснабжения, городского хозяйства и транспорта, – постоянный дефицит продуктов и товаров первой необходимости вызвали нарастающий отток населения из Венесуэлы, невиданный по масштабам для страны, не находящейся в условиях войны¹⁸. По данным ООН, число беженцев, мигрантов и соискателей убежища из Венесуэлы в середине 2024 года составляло 7,8 миллио-

13 Ее создателем был не Чавес, а Хайнц Дитрих Штефан – немецкий социолог, живущий в Мексике, – который предложил ее в 1996 году.

14 Зарплата кубинских медиков в Венесуэле составляла от 250 до 300 долларов в месяц, в то время как правительство Кубы получала за каждого из них от 2000 до 3000 долларов. См.: PRIMERA M. *Los médicos, la materia prima exportable de Cuba // El País*. 2013. 17 de mayo (https://elpais.com/internacional/2013/05/17/actualidad/1368753691_774019.html).

15 CEPAL. *Op. cit.* P. 49.

16 После 2014 года Венесуэла закрыла практически всю экономическую и социальную статистику, поэтому невозможно получить сопоставимые цифры. Приводимые данные основываются на Национальном обследовании условий жизни (Encuesta Nacional de Condiciones de Vida), проведенном в 2020–2021 годах консалтинговой фирмой «ANOVA Policy Research»: *¿Venezuela se arregló? Tendencias recientes en la distribución del ingreso* (<https://thinkanova.org/wp-content/uploads/2022/05/ANOVA-Policy-Brief-Notas-Sobre-Distribucion-CC%81n-1.pdf>).

17 *Remesas, Pobreza y Distribución del Ingreso en Venezuela: ¿Qué dice la evidencia en Venezuela?* (<https://thinkanova.org/2022/03/30/remesas-pobreza-y-distribucion-del-ingreso-en-venezuela-que-dice-la-evidencia/>).

18 По количеству беженцев сегодняшняя Венесуэла уступает только Украине и Сирии.

на человек, или 27% населения страны (28,4 миллиона). Венесуэльцы рассеяны по всей Южной и Северной Америке: наибольшее их количество приняла соседняя Колумбия (2,86 миллиона); 1,54 миллиона оказались в Перу, 568 тысяч – в Бразилии, 532 тысячи – в Чили, 445 тысяч – в Эквадоре, 164 тысячи в Аргентине. По полмиллиона венесуэльских мигрантов добрались до США и Испании¹⁹.

Самым тяжелым и зачастую трагическим в этой истории повального бегства является путь тех венесуэльцев, которые идут пешком из Колумбии на север, через расположенную на границе с Панамой сельву Дарьен – участок тропического леса, где нет дорог, поскольку там на 130 километров прерывается Панамериканское шоссе, тянущееся от Аляски до Огненной Земли. Беженцы – а среди них немало стариков, инвалидов и детей – преодолевают реки и болота, рискуя встретить диких зверей и банды, которые их грабят, насилуют и убивают.

Если в 2000-е из Венесуэлы уезжали в основном представители высших и высших средних слоев из-за несогласия с чавизмом и политики конфискации и национализации, то после 2014 года в эмиграционном потоке стали преобладать сначала средние, а затем во все нарастающей мере более низшие слои населения, жители бедных городских и сельских районов, которые при Чавесе были главными бенефициарами социальной политики режима и основной

опорой «Боливарианской революции». Кроме потери доходов, дефицита продуктов, постоянного отключения электроэнергии, на них в 2015–2017 годах обрушилась так называемая «Операция по освобождению народа» («Operación Liberación del Pueblo») – кампания по борьбе с преступностью, в ходе которой спецподразделения сил безопасности врывались в поселки бедняков и убивали на месте людей – преимущественно молодых, – произвольно зачисленных в преступники. В отчетах силовых структур подобные события позже фигурировали как «вооруженные столкновения с бандитами»²⁰. Подавляющее большинство эмигрантов покидают страну по экономическим причинам, но после 2014 года все большую долю в этом потоке составили бегущие от политических репрессий участники демонстраций протеста, активисты политических партий и гражданских организаций, просто недовольные, которым угрожали произвольные аресты, бессудные расправы и убийства²¹.

Процессы экономической и социальной деградации в Венесуэле становились все более разрушительными из-за того, что режим постепенно перекрывал все политические каналы для выражения недовольства. Поскольку уже к середине 2000-х Чавес смог установить контроль над важнейшими рычагами реальной власти – исполнительными структурами, вооруженными силами и нефтяной промышленностью, –

19 *Plataforma de Coordinación Intreagencial para Refugiados y Migrantes de Venezuela: R4V* (www.r4v.info/es/refugiadosymigrantes).

20 REYES L.M. *El madurismo contra el chavismo que disiente* // El País. 2024. 12 de agosto (<https://elpais.com/america/opinion/2024-08-12/el-madurismo-contra-el-chavismo-que-disiente.html>).

21 Независимая миссия ООН по проверке фактов зарегистрировала по меньшей мере 11 тысяч бессудных казней, совершенных Силами специального назначения (Fuerzas de Acciones Especiales) – эскадронами смерти, созданными режимом Мадуро для борьбы с политическими противниками и социальным протестом. См.: *Smolansky dejó en la calle a Petro: La migración forzosa de venezolanos no tuvo que ver con las sanciones* // Lapatilla. 2024. 18 de febrero (www.lapatilla.com/2024/02/18/smolansky-dejo-en-la-calle-a-petro-la-migracion-forzosa-de-venezolanos-no-tuvo-que-ver-con-las-sanciones/).

контроль над представительными органами представлялся само собой разумеющимся: им отводилась роль фасада авторитарного режима. Оппозиция, находившаяся в то время в раздробленном и деморализованном состоянии, бойкотировала парламентские выборы 2005 года, что позволило Чавесу полностью подчинить себе законодательную власть, а также Верховный суд и Национальный избирательный совет.

Однако в 2015 году оппозиция, объединенная в рамках Круглого стола демократического единства, нанесла режиму Мадуро сокрушительное поражение, завоевав 56,2% голосов и получив квалифицированное большинство в 112 из 164 депутатских мест. Тогда еще власть сохраняла привычку честно считать голоса, но Национальный избирательный совет оспорил полномочия трех депутатов, без которых оппозиция теряла квалифицированное большинство – иначе говоря, возможность назначать или отстранять членов других ветвей власти (судей Верховного суда и членов Национального избирательного совета), предлагать конституционные реформы и созывать Конституционную ассамблею, принимать «органические» (конституционные) законы, касающиеся фундаментальных прав граждан, а также инициировать референдумы.

Поскольку оппозиционное большинство Национальной ассамблеи подтвердило полномочия этих депутатов, Верховный суд объявил все решения парламента недействительными и даже пытался в марте 2017 года распустить Национальную ассамблею и принять ее полномочия на себя. Политические протесты, начавшиеся в апреле 2017 года, заставили режим отменить это решение, но Мадуро не думал отступить. Контроль авторитарного режима над важнейшими политическими и военны-

ми институтами постепенно обесценивал электоральную победу оппозиции. Парламент, который при чавистах был превращен в придаток исполнительной власти, под контролем оппозиции тоже не смог обрести реальную власть. Двоевластия не получилось.

В конце мая 2017-го Мадуро опубликовал декрет о созыве Национальной конституционной ассамблеи, которая должна была взять на себя полномочия мятежного парламента и принять новую конституцию. 30 июля, несмотря на многомесячные, невиданные в истории Латинской Америки, массовые протесты, выборы в Конституционную ассамблею были все-таки проведены. Оппозиция отказалась в них участвовать, а их результаты не были признаны демократическими странами. Тем не менее, как показали дальнейшие события, этот раунд политического противостояния режим выиграл, и по мере того, как протесты выдыхались, он перешел в наступление. Верховный суд вмешался в деятельность всех оппозиционных партий, заменив их руководство на новое, более послушное режиму. В преддверье очередных президентских выборов (2018) большинство политических лидеров первого ряда, включая Каприлеса, были поражены в правах и лишились возможности в течение пятнадцати лет баллотироваться на любые политические посты.

Институциональный кризис 2017 года еще раз продемонстрировал важнейшее качество режима и самого Мадуро: нежелание ни при каких условиях расставаться с властью. Не унаследовав харизмы Чавеса, Мадуро в совершенстве усвоил его хватку: оказавшись на смертном одре, Чавес до последнего цеплялся за власть. Даже при меньшем размахе народных выступлений недемократические режимы, по словам американского исследователя Стивена Левицкого,

«в большинстве случаев оставляют власть еще до того, как все становится слишком плохо»²². Люди, которые в течение трех месяцев практически каждый день выходили на улицы, испытали разочарование и апатию, оппозиционная коалиция распалась, наиболее активные венесуэльцы начали «голозовать ногами». Чавистский режим в 2017 году продемонстрировал то, что можно назвать новой устойчивостью авторитаризма: в 2018-м глухое сопротивление народному протесту явил диктаторский режим в Никарагуа, в 2020-м – в Беларуси.

На президентских выборах 2018 года у Мадуро не было реальных соперников: Круглый стол демократического единства отказался принимать в них участие и не признал их итогов. По Конституции вновь избранный президент, вступая в должность, должен приносить присягу в зале Национальной ассамблеи. Но Мадуро не устраивала присяга перед оппозиционным парламентом, и он принес ее перед Верховным судом. На этом основании Национальная ассамблея 5 января 2019 года объявила президента отсутствующим и назначила своего председателя Хуана Гуайдо временно исполняющим обязанности президента, что формально соответствовало конституционным нормам.

Гуайдо и стоявшая за ним наиболее радикальная часть оппозиции, партия «Народная воля» («Voluntad Popular») во главе с находившимся тогда под домашним арестом Леопольдо Лопесом, стремились переломить ситуацию и разрушить кладбищенское спокойствие, воцарившееся после провала народных выступлений в 2018 году. Провозгласив себя президентом перед собравшимися на одной из центральных площадей Ка-

ракаса сторонниками оппозиции, Гуайдо призвал народ к массовым протестам, чтобы добиться мирного свержения узурпатора. Он также обратился к вооруженным силам, призвав их выступить на стороне Конституции, перестать поддерживать диктаторский режим, пообещав амнистию за совершенные ранее преступления тем военным, которые перейдут на его сторону. Гуайдо получил широкую международную поддержку: более пятидесяти стран, включая США, ведущие европейские страны и большинство латиноамериканских, признали его законным временным президентом Венесуэлы.

В феврале–марте 2019 года в стране сложилось неустойчивое равновесие: к концу апреля стало очевидно, что Гуайдо не смог добиться массового выхода людей на улицу, повторения 2017-го не получилось. Мадуро же вновь обратился к не подводившей его ранее тактике затягивания, не без основания надеясь, что политическое напряжение сдуется само собой, как это уже происходило в 2014-м и 2017 годах. Вместе с тем высокопоставленные представители американской администрации с самого начала политического кризиса в Венесуэле не упускали случая публично напомнить о своей прямой причастности к деятельности венесуэльской оппозиции и лично Гуайдо. Устами своих высших руководителей, включая президента Трампа, США постоянно повторяли, что готовы ко всем вариантам действий против режима Мадуро, включая военный. Гуайдо, а затем и Лопес со своей стороны не только не отвергали возможность американского вмешательства ради свержения Мадуро, но и подчеркивали, что Конституция Венесуэлы прямо допускает приглаше-

22 Цит. по: FISHER M., ТАУБ А. *How Venezuela Stumbled to the Brink of Collapse* // The New York Times. 2017. May 14 (www.nytimes.com/2017/05/14/world/americas/venezuela-collapse-analysis-interpreter.html).

ние иностранных войск в случае необходимости. (Надо думать, что автор Конституции Боливарианской Республики Венесуэла Уго Чавес, вставляя в текст соответствующую статью, думал о возможности приглашения кубинских войск и перевернулся бы в гробу, узнав о подобной ее трактовке.)

На мой взгляд, именно тесные отношения оппозиции с администрацией Трампа существенно уменьшили поддержку Гуайдо внутри Венесуэлы – страны, которая никогда не была «банановой республикой» и привыкла гордиться этим. В итоге затея с временным правительством ограничилась освобождением Лопеса из-под домашнего ареста, неудачной попыткой устроить мятеж на военно-воздушной базе «Ла Карлота» в Каракасе и передачей временному правительству Гуайдо части венесуэльских активов в США и Европе. В конце 2022 года решением уже не существующей к тому времени Национальной ассамблеи IV созыва временное правительство было распущено²³.

Таким образом, к концу второго десятилетия пребывания чавистского режима у власти венесуэльская оппозиция, казалось, перепробовала все возможные политические действия – как легальные, так и нелегальные: бойкот выборов, участие в выборах (и даже победу на них), многомесячные массовые протесты, попытки создания параллельной власти, две неудачные попытки военного переворота. И ничто из перечисленного не принесло успеха. С каждым поражением оппозиции в стране усиливалось ощущение безнадежности: по меньшей мере уже два поколения венесуэльцев не знают другой жизни, кроме постоянной борьбы за элементарное выживание.

Тем не менее в конце 2023 года ситуация в Венесуэле стала вновь меняться, порождая в обществе новые, последние, предельные надежды на то, что удастся, наконец, покончить с этим кошмаром и найти выход к нормальной жизни. После многомесячных секретных переговоров представителей Мадуро и администрации Байдена в Дохе США согласились облегчить экономические санкции против Венесуэлы, сняв на шесть месяцев запрет на участие американских и транснациональных компаний в добыче, транспортировке и продаже венесуэльской нефти. В октябре 2023 года на Барбадосе состоялась встреча представителей венесуэльской оппозиции и правительства, в ходе которой они договорились о проведении очередных президентских выборов в конституционные сроки и назначили их на 28 июля 2024 года. Единая демократическая платформа (Plataforma Unitaria Democrática) оппозиции, созданная в 2021 году вместо Круглого стола, провела праймериз, на которых с 92,35% голосов (из 2,5 миллиона, принявших участие в голосовании) победила Мария Корина Мачадо.

Мачадо – лидер наиболее радикального крыла венесуэльской оппозиции. Большинство других партий и руководителей оппозиции, включая Каприлеса и Лопеса, при всех различиях между ними, программно-идеологически принадлежали к центристскому и левоцентристскому лагерю. Возглавляемая Мачадо партия «Давай, Венесуэла!» («Vente Venezuela!») относится к праволиберальному течению и является членом Либерального Интернационала. Мачадо – сторонница свободного рынка и сокращения государственного вмеша-

23 В 2020 году режим Мадуро провел очередные парламентские выборы, которые положили конец полномочиям и оппозиционной Национальной ассамблеи, и проправительственной Конституционной ассамблеи, так и не предложившей никакого проекта новой Конституции, ради которого она формально избиралась.

тельства в экономику и социальные отношения. Она горячо поддержала приход к власти в Аргентине Хавьера Милея, с которым ее объединяют общие экономические взгляды, хотя Мачадо и не разделяет его консервативных представлений в области гендерных отношений, аборт, легализации легких наркотиков и тому подобного. Впрочем, идеологические различия уже давно перестали иметь сколько-нибудь важное значение в Венесуэле: ключевым вопросом является лишь то, кто способен наиболее эффективно объединить оппозицию и привести ее к победе на выборах – неважно правый он (она) или левый.

Мария Корина Мачадо уже полтора десятилетия пользуется репутацией наиболее решительного противника чавизма, она никогда не шла ни на какие компромиссы с режимом. Ее публичное столкновение с Чавесом в 2012 году в Венесуэле хорошо помнят. В ходе последнего выступления каудильо в парламенте Мачадо перебила его словами: «Честная Венесуэла не хочет идти к коммунизму. Как вы можете говорить об уважении к частному сектору, в то время как проводите экспроприации, то есть занимаетесь грабежом?» Чавес выслушал ее, не перебивая, и под приветственные крики своих сторонников ответил с сарказмом: «Ваш ранг не позволяет вам дискутировать со мной. Я очень сожалею, очень сожалею – но это правда. Вы назвали меня вором перед всей страной, но я не буду оскорблять вас. Орел не охотится на мух, депутат»²⁴.

Чавес явно недооценил калибр своего противника. Победив на праймериз, Мачадо развернула энергичную кампанию по мобилизации общества против режи-

ма и созданию гражданских структур, которые обеспечили бы оппозиции победу на выборах и честный подсчет голосов. В течение нескольких месяцев были найдены наблюдатели для всех 30 тысяч избирательных участков и представители оппозиции в избирательных комиссиях всех уровней. Мачадо не смутило даже то, что режим практически немедленно отменил результаты предварительных выборов. Уже в январе 2024 года Верховный суд объявил о поражении Мачадо в пассивных избирательных правах на пятнадцать лет, в силу чего Национальный избирательный совет отказался ее регистрировать в качестве кандидата в президенты. Это было явным нарушением соглашений режима как с оппозиционерами, так и с американцами. В новых условиях оппозиция быстро и единодушно поддержала кандидатуру 74-летнего Эдмундо Гонсалеса Уррутия, мало кому известного дипломата среднего уровня, который был председателем Круглого стола демократического единства. Он был официально зарегистрирован и в течение нескольких месяцев вел избирательную кампанию, главным лицом и мотором которой оставалась Мария Корина Мачадо.

По уровню самоорганизации эта кампания превосходила все, что делала оппозиция в последние двадцать лет. Решающее значение в этом имело настроение людей: большинство из них понимали, что выборы будут неравными, непрозрачными и скорее всего нечестными, но тем не менее венесуэльцы воспринимали участие в голосовании как «последний бой», в котором надо или победить, или смириться навсегда – и любой ценой уезжать из страны.

24 CASTRO M., REYNOSO L. *La trayectoria de María Corina Machado: del nicho de la política tradicional a la movilización de masas* // El País. 2024. 27 de julio (<https://elpais.com/america/2024-07-27/la-trayectoria-de-maria-corina-machado-del-nicho-de-la-politica-tradicional-a-la-movilizacion-de-masas.html>).

Отстранив Мачадо от участия в выборах, Мадуро и чавистская верхушка, по-видимому, успокоились, решив, что никому неизвестный и пожилой Гонсалес Уррутия не имеет шансов на победу. Они просчитались. Еще за десять дней до выборов Мадуро даже не рассматривал возможность поражения: все опросы, которые ему приносили, были в его пользу. Напротив, распространявшиеся в социальных сетях данные социологических служб, которые предсказывали Мадуро сокрушительное поражение, были с его точки зрения сфабрикованы «врагами» и «империализмом». Поэтому, когда голосование закончилось и по мере обработки поступающих голосов, появления экзитполов и результатов так называемого быстрого подсчета становился очевидным масштаб провала режима, Мадуро оказался абсолютно к этому не готов. Дальнейшие действия режима были предельно грубыми: через несколько часов после окончания голосования Национальный избирательный совет прекратил принимать протоколы с мест и объявил, что система подверглась «террористической агрессии»²⁵.

Венесуэльская система голосования очень надежна, чем неоднократно хвастался режим и в чем с ним соглашалась оппозиция. Электронное голосование избирателя, который нажимает соответствующую кнопку на клавиатуре машины, тут же дублируется в распечатанной копии избирательного бюллетеня, который голосующий опускает в урну. Если бы результаты устраивали режим, он объявил бы их немедленно. В ночь на 29 июля на это потребовались шесть

часов, по прошествии которых председатель Национального избирательного совета сообщил, что по результатам обработки 80% полученных протоколов «убедительную и необратимую» победу одержал действующий президент, получивший 5,15 миллиона голосов (51,2%). Гонсалес Уррутия, согласно официальным данным, получил 4,45 миллиона голосов (44,2%). Мадуро тут же был провозглашен избранным президентом Боливарианской Республики Венесуэла на срок с 2025-го по 2031 год.

Оппозиция, выждав небольшую паузу, начала обнародовать собственные результаты в соответствии с протоколами, которые она получала от своих наблюдателей и представителей в избирательных комиссиях. 29 июля на основании обработки 73% находившихся в распоряжении оппозиции протоколов Мария Корина Мачадо объявила избранным президентом Эдмундо Гонсалеса Уррутию, который победил во всех штатах Венесуэлы и набрал 70% голосов против 30% у Мадуро. 2 августа оппозиция открыла собственный избирательный сайт, где на основании 83,5% протоколов сообщила о следующих результатах: Гонсалес Уррутия – 7 303 480 голосов (67%), Мадуро – 3 316 142 голоса (30%)²⁶.

Объявляя Гонсалеса Уррутию избранным президентом, Мачадо избегала произносить слово «подлог», за которое в Венесуэле можно получить тюремный срок, и, помня о прежнем опыте, не призывала к протестам, а напротив, подчеркивала, что защищать результаты надо мирным путем. Однако множество людей все равно вышли на улицы Каракаса

25 Такой вариант развития событий считали наиболее вероятным многие венесуэльские специалисты. «Увидев результаты, Мадуро обрушит систему, и они объявят те цифры, которые им подойдут», – сказал накануне выборов венесуэльский экономист Франсиско Мональди (Cota I. *Francisco Monaldi*...).

26 Явка составила 10 888 475 (60%) из 18 122 062 зарегистрированных избирателей. Оставшиеся 268 тысяч голосов (2%) распределились между остальными восемью кандидатами, участвовавшими в выборах (<https://resultadosconvezla.com/>).

и всех крупных городов, празднуя победу и отвергая официальные результаты. Манифестации вылились в свержения памятников Чавесу; Мадуро проиграл не только по голосам, но и символически – выборы стали плебисцитом, в ходе которого народ высказался против чавизма.

Наиболее массовый и упорный характер протесты приняли в кварталах бедноты, еще десять лет назад служивших главной опорой чавизма. В результате на них обрушились и самые беспощадные репрессии режима, ставшие единственным средством, с помощью которого он пытается удержать власть. Мадуро обвинил оппозицию в совершении государственного переворота, разжигании ненависти и насилия, добавив, что «фашистам на этот раз не будет прощения», и объявив об ускоренной подготовке двух новых тюрем для политических заключенных.

По данным правозащитных организаций, за две недели, прошедшие после выборов, в Венесуэле были задержаны более 1200 человек, причем большинство из них без всяких юридических оснований. Сотрудники спецслужб в масках врываются в дома гражданских активистов, наблюдателей и членов избирательных комиссий, а также просто граждан, замеченных на демонстрациях или рядом с ними. 25 человек были убиты полицией, спецслужбами и наемными бандитами, состоящими на службе режима (так называемые *colectivos*). Некоторые люди, причем иногда публичные, исчезли вообще без следа, оказавшись схваченными неизвестными на улице, в аэропорту, дома. По размаху репрессий сегодняшняя Венесуэла все больше напоминает Чили и Аргентину после военных переворотов 1970-х. Накануне выборов Мадуро пугал тем, что в случае его проигрыша Венесуэле ожидает «кро-

вавая баня» – и похоже, он собирается исполнить свою угрозу.

В этих условиях возможности оппозиции ограничены, хотя уже несколько раз по ее призыву венесуэльцы выходили на улицы. Поэтому очень важную роль играют международные усилия, направленные на честное и беспристрастное выяснение подлинных результатов выборов 28 июля. США, Европейский союз, большинство латиноамериканских стран не признали Николаса Мадуро победителем и избранным президентом Венесуэлы. Это сделали только самые близкие союзники режима – Куба и Никарагуа, – а также левые правительства Гондураса и Боливии. Остальные с разной степенью жесткости требуют от венесуэльского правительства предъявить дезагрегированные данные и протоколы избирательных комиссий, на основе которых оглашались официальные результаты. Судя по тому, что по прошествии двух недель Национальный избирательный совет этого так и не сделал, режим не в состоянии предъявить даже сфальсифицированные результаты – заранее их не подготовили, а система в самом деле оказалась надежно защищенной.

Правительства шести латиноамериканских стран – Аргентины, Уругвая, Перу, Эквадора, Панамы и Коста-Рики – наряду с США объявили о непризнании официальных результатов и фактически признали Гонсалеса Уррутии избранным президентом. Левый президент Чили, Габриэль Борич, первым заявил о невозможности поверить в официальные результаты и потребовал предъявить протоколы, хотя и не заявлял о признании Гонсалеса Уррутии. Три левых президента, ранее поддерживавших чавизм – Лула в Бразилии, Густаво Петро в Колумбии и Мануэль Лопес Обрадор в Мексике – также требуя предо-

ставить исходные протоколы, в то же время пытаются наладить посредничество между правительством и оппозицией в Венесуэле.

Многие в Венесуэле и за ее пределами считают, что Мадуро глубоко безразлична международная реакция на его действия и преступления: если массовый выход на улицу не свергает авторитарный режим, то международное давление вряд ли поможет – тем более, что у всех без исключения латиноамериканских соседей Венесуэлы масса собственных проблем, которые венесуэльская история только усугубляет. В первую очередь это, конечно, пробле-

ма венесуэльских беженцев. Вместе с тем международное давление – это единственное, что позволяет надеяться на мирный выход из сложившейся ситуации, предусматривающий для режима какой-то приемлемый путь отказа от власти. Но до тех пор режим будет стараться, как он это делал уже много раз, выиграть время с тем, чтобы граждане смирились с подлогом. «Люди, которые раньше не боялись, начинают бояться. И многие со слезами повторяют то, что начинает казаться все более очевидным: здесь ничего не произойдет»²⁷. Верно это или нет, покажет уже ближайшее будущее.

27 VÁSQUEZ J.G. *¿Qu? va a pasar en Venezuela?* // El País. 2024. 11 de agosto (<https://elpais.com/america-colombia/2024-08-11/que-va-a-pasar-en-venezuela.html>).

Путешествие по Палестине в 1925 году¹

АВРААМ
КАГАН

Авраам Каган родился в 1860 году в литовском местечке Паберже Виленской губернии в семье ортодоксальных евреев. Его дед был раввином, отец – преподавателем иврита; то же будущее ждало и Авраама: его отправили учиться в иешиву². Однако Каган рано увлекся светскими дисциплинами и изучением русского языка, а чуть позже стал интересоваться революционными идеями. В 1882 году, после того, как полиция устроила в его доме обыск, он эмигрировал в Америку.

В США Авраам Каган стал журналистом социалистической ориентации, писал на идише и на английском языке, который быстро освоил. Он работал репортером нескольких еврейских социалистических изданий, а в 1897 году основал «Форвертс» – пожалуй, самую влиятельную и популярную газету на идише за всю еврейскую историю. «Форвертс» выходит и по сей день на идише и английском.

Книга «Палестина. Путешествия в 1925-м и 1929 годах» является доработанным и расширенным сборником путевых заметок Кагана, написанных для публикации в «Форвертс». Автор намеревался дать очерк жизни в подмандатной Палес-

Авраам Каган (1860–1951) – литератор, журналист, один из основателей социалистической газеты на идише «Форвертс», деятель американского социалистического движения.

1 Перевод по: КАГАН А. *Palestine. A bazukh in yor 1925 un in 1929*. New York: Forverts association, 1934. Z. 11–33, 45–57.

2 Высшая школа изучения еврейского религиозного права (галахи), центр традиционной еврейской учености.

АРХИВ «НЗ»

тине³; предполагалось, что эти тексты заинтересуют американских евреев, сочувствующих сионистскому проекту и материально его поддерживающих.

К Первой мировой войне Палестина находилась под властью Османской империи; в самом начале XX века там жило немного евреев, в основном ультраортодоксальных. Довольно часто евреи приезжали в Палестину умирать, так как считалось, что после прихода Машиаха (мессии) именно там можно первыми восстать из мертвых.

В конце XIX века в Европе возникает идеологическая концепция сионизма, предполагающая создание на территории Палестины государства евреев; своей государственности они были лишены с момента разрушения Второго Иерусалимского храма римлянами в 70 году нашей эры. Светские идеи сионизма чаще всего вызывали резкое неодобрение религиозных евреев: они верили, что государство Израиля может и должно быть создано лишь после прихода Машиаха.

Идеи сионизма – и соответствующее политическое движение – постепенно набирали популярность. К 1925 году уже несколько волн переселенцев осели в Палестине. Интересно, что, несмотря на общее недовольство местных арабов (прежде всего крестьян-феллахов), прирост еврейского населения в этих землях не был бы возможен без их содействия: евреи выкупили землю – причем по немалой цене – на деньги, которые жертвовались им по всему миру. Самую мощную поддержку сионистскому проекту оказывали евреи США. Что касается позиции британских властей, то в 1920-е они пытались ограничить еврейскую эмиграцию в Палестину – для поддержания стабильности (в частности, этнической) на подмандатных территориях.

Публикуемые ниже отрывки описывают первое путешествие Авраама Кагана в Палестину в 1925 году. **[Ася Лейдерман]**

КАК Я ДОБРАЛСЯ ДО ИЕРУСАЛИМА

Мы – я и моя жена – приехали в Кантару⁴, разделяющую Египет и Палестину. Она же была границей между Азией и Африкой. [...]

Сейчас мы в Африке, но еще три минуты – и будет уже Азия. От этого чувства сердце начинает биться быстрее.

3 В 1922–1948 годах находилась под управлением Великобритании согласно мандату Лиги наций.

4 Эль-Кантара – город на севере Египта, расположенный рядом с Суэцким каналом.

«Передо мной Суэцкий канал!» – сказал я себе с трудно передаваемым чувством. Я не мог оторвать глаз. В этот же момент показался большой корабль, будто чтобы специально проиллюстрировать мысль, которая занимала все мое сознание. Я стоял в изумлении. Канал так узок, что корабль занимает его почти целиком. Он движется очень медленно. [...]

Египет находится под британским контролем, и Палестина находится под британским контролем. По обеим сторонам Суэцкого канала расположены британские военные. Канал целиком принадлежит Британии, но проплывать по нему могут суда любых стран. Стремление британцев удержать Суэц, ключик между Средиземным и Красным морями, было ключевой причиной получить Палестину в свои руки после Великой войны⁵. В военном смысле канал имеет для Англии огромное значение.

Однако Египет и Палестина – разные страны. Как и на всех других границах, здесь существует таможенная станция. Вам заморочат голову проверкой паспортов так же, как при поездке из Германии во Францию.

Но Англия так заинтересована в наличии здесь таможни не только потому, что Палестина – отдельное государство. Англия – практичная страна, и беспокоить путешественников просто так не в ее натуре. Таможенный пункт при въезде в Палестину вполне настоящий, и сионисты относятся к нему очень серьезно. Прямо на границе, на берегах, где досматривали мой багаж, я столкнулся с проблемой, являющейся для евреев Палестины одним из ключевых поводов для беспокойства.

Они надеются развить в Палестине промышленность. Но позволит ли это Британия? Она видит в колониях рынок сбыта для своих товаров. Цель Англии состоит в том, чтобы колонии закупали продукцию ее фабрик, а не производили свою. Ей нужны высокие налоги на ввоз сырья в Палестину, чтобы его было как можно меньше. Кроме того, ей также важны высокие пошлины на вывоз из Палестины готовой продукции.

Поэтому таможня на въезде в землю Израиля не пустой звук.

Мы уже в Азии, или – если быть точнее – в Малой Азии. Здесь нас ждет поезд – европейский поезд, с европейскими спальными вагонами.

В 6 утра, после ночи езды, мы приехали из Кантары в Лод. Там нас уже ждали несколько друзей, которые приехали из Тель-Авива и Иерусалима, чтобы нас встретить. Среди них был мой молодой товарищ Мойше Виноград, который приехал спе-

5 Имеется в виду Первая мировая война.

циально из Нью-Йорка, чтобы сопровождать меня в дальнейшем путешествии и помогать как секретарь.

Лод находится в полчаса езды от Тель-Авива, который сейчас играет роль фактической столицы еврейской Палестины. Но, согласно разработанной ранее программе, сначала мне нужно было посетить Иерусалим. Для этого мы сели на еще один поезд, более медленный, который через 4 часа привез нас в Иерусалим.

Земля вокруг была плоской, очень плоской: сухие скудные равнины.

Были видны арабы. За последние две недели я видел тысячи арабов. Их было много на корабле, на котором я приплыл из Триеста в Египет; в Каире и Александрии, где я провел почти неделю, все улицы, кафе и магазины заняты в основном арабами. Но арабы, которых я видел из поезда, выглядели совсем не так, как арабы в Египте.

В Египте население преимущественно чернокожее – и выглядит, совсем как негры. Некоторые чуть светлее, у некоторых нет негроидных черт лица, но все они перемешаны, и между ними нет разницы ни в социальном плане, ни в вопросах брака. Светлокожие арабы – в Египте редкость.

Люди, которых я видел из вагона, тоже были не совсем белыми. Кожа у них была темно-коричневой, но на негров они были совсем не похожи.

Визуально они очень похожи на нас, евреев. И, чем больше я на них смотрел, тем больше чувствовал это сходство. Я пытался представить, как тот или иной араб будет выглядеть, если его одеть в европейскую одежду. Можно ли будет подумать, что он еврей? И каждый раз я отвечал себе: «Да, конечно!». [...]

В основном они стояли или сидели на земле, рассматривая людей серьезно, словно бы с тоской в глазах. Эту же тоску можно увидеть и в тысячах еврейских местечек.

Не зря и мы, и они принадлежим к семитской группе. Существует даже теория о том, что арабы, которые живут в Палестине, когда-то были евреями. Не знаю, правда это или нет, но они и правда очень похожи.

Очень часто на станциях, когда я смотрел на группу арабов, на то, как они сидят в своих бесформенных одеждах и накрученных вокруг головы тюрбанах, я неосознанно ловил себя на мысли: так выглядели наши предки во времена праотца Авраама.

Станций было много. Поезд останавливался каждые несколько минут. Но вокруг станций было совсем мало домов. Деревни, которые встречались нам на пути, были очень маленькими и выглядели скорее как бедные цыганские стоянки. Тут и там виднелись стада овец – желтовато-белых или полностью чер-

ных. В иных местах черные овцы были смешаны с черными козами.

Несколько пастухов: мужчины, женщины, дети. Они сидели на земле среди животных. Проезжали фигуры на ослах или верблюдах. Они сидели ровно, двигаясь с неевропейской расслабленностью. В одном месте арабский мальчик лет десяти сидел на верблюде задом наперед. Верблюд высокий, так что он сидел будто на крыше. Но мальчик держался с тем же спокойствием, что и взрослые наездники.

Многие верблюды были нагружены вещами. Огромная гора из чего-то вроде травы или соломы. Эта гора движется сама собой. Вначале это производит странное впечатление. Но потом вы замечаете, что под этой горой плетется верблюд. Непонятно, насколько тяжела его поклажа. Неизвестно, что в ней находится. Судя по размеру поклажи, она явно не может быть легкой. Но верблюд движется своей степенной поступью, как и всегда.

Раньше я думал, что верблюд – это неуклюжее, некрасивое создание. В Египте я поменял свое мнение. Когда смотришь на верблюда немного издалека, все его движения кажутся наполненными красотой и изяществом, длинные стройные ноги и тонкая шея делают его похожим на большого грациозного аиста. А осел, который, разумеется, намного меньше верблюда и чьи большие непропорциональные уши делают его немного нелепым, намного выносливее, чем кажется на первый взгляд, и так же может нести на себе много поклажи.

Очень интересно наблюдать, как арабы ездят на этих животных.

Однажды я видел такую картину: движется гора из различных бочек, и сверху на ней сидят две арабки с младенцами на руках. Они сидят высоко, на уровне второго этажа, и всю эту конструкцию несет верблюд. Это было одновременно забавно и трагично.

В Александрии, Каире и других песчаных местностях арабы носят длинные свободные одежды до самой земли с широкими рукавами. Обычно они белые или черные, но бывают и голубые или желтоватые. В такой одежде и высокой красной феске (мусульманский головной убор, который носят все от мала до велика) арабы выглядят еще выше, чем они есть. Впрочем, в реальности они тоже высокие, высокие и стройные.

Арабы, которых я видел в Палестине, не носили таких длинных платьев. Их короткая одежда была, как правило, неопределенной формы и непонятного цвета. Они выглядели так, будто обмотались грязной потрепанной тканью. Это еще больше усилило эффект погружения в прошлое. Мне казалось, что именно так выглядели герои из Торы.

На какой-то из станций я встретился взглядом с пожилым седобородым арабом, который сидел на земле со сложенными руками, я ощутил странное чувство. «Библейский взор!» – сказал я себе. [...]

Повсюду были видны арабские женщины с детьми на руках. Два араба сидят и разговаривают, а за ними стоят их жены с младенцами и готовят еду. Дети, много детей...

Невольно я поймал себя на мысли, что эта картина имеет отношение к проблеме еврейского меньшинства в Палестине. На сегодняшний день арабов здесь в шесть раз больше, чем евреев. Еврейским женщинам не приходится жаловаться на неплодовитость, а уж арабским – тем более.

Разумеется, существует еврейская эмиграция – но как много людей могут эмигрировать?

* * *

На одной станции на английском и иврите было написано «Ашдод». Еврейская надпись была крупнее. Это первый топоним из Танаха⁶, который я помню. Слово «Лод» мне тоже известно, оно встречается уже в Талмуде⁷. Но, когда мы приехали в Лод, я не заметил там таблички с названием. Так что Ашдод – первое слово из прошлого, которое привлекло мое внимание. Однако, кроме таблички, ничего не было видно. Где же сам город?

Пустынные, безжизненные участки земли ненадолго прервались, и показались полоски зеленой травы, группки деревьев и лужайки, словно бы природа внезапно ожила.

Затем показалась гора. Природа вновь отмерла. Вокруг скалистая местность, лишь тянутся узкие полоски травы и пасутся стада овец, ослов или коз. Удивительно, но даже здесь они найдут, чем питаться. Вспоминаются плодородные поля Египта. Различие между этими землями колоссальное, можно сказать, ужасающее.

Горы становятся все больше и отвеснее. Вы смотрите во все стороны, высовывая голову из окна. Вы словно находитесь в замке – вокруг лишь голые скалистые горы.

Это Иудейские горы, о которых каждый мальчик узнает в хедере⁸, изучая священное писание.

Из Торы мы знаем, что путешествие из Египта заняло у евреев 40 лет. Мы проделали этот путь за одну ночь. У евреев времен

6 Танах – комплекс иудейских религиозных текстов, состоящий из книг Торы, Пророков и Писаний.

7 Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, сформировавшийся приблизительно в VI веке.

8 Хедер – начальное религиозное учебное заведение, которое должны были посещать все еврейские мальчики в возрасте от трех до тринадцати лет.

Моисея, увы, не было поездов со спальными вагонами, так что им пришлось тащиться через огромные арабские пустыни. [...]

Я начал разговор с представителем организации рабочих в Палестине, тут поезд остановился, и кто-то крикнул:

– Иерусалим! Приехали!

Со странным ощущением я начал вставать со своего места. В конце концов, я оказался в том городе, о котором слышал с тех пор, как себя помню! Городе, о котором отец мне рассказывал, когда я только начал понимать слова. Особый город, драгоценный город, святой город Иерусалим, о котором поют песни дома и в синагоге, о котором рассказывают маленьким детям в хедере...

Вы представляли себе этот город буквально всю свою жизнь. В молодости фантазия рисовала его одним способом, во взрослом возрасте – иначе. И всегда это был образ, полный магических тайн. Каждый раз, когда вы произносите слово «Иерусалим», перед вами предстает город, уходящий корнями в вечность.

«Вечным городом» часто называют Рим, но любой еврейский мальчишка знает, что на самом деле настоящий вечный город – Иерусалим.

Но вначале нужно разобраться с багажом. Шум и суета. Набираем арабского носильщика.

Выходим на платформу. Маленький тихий вокзал, как в каком-то маленьком городе в России или Польше.

В следующую минуту мы уже на улице. Поднимаемся в гору. Вскоре мы уже в центре городе на одной из ключевых улиц – Яффской дороге.

Путешествие из Египта заняло у евреев 40 лет.
Мы проделали этот путь за одну ночь. У евреев
времен Моисея, увы, не было поездов со спальными
вагонами, так что им пришлось тащиться через
огромные арабские пустыни.

КАК ВЫГЛЯДИТ ИЕРУСАЛИМ?

Если читатель представляет себе Иерусалим как обычный город, он глубоко заблуждается.

Из всех городов, где я был, самое сильное впечатление на меня произвела Венеция. Она принципиально отличается от других городов. То же ощущение абсолютной инаковости оставил Иерусалим.

Вы постоянно слышите о двух Иерусалимах – старом и новом. Старый город отделен от нового стеной. В ней есть несколько больших ворот. На каждом воротах стоят большие железные двери. Еще несколько десятков лет назад эти двери запирались на ночь; в былые времена город по ночам закрывали, как сейчас закрывают дом.

И стена, и ворота, и двери по-прежнему остались. Это уже не та стена, которая окружала Иерусалим две тысячи лет назад; не та стена, через которую Тит вошел в город⁹. Та стена была давно уничтожена римлянами и другими захватчиками. Но эта стена тоже достаточно древняя и преимущественно проходит по тем же местам, что и старая. Части ее сложены из камней, которые несут на себе следы времени. [...]

Новый город вырос за пределами крепостной стены. Он начинается прямо у ее ворот, и жители обеих частей смешиваются между собой, как будто бы стены не существовало. Однако же различия поразительны.

* * *

Иерусалим стоит на горе, и его улицы расположены под отвесным углом. Некоторые из них настолько крутые, что, если бы не лестницы, передвигаться по ним было бы невозможно. По таким улочкам нужно ходить осторожно. Если забыть, что это лестница, можно что-нибудь себе сломать. Подобных улиц полно в новом городе, а в старом – еще больше.

В обеих частях города есть еврейские улицы и магазины. Евреи составляют около половины населения Иерусалима и ведут активную деятельность во всех его частях. Но арабам также принадлежит большое число лавок, складов и лотков. Некоторые крупными магазинами владеют христиане.

Старый город выглядит намного беднее. Там есть люди, которые ведут приличную жизнь, но живет там и бесчисленное число бедняков, живущих существующих в непредставимой нищете.

Улица Яффо – самая фешенебельная в Иерусалиме, здесь расположены лучшие магазины. Она находится в новом городе, тоже расположена на горе и по большей части представляет собой лестницу. Если посмотреть на какой-нибудь магазин, на мгновение может возникнуть ощущение, что вы находитесь в обычном современном городке где-нибудь в Европе. Но оно быстро проходит. Общий облик магазинчиков не имеет ничего общего с европейской картиной.

⁹ Описывается разрушение Иерусалима римлянами в 70 году нашей эры – ключевое событие первой Иудейской войны, в ходе которого был уничтожен Второй Иерусалимский храм. После поражения еврейям было запрещено жить на территории Палестины. 70-й считается годом начала еврейского рассеяния.

Гористость местности и скудость здешней почвы дают о себе знать на каждом шагу. По правую сторону от улицы Яффо располагается городской сквер. Сам я не смог бы додуматься, что это такое – пришлось спросить. Стоя на противоположной стороне улицы, я увидел несколько небольших деревьев, листья которых были словно покрыты мукой. Между редкими деревцами сухая мертвая земля без признаков травы.

Двое юношей упражнялись в шутках над так называемым городским парком.

– «Нет воды! Нет воды! – говорили они с грустной усмешкой. – Рутенберг¹⁰ уже поручил, чтобы она появилась, но концессию передали греку. Поезжайте в Тель-Авив, там вы увидите, как разбивать настоящий парк».

Недостаток воды трагично сказывается на облике Иерусалима. Он ощущается везде.

Если пройти минут десять, обувь покрывается песчаной пылью. Мой багаж, который я оставил в отельном номере, покрыт ею целиком. Кажется, что весь новый город, как и в былые времена, построен из материала, который вскоре сотрется, как мел.

Большие пустые участки, прерывающие улицы нового города, создают впечатление, будто все улицы построены на обломках старых зданий.

* * *

Давайте ненадолго перенесемся в старый город.

Снова позволю себе начать со сравнения. Я уверен, что это позволит читателю лучше понять, что представляет собой старый Иерусалим.

Помпеи почти восемнадцать веков были спрятаны под землей, забытые и покрытые пеплом. На них наткнулись случайно и начали раскапывать, и сейчас город можно увидеть ровно таким, каким он был перед своей гибелью. Однако нужно долго спускаться по узкому лазу, пока вы не увидите древних улочек Помпеи.

Ровно такой же путь вам придется проделать, чтобы увидеть живой старый Иерусалим.

Долго спускаетесь по улице Яффо, пока не придете к одним из городских ворот. Евреи называют их Башней Давида,

10 Пинхас (Петр) Рутенберг (1878–1942) – эсер, организатор и участник убийства в 1906 году Георгия Гапона. По профессии – инженер. Впоследствии – один из руководителей сионистского движения. В 1920-е добился от британских властей концессии на электрификацию подмандатной Палестины, построил первые электростанции, создал и возглавил существующую и поныне в Израиле электрическую компанию.

поскольку верят, что там находилась крепость царя Давида¹¹, указывая на то, что из тех же камней построена Стена Плача¹².

Вы входите в ворота. Минуту или две идете прямо. Светит солнце, чистое небо. Но вскоре начинается лестница, и вы спускаетесь вниз. По обеим сторонам от нее расположены многочисленные лавки. Это очень узкая улочка. Она состоит целиком из каменных ступеней, так что по ней нельзя проехать. Вскоре над вами оказывается крыша. Улица пролегает под сводчатым потолком. Полумрак. Потолок заканчивается, и вы снова видите небо, потом он снова начинается. И таким образом вы все спускаетесь вниз.

Если поднять голову, будет видно, что обе стороны улочки соединены сверху мостками. На каждом из них расположены квартиры.

Магазинчики здесь самые разные: некоторые побольше, некоторые совсем маленькие. Большинство из них словно выбиты в стене. В одном месте вы увидите большой склад или кафе, где сидят арабы и пьют кофе из своих маленьких чашечек; и совсем рядом что-то вроде выемки в стене, где арабские крестьяне продают фрукты, куски ткани или арабские сладости.

Во многих местах улица прорезана небольшими переулками. Некоторые из них идут вдоль лестницы, некоторые отходят в стороны. Основная улица такая узкая, что здесь едва могут разойтись 5–6 человек. Боковые улочки еще уже. Но не все: какие-то шире и светлее. А вы все идете вниз. Порой кажется, что вы спускаетесь в погреб.

В каком-то месте от основной отделяется боковая улочка, очень известная еврейская улица. Она создает впечатление настоящей прямой улицы. Ее возраст насчитывает сотни лет, это улица, которая ведет в еврейские кварталы старого города. Мы пойдем туда чуть позже. Мы направляемся в другую сторону, заходим все глубже и глубже. Время от времени проходит какой-нибудь араб с ослом и вдавливают нас в стену. Лучше спрятаться: ослы могут сильно ударить.

* * *

Здесь я рассказал об одной улице старого города, но таких улиц еще очень много, и от каждой из них отходят десятки боковых улочек.

11 По-видимому, автор не разобрался в географии Иерусалима. Эти ворота называются Яффские, недалеко от них расположена Башня Давида.

12 Стена Плача – в иудейской традиции Западная стена – единственная уцелевшая часть стены вокруг Иерусалимского храма, разрушенного римлянами в 70 году. Является местом паломничества.

Таков весь старый Иерусалим, словно целиком расположенный на лестницах, которые ведут вниз.

Многие основные улицы выглядят, как переулки, так что иногда бывает непросто отличить улочку от чьего-то двора. Некоторые дома расположены на высоте. Из-под груды камней можно рассмотреть его окна и крыльцо. А некоторые дома, как я писал выше, построены из подмостьев, под которыми мы шли. Город стоит на склоне горы, и многие дома стоят на обломках. Неизвестно, что можно обнаружить, если копнуть немного вглубь.

За вечер я ходил туда и обратно два раза на вечернюю молитву. Я провел там около трех часов в сопровождении товарищей по социалистическому движению, изучая все улицы и закоулки старого города.

От старого Иерусалима у меня осталось общее впечатление, будто этот город откопали из-под земли и оживили. [...]

* * *

В Иерусалиме очень много церквей, потому что у христиан этот город также считается священным. Посетить эти места приезжают многие.

Если почитать буклеты туристических агентств, можно и позабыть, что Иерусалим имеет какое-либо отношение к еврейскому народу. Можно подумать, что самые важные страницы его истории связаны с Иисусом Христом и его апостолами. Вот здесь он стоял, туда он пошел, здесь с ним случилось одно, а там – другое.

Из-за подобного уровня «святости» многие страны построили здесь свои церкви: итальянскую, немецкую, русскую и другие. Существуют и различные миссионерские организации. Разумеется, они сильно отличаются от мечетей, самая древняя и почитаемая из которых находится на месте, где когда-то стоял Иудейский храм. [...]

* * *

Что за людей можно встретить на улицах Иерусалима? Самых разных!

Старый город кишит бедняками, а в новом можно встретить много людей, чей облик говорит о хорошем экономическом положении. Но жители города постоянно перемешиваются.

В новом городе живут много арабов из Египта. Они работают в отелях или офисах. По облику и цвету кожи египетских

арабов легко можно отличить от палестинских, о чем я уже писал.

Араб-горожанин, разумеется, одет намного лучше араба-крестьянина. Часто можно встретить арабов-христиан, крещеных миссионерами. Таких нетрудно узнать: они одеты по-европейски. Христианские арабки не носят хиджабы; их головная повязка – защита от солнца или дань европейской моде, не имеющая ничего общего с мусульманской религией. Встречаются и христиане из Европы, которые живут здесь или совершают поездку по святым местам.

{ От старого Иерусалима общее впечатление, будто этот город откопали из-под земли и оживили.

Улицы Иерусалима полны и других колоритных персонажей: босой крестьянин, одетый в библейские лохмотья; араб в роскошном платье цвета корицы; араб, работающий при консуле, в униформе из шелка и золота – каждый по отдельности и все вместе они добавляют красок в облик города.

Дополняют картину русские и греческие священники в высоких черных шапках без козырька. А вот идут рядом несколько богатых арабов, что-то обсуждая. У каждого на голове белый платок с черной окантовкой и пальто желто-красного или коричневого цвета. Арабы и священники сталкиваются на узкой улочке. Смешение цветов и фактур так примечательно, что хоть бери карандаш и рисуй. А вот босой крестьянин, весь в пыли, тащится из деревни со своим ослом, внимательно осматриваясь по сторонам. Его голова и тело обвязаны белыми тряпками. Ослу преграждает путь еврей в большом штраймле, с длинными пейсами и в накидке из красного плюша, тут же идет польский еврей – сочетание варшавской Налевки¹³ и еврейской улицы где-нибудь в Персии.

Такие яркие сочетания здесь на каждом шагу.

В Иерусалиме можно встретить евреев со всех концов света: русских, польских, галицийских, иранских, бухарских, туркестанских, йеменских евреев, чьи отцы или деды осели здесь. Опытный взгляд легко заметит, откуда приехал тот или иной еврей, хотя иногда эти различия понятны и новоприбывшему.

Численность населения Иерусалима составляет около 60–65 тысяч душ, около половины из них – евреи, приехавшие сюда отовсюду. Большинство из них – коренные жители города, живущие здесь на протяжении многих поколений, но, несмотря на долгую историю, они сохраняют свою самобытность. Все говорят между собой на иврите с сефардским акцентом,

13 До 1939 года улица Налевки в Варшаве – один из наиболее оживленных еврейских районов в мире.

пришедшим от сионистов, но, кроме этого, они используют свои местные языки – арабский, персидский, бухарский, литовский идиш, польский идиш, венгерский идиш и так далее.

Общаясь между собой, евреи иногда начинают говорить на других еврейских языках, но делают это плохо. Так, какая-то еврейка разговаривала со мной на очень плохом идише. Ее дедушка когда-то приехал из Багдада.

– «Мама, папа говорить на арабский, и я на арабский. Но в Иерусалим я жить с польскими евреями, могу говорить польский».

Под польским она имела в виду идиш.

После этого я в основном говорил с евреями на иврите через переводчика, но иногда некоторые с гневом отказывались общаться на иврите. Это всегда были ортодоксальные польские евреи. Они выступают против иврита как разговорного языка, считая сионистов безбожниками¹⁴. Пару раз на улице я останавливал мальчишек, по пейсам и капотам которых я понимал, что они из хасидских семей. Они боялись говорить с нами на иврите.

Тель-Авив – что это за город?

Я часто слышал о Тель-Авиве как о современном европейском городе, но после того, как мне довелось побывать там несколько дней, мне показалось, что это скорее американский город, один из тех, что вырастают за одну ночь. Он напоминает мне новые части Эджмира или подобных ему прибрежных городков возле Нью-Йорка, которые растут с поистине американской скоростью.

Почти все дома в Тель-Авиве построены из белых песчаных кирпичей. Кирпичи сами по себе белые и сверху покрыты белой известью.

Во многих местах старые здания сносят, чтобы на их месте возвести более высокие. Маленькие дома возводились, когда все думали, что Тель-Авив будет небольшим городком для торговцев из Яффо. Тогда никто и не мечтал, что из него вырастет крупный город с магазинами и фабриками. Но сейчас цена недвижимости так высока, что строить на участке земли маленькие дома – непозволительная роскошь. Земля стоит слишком дорого. Та же ситуация, что в американских городах, но в меньшем масштабе.

14 Религиозные евреи не поддерживали возрождения иврита в качестве разговорного языка, считая его языком священных текстов. Сионисты, напротив, игнорируя религиозную составляющую иврита, считали необходимым его воссоздание как нового общего разговорного языка, без которого невозможно еврейское государство.

Я смотрю на дома, которые только недавно начали строить, на бочки цемента рядом с ними; на то, как мешают известку; на рештование; смотрю на молодых людей, которые стоят на деревянных лесах и просят подать еще ведро с известкой. Я смотрю на полузаконченные магазины, которые снаружи выглядят почти построенными, но не понятно, изменят ли они форму, размер или и вовсе исчезнут. Я смотрю на надписи на иврите, начертанные на холстах или просто на бумаге, и весь Тель-Авив кажется мне скорее начинанием, надеждой, чем реально существующим городом.

В городе есть бульвар – так называется узкий парк с красивыми зелеными растениями и цветами. Пока его поливают, он цветет. Но даже его облик кажется чем-то нереальным, неопределенным.

Там, где заканчивается парк, стоят несколько красивых зданий. Я был в одном из них, и оно по-настоящему красиво и удобно. С плоской крышей, откуда видно море, дом выглядит необычно. Но, если немного отойти от этого места с интересными домами и впечатляющими тропическими деревьями, вновь возникает ощущение, что это еще не город, а только будущий город.

Тель-Авив растет слишком быстро. Возможно, даже быстрее, чем американские города во время строительного бума. Поэтому сейчас в городе нет многих вещей, которые должны там быть. Стремительный рост обгоняет строительство. Так, город был обустроен для тысяч десяти жителей, а скоро их уже будет сорок.

Число построек и персонала учреждений слишком мало для города такого размера. Главный почтмейстер Фишл Закс, уроженец Иерусалима, справляется со своей работой великолепно. Но ему надо в три раза больше сотрудников, чем у него сейчас есть. Сейчас получается так, что работники выбиваются из сил, а посетителям все равно приходится ждать очень долго.

Улицы очень узкие, и даже улицу Херцль, главную торговую улицу, нельзя назвать достаточно широкой. Когда разрабатывали первый план города и его будущих кварталов, никто не мог представить, как быстро город будет развиваться.

Хороших широких улиц почти нет.

Улица Алленби была проложена позже, чем улица Херцль, и потому заметно шире. Это лучшее место для прогулки в Тель-Авиве. Но и она выглядит еще не законченной.

Если пройти по новым районам, можно увидеть длинные ряды домов, законченных, строящихся и едва начатых. Все они белые. Длинные полосы белых стен, уходящие вдаль. Этот белоснежный цвет вызывает чувство нервозности, как будто никто не знает, что будет с этими домами дальше.

* * *

АВРААМ КАГАН

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ПАЛЕСТИНЕ
В 1925 ГОДУ

Такое же чувство и на многих лицах, что я вижу на улицах.

Я много раз гулял по улице Херцль, рассматривая магазины, рестораны и окружающих людей. Долго идти по тротуару представляется невозможным. Тут строится новый дом, там тротуар просто разбит. [...]

Магазинчики преимущественно небольшие. Есть несколько побольше, в двух из которых ощущается дух изобилия. В Нью-Йорке эти магазины считались бы лавками. Но они собираются расширять ассортимент и ждут лучших времен. На каждом шагу расположены ларьки с содовой и сигаретами.

Слишком много магазинов, слишком много кафе, слишком много парикмахерских. Там, где могло сделать выручку одно заведение, находятся четыре или пять.

Я специально прошелся по магазинам. Тут можно купить некоторые вещи, как в крупном городе, но, если вам нужны по-настоящему качественные товары, вы вряд ли достанете их в Тель-Авиве. В Иерусалиме в этом смысле ситуация обстоит лучше, хотя он, в конце концов, вполне провинциальный городок.

Разумеется, если Тель-Авив продолжит расти, это повлечет развитие промышленности и торговли, и ситуация изменится. Появится ощущение реальности и устойчивости.

Толпы народа на Гранд-стрит в Нью-Йорке и на улице Налевки в Варшаве чувствуют себя как дома, чего не скажешь об улице Херцль. Во-первых, здесь много эмигрантов, и это заметно сразу; во-вторых, даже те, кто тут давно, не выглядят, как те, кто осел в Тель-Авиве.

Возможно, мне это только кажется? Нет; я говорил об этом со многими людьми, и у них то же ощущение.

* * *

Тель-Авив расположен на самом берегу моря. Пятнадцать минут ходьбы от центра города до пляжа. Было бы намного меньше, если бы улицы были как следует вымощены. Сейчас приходится продирааться сквозь песок.

Почти у самой воды находится кафе «Казино» с видом на море. Оно очень маленькое. Рядом есть несколько ларьков – все как будто временное.

На берегу есть маленькая узкая скамейка, места на которой не хватает. Но для молодежи песок – лучшее место, чтобы посидеть. В выходные по субботам тут всегда толпы людей, но и в будние дни весьма оживленно.

Здесь же на пляже находится площадка под открытым небом для митингов рабочих, сцена и скамейки. Если пришедших на митинг больше, чем мест на скамейках, люди сидят на песке.

Я принимал участие в одном из таких митингов. Это было на лекции Берла Кацнельсона – одного из ключевых деятелей палестинского рабочего движения и редактора палестинской рабочей газеты «Давар». У меня была возможность посмотреть на пришедших как со сцены, так и вне ее. Собрались около полутора тысяч человек, и около 80% из них была молодежь 18–25 лет. Из 20% я заметил только трех человек преклонного возраста: один пожилой еврей с короткой седой бородой сидел на втором ряду и внимательно прислушивался. Женщин было намного меньше, чем мужчин, всего около двухсот.

Выступавший, конечно, говорил на иврите. Лекция была на очень серьезную тему, и пришедшие слушали ее с большим интересом.

* * *

Было очень жарко. Солнце светит ярко, ни клочка травы. Только песок, и песок, и песок. Есть несколько деревьев, но их мало и они все в пыли. Поливать растения было бы непозволительной роскошью, потому что с водоснабжением дела обстоят так же, как и с другими коммуникациями: город перерос свою инфраструктуру.

Водоснабжение здесь намного проще, чем в расположенном на горах Иерусалиме, но нынче с водой стоит быть экономнее. В основном потому, что одновременно строится слишком много домов, а при строительстве вода нужна для смешивания цемента и извести.

Однако для бульвара Ротшильда делают исключение. Его поливают регулярно, и он выглядит хорошо, хотя растения и кажутся немного суховатыми.

Плотного слоя зелени нет даже на бульваре. С крупнолиственными цветами соседствуют невысокие деревья, окруженные участками иссохшей темной земли.

Так везде – и в окрестностях Тель-Авива.

Мне очень жаль, что у меня не получилось посетить Палестину весной. Все говорят, что в эти месяцы природа особенно красива и плодородна. Я беседовал на эту тему с одним знакомым, и он сделал интересное замечание:

«Как объяснить, что в восточных странах делают самые красивые ковры? Я понял это с тех пор, как живу в Палестине. Весенняя природа сама дает для них образец. В это время все наполнено таким

изобилием, таким буйством красок, что человеческий глаз смотрит на все это зачарованно».

АВРААМ КАГАН
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ПАЛЕСТИНЕ
В 1925 ГОДУ

У другого из моих близких знакомых я спросил: «А как обстоят дела с горами, которые тянутся почти вдоль всего пути из Иерусалима в Тель-Авив?» На что мне ответили, что и в горах есть плодородные участки, которые зацветают весной.

Чуть дальше от Тель-Авива начинаются намного более зеленые пейзажи. Уже в нескольких милях от города расположены фермы и апельсиновые сады.

* * *

Только начинаешь привыкать к местной жизни, как происходят совсем странные события.

Я гуляю по какой-то из тель-авивских улочек. Со второго этажа дома слышится пианино, играют замечательно. Я иду ближе на приятные звуки. Навстречу мне выходит интеллигентного вида человек с портфелем под мышкой, в белом выглаженном костюме. На другой стороне паркуется новенькая машина, только с фабрики. И тут же рядом со мной проходит верблюд с грузом на спине – мешками с песком, висящими по обеим его сторонам. За ним следует второй верблюд, третий, четвертый... Целая вереница верблюдов, нагруженных мешками с песком. Верблюды связаны между собой веревкой. Так они и идут, медленно и грациозно ступая своими длинными ногами, покачивая узкими мордами в такт ходьбе.

Я мог бы представить себе такую картину где-нибудь в пустыне или восточном городе, но не среди этих современных зданий и современных людей.

А вот едет еврей на осле, тоже нагруженном мешками. Рядом трое арабов, двое из них босые. Третий нарядно одет, вокруг его красной шапки повязана желтая ткань. За ним идет жена, полностью покрытая плотной черной тканью. Лица не видно. Интересно, как она вообще может видеть, куда идет.

На улицах стоят еврей-полицейские в летней униформе коричневого цвета. На одной стороне их воротника и эполета надписи на иврите, на другой – на английском.

Люди здесь встают очень рано, потому что в это время прохладнее и легче работать. Я тоже встаю рано и люблю наблюдать из окна сцены уличной жизни. Снова смесь Европы и Америки с древним Востоком. Евреи идут со своими сумками на рынок, куда арабские фермеры на ослах завозят продукты. [...]

* * *

Тель-Авив и Яффо расположены очень близко. Я побывал там два раза, путь на дрожках занимает одиннадцать минут, на машине – пять. Нужно держать в уме, что дорога в плохом состоянии, вся в пыли и грязи.

Считается, что Тель-Авив и Яффо – два разных города, но, если ехать через центр города, переход между ними совсем незаметен. Вы едете по одной и той же улице, но в какой-то момент вам говорят, что здесь начинается Яффо.

Если проехать подальше, различия между городами становятся очевидны. Яффо – старый, грязный и бедный восточный город. [...]

Здесь тоже живет немного евреев, им принадлежат важные магазины. Раньше в Яффо жили несколько тысяч евреев, но после погромов они переехали в Тель-Авив¹⁵.

Яффо – один из старейших городов мира. Разумеется, он выглядит уже не так, как раньше. Его много раз разрушали и отстраивали заново.

* * *

Яффо всегда были морскими воротами всей Палестины. Это очень древний порт. Так, улица между площадкой, куда приходят корабли, и портовыми магазинами и конторами чрезвычайно узка. Никакая лошадь или телега там не проедет. Однажды, когда я по ней шел, араб передо мной катил бочку с маслом. Мы не смогли разойтись. Мне и другим пешеходом пришлось ждать около десяти минут, пока араб выкатит бочку на более широкое место.

Земля и магазины на этой улице принадлежат американской церкви. Они тоже не могут ее расширить.

Железнодорожный центр Палестины сейчас находится в Лодде, недалеко от Яффо. Там сходятся основные железнодорожные пути. Евреи ждут, когда этот узел перенесут в Тель-Авив. Тогда еврейский город тоже стал бы портовым.

Яффо – это город прошлого; Тель-Авив, если все ожидания оправдаются, – город будущего. Но мы говорим о том, что есть сейчас, а сейчас Яффо – намного более важный торговый центр. [...]

Между Яффо и Тель-Авивом ходит автобус, проезд стоит полпиастра (два с половиной цента). В Тель-Авив ездят много арабов – на заработки и чтобы торговать. В отеле, где я жил,

15 Имеются в виду беспорядки в Яффо в 1921 году, в ходе которых были убиты около ста человек – как евреев, так и арабов.

официанты и служащие были арабы. Некоторые арабы владеют в Тель-Авиве землей, некоторые управляют кафе или магазинами. Если это кафе, то только для арабов.

АВРААМ КАГАН
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ПАЛЕСТИНЕ
В 1925 ГОДУ

Яффо – это город прошлого; Тель-Авив, если все ожидания оправдаются, – город будущего. Но сейчас Яффо – намного более важный торговый центр.

Для художника Яффо был бы намного интереснее, чем Тель-Авив с его прозаичными рядами белых домов. Старые города всегда интереснее. Но, если мы говорим о культуре и планах на будущее, первенство здесь принадлежит Тель-Авиву.

Перевод с идиша и комментарии Аси Лейдерман

Михаил Анатольевич Членов (1940–2024) – этнограф, востоковед, декан филологического факультета (иудаики и гебраистики) Государственной классической еврейской академии имени Маймонида (Москва), глава Стратегического совета Евроазиатского еврейского конгресса, вице-президент Всемирного еврейского конгресса.

Я благодарен судьбе за знакомство с этим замечательным человеком. Я благодарен ему за неизменно дружеское отношение ко мне, хотя такое отношение не означает, что между нами была дружба. Так близко я с ним связан не был, а наши контакты были скорее точечными, хотя и растянулись на долгие годы, начавшись в 1960-е в виде довольно частых личных встреч в ходе общих занятий и возобновившись через едва ли не столетия. Но в промежутке бывали разговоры, его рассказы о своих делах, всякий раз необычайных.

В российской дворянской традиции было принято величать некоторых взрослых людей – известных и тем, кто с ними лично не знаком, людей общественно значимых, – их детскими именами. В советское время эта традиция дольше всего держалась в Ленинграде; в Москве среди ученых таких, кажется, было только двое – Кома Иванов и Мика Членов. В использовании мною этого не псевдонима, не клички, не прозвища, а семейного имени, ставшего достоянием целого круга, была и есть не фамильярность, а благодарность за допуск в это общество чем-то отмеченных людей. Чем?

Я познакомился с ним, думаю, в 1963 году. В 1961-м я поступил в Институт восточных языков при МГУ на индонезийское отделение и, немного освоившись, узнал, что в этом заведении, в основном готовившем переводчиков для работы в МИДе и

AD MEMORIAM

других учреждениях, имевших дело с зарубежным Востоком, есть Научное студенческое общество. А его председателем является человек с необычной речью, необычной внешностью и необычным именем – Мика Членов.

Российское востоковедение, как и, например, британское, в основном обслуживало колониальную политику государства, а советское – политику времен превращения бывших колоний в самостоятельные государства, в возможных союзников и партнеров СССР на Востоке. Хорошо поставленное востоковедение включало многие виды деятельности – от разведки до изучения языков, истории, культуры народов огромной части мира, которую на Западе называли Востоком. Институт восточных языков в миниатюре отражал эту многосложную картину.

Мика Членов учился на индонезийском отделении на несколько курсов старше меня. Он знал все, что полагается студенту-индонезисту: индонезийский голландский, английский, многосложную историю Индонезии, историю Востока в целом. Но уже к третьему курсу он, в отличие от большинства остальных студентов, имел гораздо более широкий взгляд: он видел, что такое вообще востоковедение как комплекс наук и знаний, объединяющий географию, экономику, историю, филологию, этнографию, лингвистику.

Ученый – это особый склад личности, особая этика дела, особое отношение к миру. Мика Членов сложился как ученый уже в студенческие годы. Учебная программа Института восточных языков предполагала «практику в стране изучаемого языка». Мику судьба послала в одно из интереснейших мест на планете – на Молуккские острова, известные в Европе в Новое время как Острова Пряностей. Специи оттуда в Европу доставляли индийские и арабские морские торговцы. Стремясь избавиться от этих посредников и самим попасть туда, где только и растет на всем свете гвоздика, капитаны под флагами великих морских держав Европы того времени – Португалии, Испании, Голландии и Британии – совершали первые кругосветные путешествия, открывая попутно новые земли.

Цепь из тысяч островов, которую позже назовут Индонезией, была к тому времени крайним востоком принесенного арабами ислама. Но на самом крайнем востоке этой цепи, уже вблизи Австралии, Молуккские острова оказались крошечным христианским анклавом: им владели то католики, то протестанты (впрочем, там сохранялись и следы местных анимистических верований). В начале 1960-х уже завоевавшая себе независимость Республика Индонезия крепко дружила с СССР, который оказывал ей дипломатическую поддержку и поставлял значительные объемы вооружений. Союз явно интересовали Молуккские острова, расположенные в стратегически ключевой точке южных морей.

Туда стали заходить советские корабли, при активном участии СССР началось строительство неких важных объектов.

Переводчиком туда был взят Мика Членов. Он вошел в местную жизнь, был принят местной провинциальной знатью. Знакомства в этой среде он использовал, чтобы собрать сведения по новой и новейшей истории этих мест, переживших вместе со всем архипелагом перипетии Второй мировой войны, борьбы за независимость против колонизаторов из Британии, Голландии, Японии. Вместе со своей женой Мика предпринимал экспедиции на близлежащие острова, где жили носители множества еще не изученных европейской наукой языков и обычаев, почти не затронутые перечисленными потрясениями. Он действовал как истинный востоковед, совмещая функции переводчика, историка, этнографа, лингвиста. Были собраны уникальные материалы по языкам и системам родства племен острова Хальмехера.

Мика звал меня к себе на смену. Я не поехал и вообще не стал востоковедом, связав свою судьбу с кругом Юрия Левады. Мика этот выбор уважал.

О его работе по возвращении в Москву мне известно мало. Но знаю, что, когда среди советского еврейства возникли идеи репатриации в Израиль, Мика оказался в гуще этого процесса и место его, разумеется, было там особенным. Как востоковед и как еврей, он выучил редкий тогда для нас иврит и стал одним из первых преподавателей этого языка в СССР. Его учениками были прежде всего те, кто намеревался уехать в Израиль, и эти устремления ставили их в конфликтные отношения с советской властью, не разрешавшей отъезд никуда и никому. Их звали «отъезжанты», и Мика, оказывая им значительную помощь в их сионистских стремлениях, сионистом тем не менее не был и уезжать, насколько я понимаю, не собирался. Как выяснится позже, он формировал свою особую позицию в еврейском общественном бурлении.

Не разбиравшиеся в таких тонкостях органы зато плотно заинтересовались его преподавательской деятельностью среди отъезжантов, отказников и потенциальных сидельцев. Его бы посадили или выдавили из страны, как это делали с еврейскими активистами, однако руководство института, где Мика работал, приняло спасительное для него решение. Он был отправлен в длительную командировку на крайний северо-восток СССР – туда, где еще сохранялись среди так называемых «малых народов Севера» такие, которых этнографы называют словом «изоляты». Он спасался как политический активист, но ехал туда снова как ученый-востоковед.

Экспедиция была длительной. Мика сумел прижиться в племени оленеводов, тогда еще почти не затронутом советской

действительностью. Он многое сделал как полевой этнограф, а как ученый- антрополог реконструировал и описал в категориях структуралистской антропологии их оригинальную систему родства. Я знаю об этом из его собственных рассказов: мы в очередной раз повидались по его возвращении.

Следующая встреча состоялась много позже, когда времена переменились для всех и, в частности, для евреев. Ехать в Израиль стало среди них нормой, действовали организации и существовали движения, исходившие из простой идеи: если ты еврей, твое дело – ехать в Израиль. Это был политический и бытовой сионизм, укрепляемый традиционным политическим и бытовым антисемитизмом, исходившим из того же простого постулата: еврей, езжай в свой Израиль! Противоположностью была ассимиляция: отказ от своего еврейства, превращение себя в «просто советских людей», «просто россиян», а то и «русских».

Мика Членов занял в этих условиях особую собственную позицию. Он стал утверждать субъектность тех евреев, которые не хотели ни уезжать, ни отказываться от своего еврейства. Объективно это была проеврейская антиссионистская позиция. На практике это была позиция многих в СССР-России, но теоретически и доктринально она не была оформлена и заявлена. Нормы как на отъезд, так и на отказ от еврейства были активно провозглашаемыми, а тихая практика оставаться, чтобы быть самими собой, была нормой пассивной, не проявленной. Ее-то и заявил Мика.

В мире, где действуют несколько международных сионистских организаций, Мика Членов создал собственную международную еврейскую *не-сионистскую* институцию, объединявшую страны, где евреи живут сейчас и намерены жить далее. По его подсчетам, получалась организация, сопоставимая по размерам с ООН¹. Он, помнится, принимал меня в офисе этой организации и его полусерьезный рассказ о ней был прерван приходом делегации от какой-то весьма экзотической страны.

Мика интересовался исследованиями, которые мы проводим в «Левада-центре»², – исследованиями российского общества, переживающего драму своих отношений с Западом и с Востоком. Будучи выдающимся востоковедом по образованию и призванию, по убеждениям он был столь же выдающимся западником. Но западником особенным: воспринимая Россию всерьез, он не принимал наивно-полемического утверждения «Россия – это Европа» и в европейскости (будучи сам безусловно европейским ученым) ей отказывал. Мика провел дет-

1 Шуточная идея Организации Объединенных наций приходила в 1960-е в голову и автору.

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН

МИКА ЧЛЕНОВ

ские годы в Германии и имел свою мерку европейского, которой Россия не удовлетворяла. Но это не было для него поводом отказывать ей в исторической субъектности. И, разумеется, его позиция весьма далека от выступлений нынешних антизападников: «Россия – это вам не Запад (и не Восток). Россия – это Россия!» В этой тавтологии большая сила суггестии – тем она и опасна. Возникает чувство, что утверждение, что мы «ни Запад ни Восток» является исчерпывающим и можно более не спрашивать себя, а кто же мы такие. Мика Членов с его опытом изучения культур «на стыке» – в контакте и в конфликте, – судя по моим последним разговорам с ним, имел свой ответ на эти вопросы.

Алексей Георгиевич Левинсон (р. 1944) – социолог, руководитель отдела социально-культурных исследований «Левада-центра»

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Обзор российских интеллектуальных журналов

Сегодня на интеллектуальных журналах лежит бремя воспроизводства и поддержания культуры, поэтому важно брать за разнообразные темы, не ограничиваясь какой-либо специализацией. Так «Логос» посвящает номера двум юбилеям – Эвальда Ильенкова и Рене Жирара, «Versus» сосредоточивается на оптическом, обсуждает Паноптикон и кино, а «Ab Imperio» призывает вернуться к методологическим инновациям 2000-х.

В ЗАЩИТУ ОТВЕРГНУТЫХ

«Логос» (2024. № 2) сводит вместе разные темы: политическое состояние Европы, наследие Эвальда Ильенкова и русскую литературу. Открывается обсуждение блоком «Казус “Европа”».

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

Эмманюэль Тодд интерпретирует текущий военный конфликт в Европе как столкновение двух менталитетов, не понимающих друг друга на фундаментальном уровне. С одной стороны – постимперский менталитет европейских стран и США, обусловленный, помимо прочего, упадком идеи национального государства (с. 13–15), с другой – стратегический реализм национальных государств (с. 9, 11–12).

«Ни та ни другая [сторона] не отражает реальность в полной мере, поскольку первая не смогла понять, что Запад больше не состоит из национальных государств, что он стал чем-то другим; а вторая перестала воспринимать идею национального суверенитета» (с. 17).

В противоположность Тодду, стремящемуся встать над схваткой и выявить смысловую основу конфликта, Джон Миршаймер в рамках своего *наступательного реализма* (с. 30) видит причину текущего военного кризиса в последовательных расширениях НАТО (с. 38–40), которые принуждают державы конкурировать и конфликтовать друг с другом, стремясь к гегемонии. В картине анархического мира Миршаймера, где нет высшего авторитета (с. 23), «государства заботятся о силе, потому что она

увеличивает или максимизирует их шансы на выживание» (с. 22). В своем интервью Миршаймер обсуждает возможные сценарии развития военного конфликта России и Украины, а также проблему применения ядерного оружия.

На фоне этого конфликта с новой силой проявился провал Европейского союза, считает Хауке Ритц, различая его внутривнутриполитическое измерение (провал демократии и республиканизма во внутренних структурах ЕС) и внешнеполитическое (ухудшение отношений между Германией (Европой), Западом и Россией, а также конфликт на Украине). Проект Европы, искусственно ограниченный экстенсивным развитием через расширение, исключением России из архитектуры безопасности и подражанием «американскому миру», якобы был инструментализирован и, в конечном счете, предан. Ритц настаивает на том, что Европа заинтересована в хороших отношениях с Россией (с. 71).

Книгу об этом Ритц написал в соавторстве с профессором Ульрике Геро, которую вскоре после публикации уволили из Боннского университета. Кейсу этого увольнения и представляемой им тенденции посвящена статья Хайке Эгнера и Анке Уленвинкель. Опираясь на работу Макса Вебера «Наука как призвание и профессия», они обсуждают актуальный конфликт между академическими свободами и навязыванием мейнстримной политической повестки. Этот конфликт осложняется тем, что немецкие университеты (как и российские, заметим) – институции государственных, а профессора – служащие. На основе изучения 49 случаев увольнения или понижения в должности немецких профессоров авторы показывают, что сопротивляющиеся навязыванию мейнстримной интерпретации маркируются как «спорные» или «идеологически строптивые» и подвергаются внутриуниверситетским расследованиям и атакам в медиа.

«Мы дошли до такой науки, которая больше не предоставляет индивидам и обществу рамок, внутри которых действия – также обосновываемые и в моральном плане – могут быть отрефлексированы и оправданы. Вместо этого мы имеем дело с наукой, которая формуется политикой. [...] Подлинная же наука (в веберовском смысле), напротив, живет разногласиями: ученому должно быть позволено думать и говорить вещи, которые не обязательно приемлемы для большинства. [...] Воссе не обязательно разделять содержательную позицию профессора Геро, чтобы возмущаться тем, как с ней обращаются, и протестовать против этого посягательства на конституционно гарантированную свободу науки» (с. 83–84).

В центре внимания авторов проблема: как возможно сегодня отстаивать право университета на позитивные разногласия и право профессоров на альтернативную точку зрения, продвигая инновационные идеи или нетрадиционные взгляды? Более подробный анализ самого дела профессора Геро читатель найдет в статье Роберто де Лапуэнте. Он приходит к интересному выводу:

«[Вытесняемые из университетов ученые попадают] в тот сегмент общества, представителей которого в ходе поляризованной дискуссии о коронавирусе стали негативным и исключаящим образом именовать “инакомыслящими”. [...] Произошедшее свело вместе людей, которые до пандемии никогда не нашли бы друг друга. Неожиданно возникли альянсы и сообщества, прежде казавшиеся немислимыми, классические политические категории правых и левых перемешались и – по крайней мере на мгновение – стали бессодержательными» (с. 110–111).

Второй блок номера, «Ильенков», приурочен к юбилею советского философа (стоит отметить, что в 2009 году выходит специальный номер «Логоса», посвященный Ильенкову). Редакторы-составители пишут:

«Столетний юбилей Эвальда Ильенкова – хороший повод поговорить не только о нем, но и вообще о недогматическом марксизме в Советском Союзе. И не будет преувеличением сказать, что трагическая судьба философа оказалась своего рода метафорой судьбы марксизма в СССР. [...] Мы снова обнаруживаем, насколько нам необходимо, насколько спасительно диалектическое мышление» (с. 135, 136).

Ильенковское мышление, считают они, – пример теории, самообновляющейся при столкновении с реальностью. Сегодня необходимо преодолеть сомнения в «познании как *инструменте преобразующего действия*», неразделимости абстрактного и конкретного в совокупной общественной практике. «Теория тут значима именно потому и постольку, поскольку работает в жесткой сцепке с конкретным знанием, помогая практически изменять общество и мир вокруг нас» (с. 137).

Блок открывает статья Анны Очкиной, посвященная биографии философа и контексту его работы. Также здесь анализируется один из его основных трудов – «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении», – представляющая собой переработку марксистской диалектики. В центре внимания Очкиной – категория идеального и роль общественной практики в конституировании человека.

«Преобразующая, творческая деятельность – не по логике биологических потребностей, а по логике культуры – и есть сущность человека, его “всеобщее”, его идеал. И так же, как меняются условия, содержание и характер этой преобразующей деятельности, меняется сущность человека, приближающаяся к своему идеалу настолько, насколько его деятельность приближается к свободному, творческому труду, продиктованному мотивами созидания, а не выживания» (с. 165).

Рустем Вахитов продолжает обсуждение категории идеального и особое внимание

уделяет дискуссии Ильенкова и Давида Дубровского. Если первый защищал объективность идеального, то второй отстаивал его субъективность. По мнению Вахитова, эта дискуссия была столкновением оттепели, с ее либеральным марксизмом и верностью классической культуре (с. 181–183), с застоем, с его цинизмом, разочарованием в идеалах и нравственным релятивизмом (с. 183–186).

«Спор между ильенковцами и дубровцами – казалось бы, сугубо философский спор! – был отражением противостояния социализма и растущего исподволь капитализма, с его позитивистскими и индивидуалистическими тенденциями, противостояния коллективизма и индивидуализма, пробиравшегося сквозь оболочку социалистической культуры. Более того, он был еще и спором между классикой и софистикой в новых их обличьях» (с. 187).

Исследованиям советской философии часто недостает сопоставления с западными современниками. Этот пробел берется исправить Степан Межуев. Он выстраивает теоретический диалог между советскими философами культуры (Владимир Библер, Вадим Межуев, Наль Злобин, Моисей Каган, Арнольд Арнольдов) и итальянскими постопераистами (Антонио Негри, Паоло Вирно, Франко Берарди, Маурицио Лаззарато) вокруг человека культуры или постиндустриального работника как главной фигуры постфордистского производства.

ЖЕЛАТЬ И ПОДРАЖАТЬ

«Логос» (2024. № 3) полностью посвящен миметической теории Рене Жирара, которому в 2023 году исполнилось сто лет. Как замечает в предисловии редактор-составитель Алексей Зыгмонт, эта теория – «всеобъемлющая концепция человеческих отношений, общества и культуры» (с. 1). Стоит привести здесь ее краткое изложение:

«Человеческое желание является миметическим, то есть подражательным: человек стремится к объекту, потому что “подглядел” это желание у другого человека, который служит ему образцом. Подражание между людьми приводит к конфликту, который вскоре неизбежно охватывает все сообщество; с целью спастись от этой тотальности насилия люди произвольно находят козла отпущения и обращают насилие всех против всех в насилие всех против одного; жертва единодушного убийства обожествляется, а сам этот акт кладется в основу всей человеческой культуры. На протяжении веков культура управляется этим архаическим священным, произошедшим от насилия, пока ее не разоблачают иудеохристианское откровение и смерть Христа, обнажившая единодушные гонителей и насильственные истоки общества, но также и открывшая миру подлинного – святого, а не священного – Бога, который занимает сторону жертв и насилию чужд. Из-за упадка архаического священного, которое сдерживало насилие, соперничество между людьми и государствами нарастает, и начиная с XVIII века мир неуклонно движется к апокалипсису – пирровой победе человеческого, а не божественного насилия» (с. 1).

У этой концепции, по словам Зыгмонта, невероятно широкий спектр применения – явления, где присутствуют подражание,

двойничество, жертва и насилия или кого-нибудь изгоняют. Например, наскальная живопись, литература, международные отношения и голливудская продукция. Сегодня миметическая теория развивается очень многими исследователями, корректируется с учетом новейших научных данных (нейронауки, археологии, религиоведения...), проникает во все новые сферы и дисциплины. Это «сеть из сетей, исследовательская программа, удобный аналитический инструмент, вызов для теологии, философия для жизни и много всего другого» (с. 3). Собственно, многообразным применением этого инструмента и посвящен номер.

Подробнее об этом – в статье Вольфганга Палафера, посвященной объяснительной силе миметической теории и обзору новейших случаев ее использования в спектре от исследований кино до приматологии (с. 8). Влиянию Жирара на теологию и исследования религии посвящен текст Майкла Кирвана, который считает его «теологически осмысленным антропологом» (с. 32, 37) и исследует как собственные идеи Жирара, так и их рецепцию теологами:

«Консолидация миметической теории как “теологически осмысленной антропологии” ставит два набора задач. Первая (по аналогии с историей дарвиновской теории) – это кропотливое накопление антропологических фактов, способных подтвердить миметические интуиции и превратить всю теорию из “эвристического мифа” в рабочую научную гипотезу. Более простая задача, с другой стороны, стоит перед теологами: им следует переосмыслить Библию и всю богословскую традицию в новом свете, позволив миметическим интуициям освежить и обновить жизни христиан» (с. 46).

Марта Рейнеке радикально меняет направленность обсуждения и выясняет эвристический потенциал миметической теории в феминизме и пользу для нее феминистских теорий. Если в первом случае Жирар предлагает убедительную критику

политики идентичности, распространенной в феминистской теории, то во втором случае феминизм помогает жирардианцам понять и осмыслить роль чувственного опыта (с. 55).

Статья Жан-Мишеля Угурляна посвящена синтезу миметической теории с психологией и психиатрией. В центре его внимания «интердивидуальная психология», занимающаяся становлением самости в перспективе социальных отношений. В свою очередь миметическая психотерапия выстраивается вокруг желания и его появления в результате копирования, вокруг признания и непризнания Другого в качестве подлинного источника желания, а также забывания и припоминания его происхождения. Продолжение терапевтической темы читатель найдет в работе Марыси Пророковой и Василия Радаева. Она посвящена нарративной теории и возможности ее усиления при помощи теории Жирара:

«Жираровская оптика и нарративная оптика представляются нам теоретическими и практическими союзниками в поле поиска новых способов взаимодействия с насилем – способов в широком смысле инклюзивных, не подразумевающих изоляцию и остракизм» (с. 168).

Одна из существенных составных частей миметической теории – идея, что иудеохристианское открытие ненасильственности теснит насилие и архаическое священное, являющиеся, согласно теории, залогом социальной стабильности. Это ведет к нестабильности, в перспективе которой – апокалипсис. Скотт Кауделл исследует в этой оптике эпоху постправды – фейковых новостей, политического популизма и культурных войн.

Завершается номер критической статьей Алексея Зыгмонта, развивающего и дополняющего теорию Жирара при помощи понятия *мученичества*. Последнее понимается как еще одна парадигма жертвенности на-

ряду с учредительным убийством. Она возникает как инновация христианства и вытесняет само учредительное убийство:

«“Жертвоприношение” не цельный феномен, а скорее набор парадигм, имеющих отношение в том числе к проблематике основания чего-либо: человек воспринимает окружающий мир, социальный порядок в целом или свое конкретное сообщество как что-то настолько “угрожаемое”, что ему требуется фундамент в виде смерти и крови. Одна из этих парадигм, рассмотренная Жираром – учредительное убийство, – в ходе исторического процесса начала эродировать и была почти полностью вытеснена другой – мученичеством. При этом они вступали между собой в диалог и находятся в сложном отношении преемственности и разрыва» (с. 197).

ВОКРУГ КИНО

«*Versus*» (2023. № 4) обращается к исследованиям кино. Номер открывает блок, посвященный методологии современных *cinema studies*. В кино есть особый саморефлексивный жанр – *метакинематограф*, в котором разоблачается постановочность действия на экране. Распространению данного жанра в США в 1990-е посвящено исследование Веры Потаповой, которая – вслед за Филипом Уэгнером – видит причины этого в ситуации неопределенности после окончания «холодной войны», высвободившей «радикальную политическую энергию» (с. 9). Рост популярности метакино – следствие попыток через отстранение критически посмотреть на реальность и побудить зрителя к политическому действию. Таким образом, обсуждение начинается с политической интерпретации кинематографа.

Арсений Платонов обращается к концепции кодирования/декодирования Стюарта Холла и ее эвристическим возможностям в исследованиях кино. «Данная концепция позволяет интегрировать фильм в цепочку

производства и потребления – вместо того, чтобы рассматривать само произведение как замкнутое на себя целое» (с. 50).

Зачастую новые жанры появляются не с новаторскими фильмами, а как следствие аналитической и конструктивной работы ученых и критиков (с. 60–61). Так получилось в случае субжанра фолк-хоррора. Как показывает Александр Павлов, он был изобретен ученым Адамом Сковеллом (2017) применительно к британскому кинематографу, затем подхвачен другими исследователями и распространен на другие национальные кинематографы и даже медиумы (музыку, мультфильмы, литературу). Тематику хоррора продолжает Василиса Шпоть, сосредоточиваясь на франшизации этого жанра. Она анализирует трансформацию опыта взаимодействия фандома с франшизами в контексте цифрового капитализма:

«Действия поклонников в интернете, и, в частности, в социальных медиа, обеспечивает дополнительный и очень эффективный канал для разного рода компаний, связанных с культурными и креативными индустриями» (с. 88).

Второй блок номера, «Женское мужское кино», посвящен гендерному аспекту кине-

матографа. Наталья Синеокая указывает на то, что с начала XXI века все больше фильмов, рассчитанных на женскую аудиторию, приобретают статус *культового кино*, который традиционно атрибутировался «мужским» фильмам. Это обусловлено повышением доступности фильмов благодаря интернету и академической критикой *маскулинности* культового кинематографа и самой критики. Последней и посвящена статья Синеокой, подробнее разбирающей кейс «Титаника». В свою очередь Екатерина Быковская анализирует кинофраншизу «Сумерки» – в частности, процесс формирования ее культового статуса вопреки популярности и мейнстримности.

Ольга Шипачева переключает внимание на феномен *femme fatale* в неонуаре. Этот образ в исследовании Шипачевой раздваивается. В одних случаях он существует в границах кинематографических конвенций (тайна, обман, манипулятивная сексуальность), но в других – подвергается переосмыслению через апелляции к власти, женственности и желанию. Это переосмысление ведет к усилению антифеминистского характера образа.

«Сексуальность проявляется более открыто, чем в нуаре, но в итоге сдерживается самими женщинами. Вместо того, чтобы воплощать зло, эти персонажи, наоборот, оказываются подавленными и депривированными» (с. 191).

Исследование Софья Беняминовой посвящено трансформации другого женского кинообраза – вампириши. Традиционно женщина-вампир нарушала нормы женственности, обличая таким образом угнетение женщин доминирующей патриархальной идеологией. В XXI веке этот образ меняется под влиянием четвертой волны феминизма, расширения возможностей реализации женщины в киноиндустрии в качестве режиссера и сценариста, становления женской готики.

«Пространство постфеминистской готики дает женщинам-вампирам возможность не только заявить о себе и защитить свои права, но и поставить под сомнение прошлые готические нарративы, а также традиционные женские роли. Конвенции постфеминистской готики предполагают проявление монструозно-фемининного – эстетической формы выражения женского бунта против консервативных ценностей патриархата. Большинство героинь получают силу, чтобы противостоять не просто одному мужчине, но обществу как таковому. [...] При этом защищаются не только права женщин, но и права социально уязвимых меньшинств, полноправие которых также ставится под сомнение патриархальной идеологией» (с. 213).

Завершается номер традиционным для журнала фрагментом «Книги пассажей» Вальтера Беньямина. Это конволют G, посвященный всемирным выставкам, рекламе и художнику Жану Гранвиллю.

ИМЕНЕМ ПАНОПТИКОНА

«*Versus*» (2024. № 5) посвящен пространствам в широком смысле – от тюрем и домов до городов и торговых центров. Первый блок номера посвящен идеям Иеремии Бен-тама и начинается с его работы «Паноптикон, или Надзорный дом» (1787). В ней излагается план архитектурного устройства заведений, где «люди должны находиться под наблюдением» (с. 38) – тюрем, ночлежных домов, лазаретов, больниц, школ, рабочих домов, сумасшедших домов:

«Очевидно, что во всех этих случаях чем с большим постоянством лица, которые должны находиться под надзором, находятся в поле зрения тех, кто должен за ними надзирать, тем полнее будет достигнута цель учреждения. Идеальное совершенство, будь оно целью, потребовало бы, чтобы каждый человек действительно находился в таком положении каждый момент време-

ни. Поскольку это невозможно, следующее, чего следует желать, состоит в том, чтобы в каждый момент времени, имея основания так считать и не имея возможности убедить себя в обратном, он представлял, что находится в таком положении» (с. 41).

Надзиратель при этом должен видеть, оставаясь невидимым (с. 49). В этом смысле в центре идеи Бентама вымысел, фикция. Воплощается это, вкратце, следующим образом:

«Здание круглое.

По окружности расположены апартаменты для заключенных. Назовите их, если угодно, *камерами*.

Эти камеры отделены друг от друга, и заключенные таким образом изолированы от всякого общения между собой *перегородками* в форме радиусов, идущих от окружности к центру и простирающихся на столько футов, сколько считается необходимым для того, чтобы образовать камеру наибольшего размера.

Апартамент надзирателя находится в центре; если угодно, можно назвать его *надзирательской* (inspector's lodge).

В большинстве, если не во всех случаях, будет удобно иметь свободное пространство, или *площадь*, по всему периметру между таким центром и такой окружностью. Можно назвать его, если угодно, *промежу-*

точным, или кольцевым, пространством» (с. 42).

Как показывает Миран Божович, Паноптикон имеет структуру спектакля или сценического эффекта (с. 79): исполняемое в нем наказание – *зрелище* и должно произвести наибольший эффект на других, то есть на общество в целом, при этом причиня как можно меньше страданий самим заключенным (иначе с сокращением их счастья уменьшится и совокупное счастье общества). «Основная цель наказания – сдерживание невинных – достигается при помощи самой видимости, то есть путем пробуждения идеи наказания в умах невинных». Цель – достичь «наибольшего видимого страдания при наименьшем реальном страдании» (с. 80). При этом фигура надзирателя занимает место Бога (с. 88), поскольку его невидимость для заключенных поддерживает его вездесущность (с. 85–86). Последние воображают надзирателя смотрящим на них.

Идея Паноптикона впервые возникла у брата Иеремии Бентама – Сэмюэля – кораблестроителя, инженера и изобретателя. До сих пор является малоизвестным фактом, что братья приняли участие в постройке здания по этой модели – в Санкт-Петербурге на Охте в 1806 году (сгорело в 1818-м). Это был Паноптический институт, или Коллегия искусств:

«[Предназначенная] для обучения воспитанников в возрасте от 7 до 22 лет различным ремеслам: изготовлению физических, оптических и математических инструментов и компасов, производству парусины, шляп, чулок, кож на манер английских и изготовлению из них помп, сапожному ремеслу, витью веревок, пошиву парусов и “разных одежд”, токарному и столярному делу, а также типографскому ремеслу» (с. 111).

Предполагалось построить такие институты и в других приморских городах. Этой

истории посвящен текст Роджера Бартлетта. Тематику изобретений продолжает Роберт Лоуи: его статья посвящена анализу влияния технологических изобретений и инноваций на развитие человеческих цивилизаций.

Второй блок посвящен производству пространства и пространству потребления города. Обзор современной урбанистики как науки и ее взаимодействия с другими дисциплинами читатель найдет в тексте Вадима Россмана.

Города не только растут, но и приходят в запустение. Этому явлению посвящена статья Анны Тарасовой. Она исследует феномен заброшенного торгового центра и его представленность в медиа (музыке, кино, визуальной культуре). Если действующий торговый центр представляет собой «псевдоколлективное пространство», которое скорее усугубляет взаимную изоляцию покупателей, чем преодолевает ее (с. 214), то с умирающим моллом дело обстоит иначе. Многослойное и противоречивое переживание, которое человек испытывает внутри умирающего торгового центра, становится почвой для поддержания социальных связей (с. 215).

Другому городскому феномену – хипстерству – посвящена статья Тары Семпл. В своем эмпирическом исследовании в Берлине она сосредоточивается на производимом хипстерами пространстве и его материальности.

В заключение публикуется очередной фрагмент «Книги пассажижей» Беньямина. Продолжая пространственную тему номера, он посвящен интервьюерам и следу.

АНТИЭССЕНЦИАЛИЗМ 2000-Х СЕГОДНЯ

«*Ab Imperio*» (2024. № 1) посвящен возврату к методологическим инновациям 2000-х. В редакторском предисловии отмечается:

«Сегодня мы наблюдаем массовое стремление вернуться к методологическому национализму и нативизму ранних национальных историографий после 1991 года, но с одним отличием: то, что раньше было наивным выбором, вызванным отсутствием новых методологий, теперь зачастую является сознательной позицией, подкрепленной модной теоретической риторикой» (с. 20).

Несмотря на то, что золотой канон историографии северной Евразии (Терри Мартин, Стивен Коткин, Франсин Хирш и другие) заложил основы движения прочь от эссенциализма времен «холодной войны», последний просто сменил схему и процветает:

«Однородно тоталитарное советское общество было переосмыслено как столь же гомогенное общество альтернативной советской модерности – в равной степени обнаруживаемой в деревне и в Кремле, в Москве и в Ташкенте; нарратив о всемогущем самодержавном государстве уступил место “имагологии власти” в Российской империи, под которой по-прежнему понималось государство этнических русских; а систематическое игнорирование преимущественно нерусского по составу населения политий региона сменилось столь же эксклюзивными и эссенциалистскими национальными нарративами» (с. 20).

Поэтому, когда случились события последних трех лет, «произошло быстрое и беспроblemное восстановление старой догмы: российская история – это история тюрьмы народов и империалистической экспансии» (с. 21). Старый национализм обновился под лозунгом деколонизации. Произошел, с точки зрения редакторов, «реакционный поворот к неозэссенциализму» (с. 21), в связи с чем они предлагают вернуться к полузабытым наработкам начала 2000-х для исправления ситуации и «рывка вперед». Это, например, статья Дэвида Чioni Мура «Является ли

пост- в постколониальном пост- в постсоветском? К глобальной постколониальной критике» (2001), в которой он объединил в единой концептуальной рамке две ключевые теоретические парадигмы – постсоветскую и постколониальную, – создав более сложную и чуткую оптику. При этом, правда, игнорировались другие важные эпистемологические инновации того времени: критическая теория наций и национализма и деконструкция империи как аналитической категории.

В номере публикуется новая статья Мура, посвященная пересмотру и развитию собственных идей двадцатилетней давности. Он разбирает семантику и практику применения категории «постсоветский» в сравнении с наиболее распространенными ее альтернативами – «посткоммунистический» и «постсоциалистический» – и прослеживает основные траектории постколониальности на постсоветском пространстве. Предлагается альтернатива продвигаемому в американской академии переориентированию исследования постсоветского пространства на «внутренний и внешний Юг» ради «де-русификации» этой научной дисциплины. В этом повороте и проявляется методологический национализм как следствие забвения наработок 2000-х.

Примеры неэссенциалистского исследования обществ бывшего советского региона представлены в разделе «История». Они посвящены субалтерным (подчиненным) группам, борющимся с угнетением. В конце каждого текста – интервью с автором о его интеллектуальной траектории.

Так, Игорь Кузинер исследует современный медиафеномен «Красной смерти», сравнив в Российской империи в последние десятилетия ее существования. Это слух о человеческих жертвоприношениях старообрядцев – в частности, удушении старообрядцами-странниками («бегунами») единоверцев красной подушкой. Было несколько судебных процессов и уголовных

расследований по обвинению в ритуальном убийстве; этот слух освещался местными и центральными газетами и даже научными журналами как достоверный факт.

Однако на рубеже веков характер публичного обсуждения радикально изменился. Обвинения в ритуальном убийстве начали получать отпор со стороны комментаторов и экспертов – как левых, так и правых. Дело в том, что странники были переосмыслены в контексте национализации Российской империи: теперь их воспринимали как членов этнически русского большинства, пусть и несколько специфических. Легенда о «Красной смерти» вставала в один ряд с «Мултанским делом» против удмуртов, якобы практиковавших ритуальные убийства, и антисемитским «делом Бейлиса». Это уравнивало этнических русских с «национальными меньшинствами», поэтому русские националисты, независимо от своих политических взглядов, предпочли отрицать существование «Красной смерти» в принципе, чтобы не компрометировать претензии этнических русских как современной нации на господствующую роль в империи. Кейс Кузинера ставит под вопрос такие кажущиеся самоочевидными и стабильными категории, как русскость, религия или миллениаризм.

В статье Мирлана Бектурсунова исследуется конфликт, сопряженный с советизацией кыргызского общества в 1920-е. Оно, в основном кочевое, не имело пролетариата как социальной базы нового режима, поэтому последнему пришлось использовать существующие родовые отношения. Традиционное кыргызское общество имело комплексную горизонтальную и вертикальную иерархическую структуру, частью которой было противостояние между традиционно бесправными и слабыми (букаринскими) и основными (манапскими) родами. Советский режим сделал ставку на букаринские роды в качестве своих классовых союзников в попытке создать своеобразный «ро-

довой пролетариат». Это способствовало сохранению родовой идентичности вплоть до настоящего времени. Такая политика проблематизирует простое отождествление постсоветскости с постколониальностью.

Обсуждение проблем методологического национализма и эссенциализации новым поколением ученых продолжается в разделе «АВС». Он посвящен преподаванию истории Северной Евразии. Исмаил Бияшев публикует программу своего курса «Евразийские кочевники и кочевничество между империей и нацией (история управления разнообразием)». Автор представляет кочевников как комплексное и исторически развивающееся явление, которое нельзя описать как статичную вещь – вне конкретных исторических обстоятельств и межгрупповых отношений. Деколонизация осуществляется Бияшевым не политическими декларациями, а посредством эпистемологической работы на основе тщательного анализа исторических источников.

Также читателя наверняка заинтересует эссе Ильи Герасимова о постсоветскости и постколониальности в двух последних романах Владимира Сорокина. В своей по-

пытке в очередной раз подвергнуть модерн критике со стороны постмодернизма тот создал скорее «постпостмодернистский» модернизм. В нем сочетаются многомерный взгляд постмодернизма на реальность и идея множественных темпоральных потоков и способность модернизма создавать связанные нарративы.

«Как показали романы Сорокина начала и конца 1990-х, система антинормы нежизнеспособна в длительной перспективе и рано или поздно придется сформулировать позитивную и подлинно постпостмодернистскую повестку человеческого общежития» (с. 183).

Представленное в рассмотренных журналах тематическое разнообразие, думается, помимо прочего, важно для подготовки новых исследователей и преподавателей, которые в новых и все более жестких условиях смогут за счет открытости и кругозора противостоять закостенению, односторонним интерпретациям и архаизации публичного образа гуманитарной науки, создаваемого властью.

ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

Роберт Дарнтон в поисках истоков Французской революции

The Revolutionary Temper. Paris, 1748–1789

ROBERT DARNTON

London: Allen Lane, 2023. – xxviii, 548 p.

1

Ключевое понятие новой книги историка Роберта Дарнтона вынесено в ее заглавие. «Революционной закалкой» он называет тот *нрав* или *настрой* (другие варианты перевода многозначного слова *temper*), который постепенно сложился в широких слоях парижского населения и сделал возможным революцию конца XVIII века. Этот набор коллективных представлений и установок образовывался под влиянием информационных потоков: знакомство с одними и теми же новостями порождало в парижанах «чувство причастности к общему опыту» (р. XXVII) и объединяло их в воображаемое сообщество, объявившее себя французской нацией в 1789 году. Соответственно, своей задачей Дарнтон ставит описание череды резонансных событий того времени и реконструкцию того, как они переживались парижской публикой, формирующей общественное мнение. Признавая, что «неопос-

НОВЫЕ
КНИГИ

редованный взгляд на коллективное сознание» невозможен, историк утверждает, что обилие и разнообразие источников позволяет путем «предположений и интерпретационных прыжков» (р. XIX) получить достаточно полное представление об умонастроениях парижан в последние десятилетия Старого порядка.

Согласно Дарнтону, французская столица представляла собой огромную и ветвистую систему коммуникаций, по каналам которой постоянно циркулировали многочисленные известия, слухи и оценки. Они распространялись из уст в уста, в кофейнях и в садах, в рукописях и книгах, песнях и рисунках, за закрытыми дверями салонов для избранных и на площадях при огромном скоплении народа. Все эти медиа и жанры вступали в резонанс и взаимно усиливали и распространяли друг друга, превращая Париж в эхо-камеру, в которой вызревали радикальные мнения и эмоции. Доступ же к этому миру дают неподцензурные газеты и сборники, публиковавшиеся по-французски за пределами страны, дневники и письма некоторых внимательных к новостям и общественным настроениям современников; сатирические стихи и записи «возмутительных» разговоров, отложившиеся в полицейских архивах, – материалы, с которыми Дарнтон работает уже более пятидесяти лет.

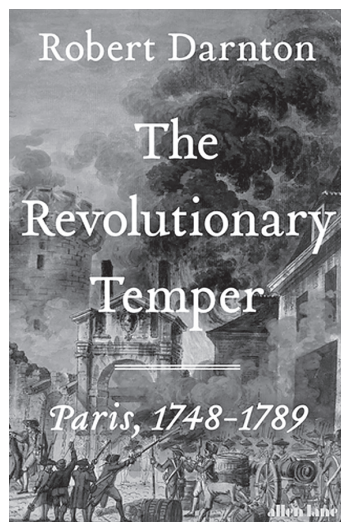
Отправной точкой повествования автор выбирает «кризис середины века» – серию разрозненных происшествий 1748–1754 годов, в реакциях на которые можно обнаружить первые ростки оппозиционного духа парижан. В 1748-м подошла к концу война за Австрийское наследство. Как показывает Дарнтон, жители столицы получали противоречивую информацию о ходе военных действий: официальные религии сильно отличались от сведений, публиковавшихся франкоязычными газетами за границей, и свидетельств очевидцев. Кроме того, внимание парижан было в первую очередь сосредоточено на Европе и сухопутных победах французов, тогда как глобальное измерение конфликта и морские успехи англичан игнорировались. В результате мирный договор неприятно их удивил, а попытка правительства представить его как триумф оказалась неубедительной. Одним из условий мира была высылка из Франции Карла Эдуарда Стюарта – Молодого Претендента на английский престол. Популярный среди парижан принц пытался обратиться за помощью к публике, но все равно был насильно выдворен из страны.

Этот громкий скандал вызвал к жизни целый ряд стихов, критиковавших Людовика XV. Французский король безвозвратно терял расположение своих подданных: распутная жизнь монарха не только порождала сплетни и изображалась в паск-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Олег Алексеевич Ларионов (р. 1998) – историк литературы, аспирант Оксфордского университета. Сфера научных интересов – русская литература XVIII века, интеллектуальная история, гуманитарная и социальная теория.

вилах, но и мешала ему получить причастие, без чего он не мог выполнять традиционную функцию короля-чудотворца, исцеляющего золотуху прикосновением руки. Сакральная аура королевской власти рассеивалась, и Людовик все меньше посещал Париж. Широкое хождение получили крамольные песни, высмеивающие короля и мадам Помпадур; в 1749 году борьба с этими текстами привела к опале министра Морепа и аресту четырнадцати человек, обвинявшихся в их распространении¹.

Один из важнейших конфликтов того времени был вызван отказом официальной церкви соборовать умирающих янсенистов. Янсенизм был широко распространен в парламентских (региональные парламенты во Франции того времени исполняли преимущественно функции юридического надзора) кругах, так что атака на него переросла в противостояние монаршей воли и судейского сословия; в религиозных полемиках начал постепенно выработываться новый политический язык. Одновременно с этим в парижском парламенте бурно дебатировались и оспаривались новые налоги, а парижские массы бунтовали из-за слухов о похищении детей полицией.

Наконец, в эти же годы власти безуспешно пытались цензурировать интеллектуальную жизнь, преследуя философов-энциклопедистов и других вольнодумцев; порой это выливалось в громкие дела и скандалы, сведения о которых доходили в том или ином виде даже до самой неискушенной публики. Впрочем, все это многообразное «недовольство сольется в общее чувство враждебности к режиму еще только через двадцать лет» (р. 52).

Вторая часть книги рассказывает о разнонаправленном «расширении публичной сферы» в 1762–1764 годах. Очередные толки и насмешки вызвало празднование окончания Семилетней войны. Много месяцев подряд публика предлагала и оживленно обсуждала проекты налоговых реформ, делая первые шаги в сторону открытой общественной дискуссии по вопросам государственного управления. Другим громким событием того времени было изгнание из Франции иезуитов, которому предшествовал судебный процесс и обширная полемика в печати сторонников и противников ордена. На фоне роста антиклерикальных и оппозиционных настроений укреплялись позиции «философов», претендовавших на интеллектуальную автономию и независимость суждений. Используя свой авторитет, Вольтер организовал публичную кампанию против преследований гугенотов католической церковью и добился по смертной реабилитации жертвы религиозной нетерпимости и государственного произвола Жана Каласа.

1 Автор посвятил этой истории отдельное исследование, переведенное на русский язык: Дарнтон Р. *Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Однако «философы» не были монолитной группой: вольтерьянской апологии светскости, роскоши и прогресса противостоял Руссо со своей критикой цивилизации. В 1761 году он опубликовал роман «Юлия, или Новая Элоиза», который стал едва ли не самой популярной книгой эпохи. Многие люди перечитывали и интенсивно переживали роман, а порой и вступали в переписку с его автором. Пока Вольтер, Руссо и другие известные писатели превращались в самостоятельные публичные фигуры и моральные авторитеты, укрепляла свои позиции и подпольная словесность пасквилей и крамольных сочинений о придворной жизни. Слухи и сплетни об интимной жизни Людовика XV и вереницы его любовниц распространялись прямо из Версаля, сначала переходили из уст в уста, потом записывались и, наконец, в более или менее трансформированном виде попадали в печать. Таким образом, книги тиражировали и закрепляли в коллективном сознании представление об аморальном и неприглядном образе жизни монарха.

Результаты становления независимой от правительства публичной сферы дали о себе знать уже в 1770–1775 годах, которые Дарнтон называет «поворотным моментом в политике». В 1771-м министр Мопу инициировал реформу (или, как считали его оппоненты, переворот), которая уничтожила старые парламенты и выстраивала на их месте новую судебную систему. Хотя яростно сопротивлявшийся парижский парламент был в итоге разогнан, победа королевской власти была неполной. Политический кризис вызвал огромную общественную дискуссию, разворачивавшуюся сразу «на нескольких уровнях информационной системы» (р. 134) – от многотомных ученых трактатов до памфлетов и новостных листков, не говоря об устной коммуникации. Пропарламентские авторы приводили множество исторических и юридических аргументов, которые обосновывали роль парламента в качестве единственного выразителя интересов нации и выводили из «фундаментальных законов» королевства необходимость согласовывать с ним любые налоги. Соответственно, попытка правительства подчинить себе парламенты интерпретировалась в категориях Монтескье как проявление деспотизма. Сторонники Мопу в свою очередь обвиняли оппонентов в желании установить вместо монархии пагубную для страны власть аристократии. Многочисленные памфлеты и многотомные сборники новостей, посвященные этим событиям, составили особый жанр – «мопуану» – и утвердили образы «министерского деспотизма» в коллективной памяти парижан.

Среди других громких событий тех лет были опала влиятельного министра Шуазёля, прибытие во Францию Марии-Антуанетты, а также тяжба с участием Бомарше, который, вслед за Вольтером, использовал жанр судебной записки для обращен-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ного к публике обличения французских юридических порядков. Смерть Людовика XV 10 мая 1774 года породила очередную волну слухов о его распутном образе жизни. Согласно Дарнтону, самые популярные анекдоты, из которых состоял этот политический фольклор, были крепко «зафиксированы в коллективной памяти» (р. 165) парижан. Людовик XVI, который среди прочего восстановил разогнанный Мопу парламент, поначалу вызывал у столичных жителей энтузиазм, однако резкий рост цен на хлеб, приведший в 1775 году к серии бунтов (так называемая «мучная война»), сильно ударил по популярности нового короля. Парижане придерживались традиционной «моральной экономики», подразумевавшей, что король должен поддерживать справедливые цены на продукты. Эксперименты правительства со свободой торговли неизбежно вызывали народное недовольство.

С рассказа о попытке государства вступить в диалог с общественным мнением Дарнтон начинает четвертую часть книги. В 1781 году министр Неккер издал отчет о состоянии финансов Франции: государственные тайны стали достоянием публичности и предметом оживленных устных и печатных дискуссий, а сам министр (вскоре снятый со своего поста) – героем дня. Последние предреволюционные годы внимание парижан занимала череда бурных событий и невероятных скандалов. Поддержка Францией американских колоний в борьбе за независимость позволила, с одной стороны, порадоваться победе над англичанами, а с другой, использовать опыт реальной и воображаемой Америки для размышлений и споров о собственной стране. Запуск братьями Монгольфьер воздушного шара в 1783 году и последовавшая за этим аэромания вселяли веру в способность человеческого разума подчинять себе природу. Подобным же образом мода на месмеризм рождала в некоторых парижанах надежду на скорое излечение всех болезней и подкрепляла их уверенность, что они живут «в мире чудесных, невидимых сил, ждущих, чтобы их обнаружили и обуздали на благо человечества» (р. 226)².

Значимым событием столичной жизни стала премьера «Женитьбы Фигаро» 27 апреля 1784 года. Бомарше долго добивался постановки скандальной пьесы (Дарнтон утверждает, что современники были больше поражены в ней откровенностью намеков на секс, чем политическим вольнодумством) и на некоторое время оказался в самом центре внимания парижской публики. Комедия оказалась едва ли не последней на ближайшие годы апологией «веселости в противовес тенденции

2 О месмеризме Дарнтон написал свою первую книгу, изданную в 1968 году и недавно переведенную на русский язык: Он же. *Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

к морализаторству и сентиментальности» (р. 230), которые все больше подчиняли себе общественные настроения. Примерами новой серьезности были сочинения Мирабо и Линге, рассказывавшие об опыте заключения в Бастилии, обличавшие государственный произвол и закреплявшие в воображении парижан символическое тождество столичной тюрьмы и деспотизма.

В 1785 году разразился грандиозный скандал, вошедший в историю под названием «дело о брильянтовом ожерелье». Речь шла о попытке дерзкого мошенничества, в которую оказались вовлечены столь разные люди, как кардинал де Роган и авантюрист Калиостро. Помимо того, что публичное судебное разбирательство много месяцев питало любопытство парижан все новыми и новыми подробностями и свидетельствами, оно катастрофически сказалось на репутации Марии-Антуанетты, имя которой оказалось замешано в этом деле. Именно в эти годы расцветает литература порнографических пасквилей, которая изображала королеву расточительной распутницей, а короля – безвольным импотентом. Свидетельства повсеместных растрат и безнравственности необратимо «подтачивали легитимность монархии» (р. 260). Этому же способствовало и равнодушие властей к заботам бедняков: попытка парижских рабочих в начале 1786 года дойти до Версаля и напрямую пожаловаться на свое положение королю не дала никаких результатов.

К 1787 году разнообразные скандалы и дискуссии постепенно начали сливаться в один общий поток новостей, идей и эмоций. Предметом резонансной полемики стала биржа, конфликтующие фракции игроков которой защищали свои позиции в многочисленных памфлетах. Ключевым участником этих споров был Мирабо, обличавший в новом тоне морального негодования финансовые махинации своих противников, среди которых был и Бомарше. Драматург оказался замешан и в очень громком деле Корнманна. Гласность юридических тяжб и расцвет жанра судебной записки превращали частные разбирательства в факты общественной жизни. В данном случае дело об адюльтере превратилось в обличение всего порочного государственного порядка, который позволял развратным аристократам и их беспринципным приспешникам вроде Бомарше соблазнять жен добропорядочных буржуа, нарушая неприкосновенность священных уз брака. Вместо того, чтобы посмеяться над роконосцем, как это могло бы быть еще десятилетие назад, парижане встали на сторону Корнманна и поддержали его протест против морального разложения, источником которого был признан пронизающий все деспотизм.

Все эти события происходили на фоне того, что правительство во главе с генеральным контролером финансов Калонном

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

столкнулось с угрозой банкротства и решило созвать Собрание нотаблей для одобрения налоговой реформы. Однако нотабли повели себя как «патриоты, противостоящие министерскому деспотизму во имя интересов всей нации», и выступили против новых налогов. Калонн был вынужден уйти в отставку и бежать в Англию, парижане осудили и сожгли его чучело в ходе карнавального ритуала, а он пытался оправдаться перед публикой в печати. В результате вокруг имени Калонна возник корпус текстов, напоминавших «мопуану» прошлого десятилетия: оба министра воспринимались как олицетворения абстрактной идеи деспотизма. Между тем правительство продолжало попытки провести налоговую реформу и на протяжении всего года препиралось со столичным парламентом, отказывавшимся регистрировать новые законы и на время изгнанным из Парижа. Все большее распространение получал тезис, что подлинным носителем суверенитета выступает не парламент, а Генеральные штаты, которые необходимо созвать.

В мае 1788 года власти попытались повторить «переворот» Мопу и упразднили старый парламент, до последнего сопротивлявшийся вырождению монархии в деспотию. Одновременно с этим происходит собрание высшего духовенства, которое, отстаивая собственные привилегии, в то же время осуждает разгон парламента и призывает собрать Генеральные штаты. Дискуссии и волнения продолжались и в провинциях, особенно в Гренобле. В стране повсеместно росло напряжение: в многочисленных памфлетах штыки превратились в символ режима, пытавшегося насильно удержаться у власти, народ страдал от высоких цен на хлеб (град размером с куриное яйцо побил урожаем) и устраивал театрализованные протесты против министров, общественное мнение возлагало надежды на Неккера, политические конфликты так и остались нерешенными, а завершился год небывало холодной зимой.

В начале 1789 года все внимание публики было уделено вопросу о составе Генеральных штатов: воспроизводить ли модель прошлого созыва (1614) или же более точно отобразить структуру современного французского общества? В новой волне памфлетов Дарнтон обнаруживает фундаментальный смысловой сдвиг: вместо борьбы парламента с «министерским деспотизмом» речь теперь идет о третьем сословии как воплощении нации, появляются призывы созвать Национальное собрание и бороться с привилегированными сословиями, используются радикальные понятия вроде руссоистской «общей воли» и «естественных прав человека». Этот способ конструирования реальности – «прочерчивание границ, обнаружение общего врага, создание коллективного самосознания» – Дарнтон считает основой «революционного взгляда на мир» (р. 400). Для

его окончательного закрепления в умах парижан не доставало только опыта насилия, который не заставил себя долго ждать. Дальнейшее слишком хорошо известно, чтобы пересказывать его даже с минимальными подробностями. Происходят выборы в Генеральные штаты, они собираются, Париж взрывается беспорядками, депутаты от третьего сословия провозглашают себя Учредительным собранием, правительство отчаянно пытается удержать власть в своих руках, волнения в столице достигают кульминации в штурме Бастилии. В результате «долгого процесса, складывавшегося годами за счет событий и восприятия событий, [...] к 14 июля парижане стали революционерами» (р. 439).

В заключении книги Дарнтон перечисляет основные черты той «революционной закалки», формирование которой в умах парижан он пытался реконструировать. Новое общественное настроение включало в себя ненависть к деспотии, любовь к свободе, приверженность нации, возмущение порочностью аристократической элиты, морализаторство, разочарование в монархии, веру в силу разума, отторжение от церкви и симпатию к Просвещению, опыт политического участия и сопротивления новым налогам, а также знакомство с насилием. Все эти идеи, эмоции и представления накапливались начиная с середины века, удерживались в коллективной памяти, подкрепляли друг друга, образовывали смысловые циклы и системы лейтмотивов. Так, вереницы любовниц Людовика XV, деспотичных министров и судебных скандалов смешивались друг с другом и оставляли у парижан общее ощущение аморальности и произвольности существующего порядка, воплощенных в ряде типовых фигур и ситуаций. Разнородные события и процессы собирались в общую картину, взывавшую к радикальным переменам, которые и принесла революция.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

2

Для более точной оценки этой книги ее стоит поместить в контекст остальных работ Дарнтонна. Истоки «Революционной закалки» можно обнаружить уже в диссертации историка «Тенденции в радикальной пропаганде накануне Французской революции», защищенной в 1964 году в Оксфорде. Первая половина этой работы легла в основу изданной четыре года спустя монографии о месмеризме, тогда как другие материалы, в том числе обсуждение образа Америки и роли биржи в публицистике предреволюционных лет, были использованы только при написании соответствующих глав новой книги. Уже в 1960-е Дарнтон пишет о «революционном настроении», носителями которого выступали «романтические моралисты» – фрустри-

рованные нищие литераторы, отвергавшие «холодный рационализм середины века» и выступавшие против литературного истеблишмента и общественного порядка³. Этот тезис подробно развернут в статье 1971 года, в которой историк противопоставлял интегрированных в Старый порядок деятелей Высокого Просвещения и маргинализованных писак из «литературных низов»; разницей социального положения и ресентиментом объяснялся умеренный либеральный реформизм первых и предвещавший революционную эпоху радикализм вторых (в числе которых был, например, Марат)⁴.

Занимаясь мелкими литераторами и никому не известными памфлетами второй половины XVIII века, «литературным подпольем Старого порядка» (как назывался сборник статей историка, вышедший в 1982 году), Дарнтон начал работать с богатейшим архивом Типографического общества Нёвшателя. Находясь за пределами Франции, это издательство публиковало и распространяло франкоязычные книги без оглядки на цензуру и авторские права. Сохранившаяся документация позволяла не просто реконструировать устройство книгоиздания и книготорговли в XVIII веке, но и получить доступ к его нелегальному измерению – миру пиратства, контрабанды и запрещенной литературы. Изучению этих необъятных тем и были посвящены многие последующие труды историка⁵.

В методологическом отношении Дарнтон отвергал традиционную историю идей, сосредоточенную на каноне великих книг великих мыслителей. Его собственный подход, который он поначалу называл «социальной историей идей», располагался на стыке социологии культуры, истории книги и истории чтения. Еще одной важной дисциплиной, с которой Дарнтон состоял в диалоге, была антропология. Интерпретативная антропология Клиффорда Гирца, направленная на реконструкцию смыслов, которыми наделяет себя и мир вокруг носители той или иной культуры, была положена Дарнтоном в основу цикла работ по культурной истории дореволюционной Франции, составивших его самую популярную и, возможно, лучшую книгу – «Великое кошачье побоище» (1984)⁶.

- 3 См. цитаты и обсуждение в: PORKIN J.D. *Robert Darnton's Alternative (to the) Enlightenment* // MASON H.T. (Ed.). *The Darnton Debate: Books and Revolution in the Eighteenth Century*. Oxford: Voltaire Foundation, 1998. P. 106–107.
- 4 ДАРНТОН Р. *Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции* // Новое литературное обозрение. 1997. № 3(37). С. 7–36.
- 5 Итоговое высказывание Дарнтон по этим вопросам: ДАРНТОН Р. *Pirating and Publishing: The Book Trade in the Age of Enlightenment*. Oxford: Oxford University Press, 2021. Одна из последних работ историка, основанных на материалах архива Типографического общества Нёвшателя, доступна и в русском переводе: ДАРНТОН Р. *Литературный Тур де Франс. Мир книг накануне Французской революции*. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- 6 ОН ЖЕ. *Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Установка на междисциплинарность, совмещение скрупулезных архивных разысканий с утонченной методологической рефлексией, обращение к нестандартным сюжетам и, наконец, незаурядный талант рассказчика, отточенность стиля и ясность изложения принесли Дарнтону заслуженную славу, вышедшую далеко за пределы круга специалистов по Франции XVIII века. Одной из его самых амбициозных и влиятельных работ стала опубликованная в 1995 году книга «Запрещенные бестселлеры предреволюционной Франции». Историк установил, что во второй половине XVIII века разнообразные запрещенные властями издания циркулировали среди книготорговцев, издателей и читателей под общим названием «философические книги». Это понятие включало в себя как атеистические сочинения философов-материалистов, так и всевозможные пасквили и непристойные тексты. По мнению Дарнтона, соседство философии и порнографии в списках самых покупаемых запрещенных книг в последние десятилетия Старого порядка позволяло по-новому взглянуть на многократно обсуждавшийся вопрос о соотношении книг, идей, философии Просвещения и революции. Один из вариантов ответа был предложен в 1933 году Даниэлем Морне, который в работе «Интеллектуальные истоки Французской революции» проследил процессы распространения просветительских идей из Парижа в провинции и из верхов в низы общества. Однако к концу века идея о том, что у каждого события есть однозначные истоки, а история движется линейно и целенаправленно, стала казаться очень проблематичной и не работающей для интерпретации наступления Французской революции⁷. Говоря об «истоках революции», современные исследователи скорее отдадут дань традиции и очерчивают то проблемное поле, в котором они выстраивают свою более нюансированную аргументацию.

Делает так и Дарнтон. Третья часть «Запрещенных бестселлеров» называется «Вызывают ли книги революции?». На этот вопрос не дается однозначного положительного ответа, однако автор всячески дает понять, что чтение запретных книг (и в первую очередь – порнографических пасквилей о жизни короля и высшей знати) являлось очень существенным фактором в радикализации общественного мнения накануне революции. Этот тезис очень трудно обосновать ссылками на источники; по сути, за ним стоит не эмпирический, а спекулятивный тип аргументации – слишком уж он всеохватный, общий и трудно верифицируемый. Дарнтон предлагает говорить о коммуникативных сетях, которые включают в себя разнородные жанры и медиа, совместно производящие, распро-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

7 См. глубокую и тонкую работу: ШАРТЬЕ Р. *Культурные истоки Французской революции*. М.: Искусство, 2001.

страняющие и усиливающие слухи, новости и идеи. Именно в этих сетях оформлялось общественное мнение, и запрещенные книги способствовали этому процессу «через закрепление недовольства в печати (сохраняя и распространяя слово) и укладывание его в нарративы (превращая вольные разговоры в связную речь)»⁸.

История чтения подчиняется историко-антропологической реконструкции коллективных взглядов, мнений, установок, чувств и способов мысли. Книги и разговоры на улицах взаимно питали друг друга и производили смену коллективных представлений: «подобно воде, капающей на камень, обличения распутных королей и злостных министров смыли слой сакральности, который делал монархию легитимной в глазах подданных»⁹. В последней главе книги Дарнтон предлагает набросок интерпретации одного из переломных этапов этого процесса десакрализации: речь идет о середине века, притеснении янсенистов, утрате Людовиком роли короля-чудотворца и падении его популярности среди парижан¹⁰. Чуть ниже историк пишет о необходимости «пройти событие за событием “предреволюцию”, показывая одновременно, что происходило и как современники понимали эти происшествия», что должно составить «предмет другой книги»¹¹. Очевидно, что перед нами – абрис «Революционной закалки». Однако есть ли между аргументацией новой и старой книг какие-либо существенные различия?

Для ответа на этот вопрос необходимо кратко осветить рецепцию работ Дарнтон его коллегами. Вскоре после выхода «Запрещенных бестселлеров» был опубликован сборник, целиком посвященный дальнейшему развитию или критическому анализу ключевых тезисов, выдвинутых историком¹². Не имея возможности останавливаться подробно на всех статьях, лишь выделим их лейтмотивы. Бросается в глаза, что многие свойства письма Дарнтон, сделавшие его привлекательным для широкой публики – тяготение к афористичности, сильным утверждениям, броским обобщениям и противопоставлениям, занимательности изложения, – смущают, а порой и откровенно раздражают его коллег-историков. Там, где рядовой читатель ценит ясность и доступность, профессионал видит огрубления, редукционизм, неточности, упрощение позиций других исследователей, насилие над материалом. Никто

8 DARNTON R. *The Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France*. New York; London: W.W. Norton, 1995. P. 191.

9 Ibid. P. 216.

10 Ibid. P. 236–238.

11 Ibid. P. 244.

12 MASON H.T. (Ed.). *Op. cit.*

не отрицает, что Дарнтон – очень талантливый исследователь, автор новаторских работ, умело соединяющий превосходное владение первоисточниками с теоретической оснащенностью и умением ставить новые вопросы и предлагать яркие интерпретации. Проблема в том, что из-за своей харизматичности и установки на популярность он замещает собой то научное поле, в котором работает. Во внешнем восприятии огромная и сложная сфера культурной истории дореволюционной Франции, плодотворно разрабатываемая множеством очень разных первоклассных ученых, оказывается вотчиной Дарнтонна и деформируется под тяжестью его индивидуальных предпочтений – любимых тем, источников, ракурсов. (Стоит отметить, что это тем более справедливо для русскоязычного пространства, в котором переводы работ американского историка появляются исключительно в обрамлении хвалебных аннотаций, без каких-либо попыток хотя бы минимального критического дистанцирования и контекстуализации его исследовательского проекта.) Соответственно, вместо того, чтобы очаровываться стилистическим блеском и риторической убедительностью письма Дарнтонна, коллеги вступают с ним в критический диалог и полемику, возвращая предмету своих занятий всю присущую ему сложность и неоднозначность¹³.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Там, где рядовой читатель ценит ясность и доступность, профессионал видит огрубления, редуционизм, неточности, упрощение позиций других исследователей, насилие над материалом.

Исследователи сильно корректируют, если не абсолютно отвергают, тезис раннего Дарнтонна о конфликте привилегированного Высокого Просвещения и отвергнутых обществом литературных низов. Многочисленные памфлетисты, в том числе и Жак-Пьер Бриссо, на основании спорно интерпретированной карьеры которого Дарнтон и выстроил всю аргументацию своей громкой статьи 1971 года, были вполне вписаны в старорежимный мир патрон-клиентских отношений. Их сочинения не питались ресентиментом, фрустрацией и радикализмом аутсайдеров, а писались по заказу враждующих политических фракций и придворных клик, воплощавших собой Старый порядок. Что же касается вопроса о вкладе пасквилей

13 Здесь и далее я опираюсь на следующие статьи: POPKIN J.D. *Op. cit.* P. 105–128; GORDON D. *The Great Enlightenment Massacre* // MASON H.T. (Ed.). *Op. cit.* P. 129–156; EISENSTEIN E.L. *Bypassing the Enlightenment: Taking an Underground Route to Revolution* // *Ibid.* P. 157–177; KAISER T.E. *Enlightenment, Public Opinion and Politics in the Work of Robert Darnton* // *Ibid.* P. 189–206; PASTA R. *Beyond Empiricism: A Comment on Robert Darnton's Work* // *Ibid.* P. 207–233.

в радикализацию общественного мнения и делигитимацию монархии, то оппоненты Дарнтонна напоминают, что мы не знаем, насколько серьезно читатели относились к этим текстам и какое место запрещенная литература в целом занимала в общей структуре чтения. Дарнтонна часто упрекали в игнорировании философско-теоретического измерения политической мысли, столь важного для эпохи Просвещения. Сразу несколько коллег видели в его предпочтении всеми забытых порнографических сочинений трудам великих мыслителей постмодернистский жест переворачивания иерархий и подрыва канонов – отражение настроений, приоритетов и ценностей нашего времени (то есть конца 1990-х), а не XVIII века.

Резкой критике подверглось и использование Дарнтонном понятия «общественное мнение». В одном из характерных для его текстов пассажей, в котором бережное отношение к концептуальным нюансам и работам предшественников приносится в жертву риторической эффектности, Дарнтон пишет, что историки Кит Бейкер и Мона Озуф – авторы «прекрасных статей об идее общественного мнения, как она выражалась в сочинениях “философов”», – «кажется, считают адекватным изучать идею явления, а не само явление»¹⁴. Между тем понятие «общественное мнение», которое все более активно входит в политический язык с середины XVIII века, – именно что умозрительная конструкция, которая не только не совпадает, но и не должна совпадать с эмпирической реальностью бесчисленного множества тех или иных индивидуальных и коллективных суждений и мнений. Вопрос о соотношении идеала унифицирующего суда общественного мнения и действительной текучей разногласицы позиций и реакций требует отдельной рефлексии, тогда как Дарнтон просто приравнивает фиксируемые полицией крамольные высказывания на улицах Парижа к тому общественному мнению, на которое ссылаются для самолегитимации власть и акторы публичной сферы, и утверждает, что на это же самое общественное мнение решительно повлияла запрещенная литература пасквилей¹⁵.

Возвращаясь к новой книге Дарнтонна, можно заметить, что «Революционная закалка» предлагает значительно более сбалансированную картину радикализации коллективного сознания французов в предреволюционные десятилетия, чем «Запрещенные бестселлеры». Придя к вопросу об истоках революции через историю книги и чтения, исследователь в целом преодолевает книгоцентризм, в котором его порой упрекали. Обосновав еще в «Запрещенных бестселлерах» необходимость изучения

¹⁴ DARNTON R. *The Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France*. P. 179.

¹⁵ Критику дарнтоновского анализа общественного мнения см. в первую очередь в: EISENSTEIN E.L. *Op. cit.* P. 171–173; GORDON D. *Op. cit.* P. 152–154.

коммуникативных сетей, образующих информационное общество, Дарнтон теперь прослеживает скорее судьбы новостей, чем книг. Говоря точнее, он продолжает отводить существенное место в своем рассказе запрещенной литературе пасквилей и известий, регулярно повторяет свое трудно проверяемое утверждение, что эта подпольная словесность за счет свойств печатного медиума фиксировала и структурировала смыслы и создавала понятийную решетку, систему убеждений и установок, через которую парижане воспринимали и толковали события. Однако теперь этот тезис заметно децентрирован и словесность превращается лишь в один из факторов формирования «революционного настроения».

Подобным же образом – не столько отказываясь от своих более ранних утверждений, сколько смягчая их категоричность, – историк перестает делать в своем анализе акцент на понятии «общественного мнения», предпочитая говорить о коллективных установках, «революционной закалке» и так далее. Наконец, новую книгу нельзя упрекнуть, как другие труды автора, в антиинтеллектуализме и однобоком предпочтении запретного и непристойного каноничному и серьезному. Дарнтон не развенчивает Высокое Просвещение, но подробно пишет об «Энциклопедии», Гольбахе, Вольтере, Руссо. Не сводит политическую мысль и речь к толкам в тавернах и на площадях, но и анализирует вполне в духе стандартной интеллектуальной истории выработку аргументации и понятийного аппарата нового политического языка на страницах ученых трактатов и в парламентских дебатах.

И все же некоторые возражения против метода историка, озвученные в связи с его более ранними работами, сохраняют свою актуальность и для этой книги. Как пишет Дэниел Гордон – едва ли не самый острый и пронизательный критик Дарнтонна, – в текстах последнего есть ощутимая «нехватка понятий, специально предназначенных для интерпретации процессов»¹⁶. Вместо того, чтобы систематически выработать концептуальный аппарат и последовательно выстраивать аргументацию, Дарнтон предпочитает блистать в каждом отдельно взятом моменте, не всегда заботясь о целом; использует яркие метафоры вместо рассуждений, по-разному, чуть ли не небрежно, расставляет акценты в разных местах текста. В третьей части «Запрещенных бестселлеров» связь книг и революции держится на одном-единственном понятии «десакрализация», и Гордон фундированно демонстрирует недостаточность этого термина и нескольких красивых фраз для интерпретации сдвигов, которые сделали революцию возможной¹⁷.

16 GORDON D. *Op. cit.* P. 132.

17 *Ibid.* P. 145–156.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Этот же упрек можно предъявить и «Революционной закалке». Почему, собственно, сформировался этот радикальный настрой? Дарнтон скорее констатирует данный факт, чем объясняет его. Почему многие десятилетия новости, слухи, клевета и литература пасквилей появлялись и исчезали бесследно, а с какого-то момента запустился процесс накопления кумулятивного эффекта, в конечном счете приведший к качественной трансформации коллективного сознания? Как отметил Томас Кайзер, намеченная Дарнтоном диалектика становления оппозиционного духа так и не получила у него удовлетворительного объяснения и в результате оказалась «лишена достаточно сильного мотора», который двигал бы ее вперед¹⁸. Это остается верным и для последней книги историка. Несмотря на множество описаний устройства общества и культуры дореволюционной Франции, развитие «революционного настроя» не помещается в какой-либо объясняющий политический или культурный контекст (не говоря уж о социальном или экономическом). За этим можно распознать принципиальную позицию, которую Гордон называет «миметической ловушкой»¹⁹. Речь идет о неоднократно деклариовавшемся убеждении Дарнтон, что рассказ о прошлом должен вестись в категориях, использовавшихся самими участниками событий, без ретроспективного взгляда, без попыток обнаружить в событиях прошлого смыслы, которые недоступны людям того времени.

За этим стоит приверженность Дарнтон «понимающему» методу Гирца, стремившегося истолковывать культуру на ее собственных основаниях. Радикальный отказ от хотя бы минимальной «герменевтики подозрения» приводит, однако, к отказу от выстраивания каких-либо причинно-следственных связей. Остается только описывать события и утверждать, что их смысл полностью исчерпывается восприятием современников. Например, Дарнтон отвергает интерпретацию событий «предреволюции» 1787–1788 годов как реакционной попытки элит сохранить свои привилегии на том основании, что сами парижане видели в этом борьбу с «министерским деспотизмом» и ничего больше (р. 467)²⁰. Доведенное до предела отождествление точки зрения историка с точкой зрения источников приводит к исчезновению между ними границы. Сам Дарнтон признает проблематичность того, что он «использует новостные сообщения одновременно как свидетельство и того, что происходило, и того, что люди думали, что происходило [*what people thought was happening*]» (р. 449). Вместо дистанциро-

18 KAISER T. E. *Op. cit.* P. 191.

19 См.: GORDON D. *Op. cit.* P. 132–138.

20 Тот же самый аргумент представлен и в: DARNTON R. *The Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France*. P. 242–244.

вания и анализа историк начинает сливаться с источниками и пересказывать их, автор становится ретранслятором, а текст исследования – современной имитацией новостных изданий XVIII века. Неудивительно, что Дарнтон в заключении книги обосновывает верность своего тезиса тем, что имеет опыт «долгого, медленного процесса погружения в источники, своего рода маринования» (р. 449). Здесь происходит уже какое-то телесное (или, если угодно, мистическое) слияние исследователя и исследуемого.

Этот жест – как и весь исследовательский проект Дарнтонна – следует поместить в широкий контекст меняющихся подходов к интерпретации Французской революции. Во второй половине XX века классическое марксистское понимание революции подверглось атаке со стороны историков-ревизионистов, развенчивавших представление о ее буржуазном характере. Вслед за этим пришли постревизионисты, предложившие взамен прохудившемуся социальному истолкованию революции политическое и культурное. Вместо классовой войны на передний план вышли политическая борьба за власть, ритуалы и символы, а также культурная динамика упадка придворного общества и становления институтов и практик публичной сферы²¹. Разумеется, труды Дарнтонна, который прямо отказывается «выводить коллективное сознание из работы экономики или структуры социальной системы» (р. 450), – ярчайший образец историографии эпохи упадка марксистских объяснительных моделей и торжества культурной истории.

«Революционная закалка» – местами довольно странное сочинение. Это то ли оригинальное исследование, которому в таком случае не хватает проработанности и строгости понятийного аппарата и теоретической основательности, то ли опыт синтетического повествования о предреволюционных десятилетиях, который слишком много пересказывает новостные издания того времени и слишком мало реконструирует социальные и культурные контексты описываемых событий. Строго говоря, Дарнтону, видимо, так и не удалось предложить связную и убедительную интерпретацию наступления революции. Более перспективным, чем поиск всемогущей главной причины (будь то крамольные сочинения или более аморфные и эфемерные информационные потоки), кажется изучение сложных переплетений и взаимодействий множества социальных и культурных практик и дискурсов, намеченное Роже Шартье²². По сути, это и делает Дарнтон в самых убедительных местах

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

21 Ценный аналитический обзор дискуссий о природе Французской революции: BLANNING T. C. W. *The French Revolution: Class War or Culture Clash?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1998. Там же см. библиографию во-проса.

22 ШАРТЬЕ Р. *Указ. соч.*

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ
РОБЕРТ ДАРНТОН
В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

своей книги, когда связывает новостные события с устойчивыми коллективными представлениями (недопуск короля к участию и его роль чудотворца, рост цен на хлеб и традиционная «моральная экономика» и другие). Возникновение в эти моменты напряжений, конфликтов и вынужденной трансформации взглядов не просто постулируется, но и объясняется (что требует на практике того самого выхода за пределы кругозора и самосознания изучаемых людей, который – в теории – Дарнтон отвергает). Однако, чтобы прописать подобные связи и закономерности на протяжении всей книги, требуется ни больше ни меньше как предложить новую концепцию истории Франции XVIII века во всех ее аспектах – от социальных и экономических до культурных и интеллектуальных. Дарнтон этого не делает, и вряд ли это вообще кому-нибудь под силу. Как бы то ни было, движение в этом направлении требует не отторжения объяснительных моделей социальной истории, а серьезного с ними диалога. Сложность, практически неразрешимость задач и вопросов, на которые пытается ответить эта книга, красноречиво свидетельствует об амбициозности и важности работ Дарнтонна, даже если они не всегда достигают поставленных целей. В любом случае «Революционная закладка» может служить хорошим введением в историю предреволюционной Франции и очень занимательно написана – уж этого у Дарнтонна точно не отнять.

Summary

The 156th *NZ* issue consists of three main thematic blocks of materials, as well as additional adjoining pieces and several stand-alone texts, all of them devoted to the political history and cultural anthropology of the 20th and 21st centuries.

The opening selection of articles focuses on one of the usual topics from the journal's research agenda – the theory and practice of federalism. This time, the subject of discussion are not *metamorphoses* but *pseudomorphoses* of federalism (this term is used in a broad, post-Spenglerian sense). *NZ* publishes an excerpt from “*Federal Government*” (1947) by the Australian constitutional historian and theorist Kenneth Wheare, which is a classic work in its field. The chapter translated for the 156th issue is called “*Federal Constitutions and Federal Governments*”; in it the author gives a brief outline of federal constitutions and practices of federalism, from the United States and Switzerland to Brazil and Stalin's version of Soviet federalism in the 1930s. In his own article, *NZ* editor Andrei Zakharov writes about the period of pseudo-federation in post-war Ethiopia, which in the 1950s and 1960s absorbed Eritrea using federalist rhetoric and various political and administrative instruments of federalism. The topic of Leonid Isaev and Anton Mardasov's article is separatism and federation; for the purposes of their analysis, the authors use the case of Chad.

The first thematic block is followed by the *NZ ARCHIVE* section, which contains

an excerpt from the undeservedly forgotten book by the Russian legal scholar and public figure Sergei Korf (1876–1924) entitled “*Federalism*” (1917). The author discusses various types of interstate formations and treaties, trying to prove that their emergence – and the accompanying depreciation of nation-state sovereignty – was a logical result of the entire course of the modern era.

The second thematic block of this *NZ* issue is devoted to a topic that in recent years has become popular among political philosophers and theorists, especially in Russia. This selection of articles is called “THEOLOGY AND MODERNITY: THE *KATECHON*, OBSESSION, AND SOCIALIST SPIRITUALITY”; its overarching theme is a late-modern rethinking of the relationship between man or the human society and history, a new and unexpected turn to theology among contemporary thinkers, and even an attempt to link current discussions about the future of socialist ideas and practices with “spirituality”. All this seems to be the result of a crisis of the two recently influential approaches: critical theory and deconstruction.

The selection opens with Sergei Koretko's article “*The Katechon and the Flickering Presentism of the 20th Century: Schmitt, Benjamin, Koselleck*”, where the topic at hand is analysed in the context of the theories of these three thinkers. Critique of radical theology is the focus of Dmitry Skorodumov's mini-treatise, at the beginning of which he asks (what we later realise to be a rhetorical question): “How is theophany possible today? The spirit of enlightenment, industrial production and cold rationalism of the

20th century – «a beast of a century» or «an era of mobilization» – seemed to have completely ousted any religious inclinations from the public consciousness, turning any miracle-like experiences into cultural marginalia that have virtually no bearing on «adult», rational affairs. There was no longer any place for the divine presence in the world of science and technology. The modern world is only interested in religion because it serves as a marker for keeping statistics and maintaining control – the intricacies of actual religious practices and their significance do not compel the minds of those possessed of instrumental rationality”. The block ends with Andrei Gelianov’s detailed (and critical) response to Graham Jones’s book *“Red Enlightenment: On Socialism, Science and Spirituality”*.

Maria Rachmaninova shares her critical analysis – that turns into scathing criticism – of the language, vocabulary and linguistic policies of late-stage capitalism in the essay entitled *“Scripted, Sickly Sweet and Machine-Cold: Linguistic Cocktails of the Artificial Intelligence Era”* (POLITICS OF CULTURE). In a sense, this text continues the theme introduced in the preceding section.

The third collection of materials in the 156th *NZ* issue is called “PROBLEMS OF HISTORICAL REPRESENTATION”, which echoes the discussions on presentism from the second thematic block mentioned above. This selection contains three articles devoted to specific cases of historical representation in the Russian culture and history of the interwar period, preceded by an introductory article by the compiler of the collection, Anatoly

Korchinsky (*“Historical Representation Revisited: Case Studies”*). Alexey Masalov interprets the classic text of Russian Futurism, Velimir Khlebnikov’s poem *“Ladomir”*, through the lens of Walter Benjamin’s essay *“On the Concept of History.”* Natalya Bakshaeva offers the readers an analysis of ego-documents (from personal diaries to visual propaganda and publications in the Soviet press) related to the history of the Bolshevo Commune for young offenders. Ivan Savushkin interprets the representation of pre-revolutionary Russia in the diaries of White émigrés (*“«Not That Russia»: The Apophatic Strategy of Representation in the Ego-Documents of the Russian Diaspora”*).

Among the remaining materials, we can single out another *NZ ARCHIVE* publication: excerpts from the book of travel essays *“Journeys to Palestine: 1925 and 1929”* by Abraham Cahan, a prominent figure in the Jewish socialist movement in the USA, the founder of the American Yiddish newspaper *“Forverts”*. Also noteworthy are the latest instalments of the regular columns by Alexei Levinson (*“Scary Holiday”* in Sociological Lyrics) and Tatiana Vorozheikina (THE REVERSE OF THE METHOD), who writes about Venezuela, which has entered a period of political unrest after the recent presidential election.

As usual, the 156th *NZ* issue wraps up with *RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW* by Alexander Pisarev and the *NEW BOOKS* section, that includes Oleg Lariov’s assessment of *“The Revolutionary Temper: Paris, 1748–1789”*, a new book by the American expert on the history of 18th-century France, Robert Darnton.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com

eurozine

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс ПЗ832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51